

Вера Катша

The poster features a central figure, a man with long blonde hair, wearing a red, buttoned-up coat with a black sash and a white ruffled collar. He stands in a dark, stone-walled environment with a fiery, lava-like background. To his left, a woman in a dark red dress stands in a doorway. In the foreground, a large white dog with its tongue out is visible. The overall atmosphere is dramatic and intense.

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ
ПОЛНОЧЬ

Вера Викторовна Камша
Синий взгляд смерти. Полночь
Серия «Отблески Этерны
(Сериял Этерна)», книга 10

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442396

Сердце Зверя. Том 3. Синий взгляд Смерти. Полночь / Вера Камша:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60015-1

Аннотация

Свершилось... В Кэртиану пришла Полночь – время жестокое и беспощадное. Никто не спасет, никто не защитит, никто не укроет – в ночи все мы одиноки, и нет тех сильных и мудрых, которые взвалили бы нашу ношу на свои плечи. Или все-таки есть? Маршал Лионель и король Хайнрих, талигойская графиня и маленькая гоганни, Повелитель Молний и Тень, скромный монашек и великолепный виконт, алатские витязи и марагонские сыровары – все они ведут свой, подчас безнадежный бой.

И приходит надежда – надежда на то, что Полночь отступит и придет Рассвет...

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	9
1	9
2	11
3	16
Глава 2	22
1	22
2	27
3	30
Глава 3	35
1	35
2	40
3	45
Глава 4	50
1	50
2	53
3	58
Глава 5	64
1	64
2	69
3	71
Глава 6	76
1	76

2	79
3	84
Глава 7	87
1	87
2	92
3	96
4	99
5	101
6	106
Глава 8	111
1	111
2	113
3	118
4	124
Глава 9	128
1	128
2	130
3	133
Глава 10	138
1	138
2	142
3	144
4	147
5	150
6	152
7	154

8	157
Глава 11	161
1	161
2	163
3	166
Глава 12	170
1	170
2	172
3	175
4	178
5	181
6	185
7	188
Часть вторая	194
Глава 1	196
1	196
2	198
3	202
Глава 2	206
1	206
2	208
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Вера Камша

Синий взгляд смерти. Полночь

Галине Каспаровой (Twistress)

*Наше дело – горячий, нестойкий сухой песок,
наше дело – гнилое болото из края в край,
наше дело – умри, и не сдвинешь на волосок,
наше дело – иди, дыши и не умирай.
Ходит вымпел прямо под тучею штормовой,
чьим-то словом согреваются города,
над болотом колос качает солнечной головой,
по пустыне каменным руслом бежит вода...*

Даниил Мелинц

*Мы боялись крушения мира, но даже и не
почувствовали, как он колеблется.*

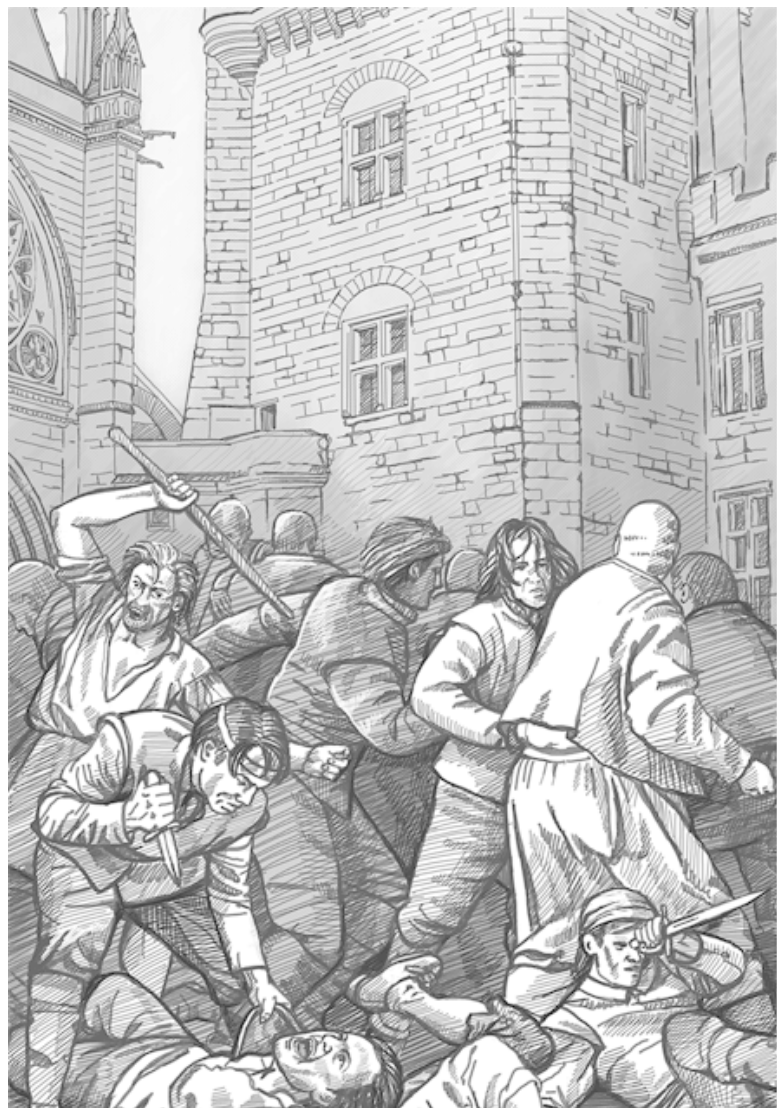
Октавиан Август

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину
Ивановскую, Даниила Мелинца (Rodent), Ирину
Погребецкую (Ira66), Елену Цыганову (Яртур),
Игоря Шауба, а также Донну Анну (Lliothar) и
Yanek del Moscu.*

Часть первая «Восьмерка Мечей»¹

*Конец надежды – начало смерти.
Шарль де Голль*

¹ «Восьмерка Мечей» – младший аркан Таро. Одна из наиболее кризисных карт в раскладе, символизирует конфликты, преодоление. **П. К.** указывает на предательство, депрессии, несчастные случаи, неспособность действовать. Может означать роковые факторы.

Глава 1

Бергмарк

400 год К. С. 18-й день Летних Волн

1

Торка наслаждалась. Прогретая солнцем, зеленая, щебе-
чущая – она благословляла бы Создателя за лето, если б толь-
ко была способна думать об осени. Лионель Савиньяк об осе-
ни думал. В том смысле, что вряд ли фок Варзов успешно до-
вертится до дождей, которые прекратят кампанию своей во-
лей. Сражение состоится со дня на день, если уже не состоя-
лось, и ничего хорошего Западной армии оно не сулит. Под-
ход Эмиля, даже самый своевременный, разве что несколь-
ко сравнивает силы и подхлестнет молодняк, и так начинаю-
щий заводиться. Лионель оскорбленных в лучших чувствах
тенъентов и капитанов не подзуживал; напротив, Проэмпере-
радор Севера сделал для смягчения недовольства все, на что
был способен, и теперь уводил отдохнувшие полки в Надор.
Войска шли не быстро, хоть их и не обременяла артиллерия,
большую часть которой отправили на границы Ноймаринен.
Гнать людей и лошадей Савиньяк нужным не считал – он не
спешил, он совершенно не спешил, готовый развернуться и

броситься назад по первому же зову. Или без зова.

На душе становилось все беспокойней, однако тревога не мешала маршалу проминать Грато и любоваться пышной зрелой зеленью. И уж тем более она не сказывалась на делах. Принять отдышавшуюся армию, отправить Эрмали с его пушками к перевалам, забрать отбитого у мстительного Гогенлоэ Манрика, отписать Бертраму... Со стариком Ли был откровенен, не забыв даже про глаза адъютантов Рудольфа, жаждавших хоть какой-то победы.

Достойные перезрелых невест взоры в собственной приемной предвещают поражение. Рудольф не мог этого не понимать, и Лионель ждал курьера в лучшем для Талига случае с приказом оставить войска и мчаться в Хексберг, в худшем – форсированным маршем следовать в Марагону спасать вчерашний день. Но гонца не было, и Савиньяк выступил. На дорожку пришлось убеждать встревоженного маркграфа в том, что регент знает, что делает, а их дело – да-да, дорогой Вольфганг-Иоганн, именно так – выполнять распоряжения.

С Фридой разговор вышел более откровенным. Любящая дочь опасалась за отцовское здоровье и полагала, что регентом должен быть Алва или... не Алва. Лионель выслушал и разлил вино, подведя тем самым черту под деловой частью беседы. Утром он позавтракал с правой четой и покинул Агмштадт. Все было хорошо, и позднее лето пахло малиной. К вечеру на дорогу выскочил олень, совсем молоденький...

Само собой, дурачка подстрелили. Ли, хоть и не был суеверен, предпочел бы дичь с чужого герба, и еще он бы предпочел, чтобы малыш Арно набирался ума на ноймарских перевалах, а не мозолил глаза проигрывающей армии фамильной мастью...

– Мой маршал! Разъезд встретил губернаторский конвой из Надора. С ним следует некая госпожа Арамона. Она настаивает на личной встрече с вами.

– Хорошо. Полагаю, дамского седла в обозе не найти?

2

Луиза уселась на расстеленный для нее галантным адъютантом плащ, расправила юбку и принялась копать в корзинке для рукоделия. Место для встречи выбрали идиллическое. Заросший шелковистой травкой склон спускался к речке, за ней зеленел даже не луг – лужок, на котором паслись овечки. Мало того, бережок до такой степени зарос незабудочками, что стал голубеньким. И среди этакой пасторали в ожидании красавца-военного восседала дура средних лет, портя пейзаж и едва не подвывая от нахлынувших воспоминаний об Эйвоне. Несчастный рыцарь столько говорил о цветах, а умер зимой и под камнями! Госпожа Арамона шмыгнула носом, сглотнула и принялась вдевать нитку в иголку, как никогда чувствуя себя вдовой.

Она вышила уже четверть стрекозы, когда из зарослей вы-

рвался всадник на сером в яблоках коне и красивым галопом пошел к реке. Луиза невольно залюбовалась стремящимся к ней совершенством. Покойный Арнольд недолюбливал графов, но этот был хорош! Капитанша отложила вышивку, поднялась и сделала реверанс. Спешившийся Савиньяк по-военному наклонил голову и щелкнул каблуками. Руку для поцелуя он не попросил, да и с чего бы?

Затолкав поглубже самую нелепую в своей жизни обиду, Луиза выслушала приветствие и ответила столь же сдержанно. Они пошли рядом вдоль берега. Эйвон предложил бы опереться на его локоть, Савиньяк ограничился тем, что предоставил даме чуть заметную тропинку, а сам удовлетворился травкой.

– Сударыня, – без обиняков начал граф, – я вас слушаю.

– Так вы не считаете меня полоумной? Я хотела бы в этом удостовериться.

– Визит капитана Гастаки в Найтон имел последствия?

– Да. – Луиза невольно покосилась на корзинку, которую не рискнула оставить на плаще. – Я встречалась с Зоей еще несколько раз и дважды видела... своего покойного мужа. Я могу это почти доказать.

– Это излишне, – спокойно заверил собеседник. – Рассказывайте. Извинения и оговорки лучше опустить.

Госпожа Арамона опустила. Рассказа, к счастью, хорошо продуманного, хватило до нависшего над речкой кривого дерева и обратно.

– Присядем, – предложил маршал, и Луиза не то чтобы изящно опустилась на черный атлас. Сэль на офицерском плаще и среди незабудок выглядела бы очаровательно, этого не стал бы отрицать даже Савиньяк! Луиза пошарила в корзине и вытащила завернутую в канву маску. Среди бела дня она выглядела не столь устрашающе. Маршал поднял добычу Селины и довольно долго разглядывал, держа в вытянутой руке, потом перевернул.

– Чем вы руководствовались, когда брали именно эту вещь?

– Не могу объяснить... В сокровищнице казалось, что так надо.

Савиньяк внимательно посмотрел сперва на маску, потом на саму Луизу, и та, прежде чем поняла, что несет, брякнула:

– Вы похожи!

– В самом деле? – удивился граф... Дался же ей этот титул! – Мне кажется, вы мне льстите и даете повод оставить сей антик у себя. Значит, дороги к золоту Манлия вы не знаете?

– Выходцы не знают, – уточнила Луиза. – Они ходят от смерти к смерти и не запоминают людские названия.

– Я уже понял. Клад Манлия лежит рядом с «дурной смертью», а дурная смерть – это либо самоубийство, либо убийство с какой-то особенностью. Покидая Найтон, вы, кажется, заметили тень былого насилия?

– Да. Я потом расспросила соседей. Бывшие хозяева не хо-

тели рассказывать, чтобы я не раздумала покупать дом. Тринадцать лет назад... Селина?! Что тебе нужно?

– Ты могла что-то забыть. – Сэль не удосужилась хотя бы вдеть приличные серьги. – Монсеньор, я не засыпаю, когда приходят выходцы...

– Рад вас видеть, сударыня. – Савиньяк вежливо встал, ожидая, когда примчавшаяся девица усядется рядом с мамашей, после чего вновь опустился на траву. Луиза сама не понимала, чего хочет от красавца маршала больше – безопасной учтивости или восхищения дочкиной красотой. Пожалуй, все-таки восхищения. – Вы можете дополнить рассказ вашей матушки?

– Я не знаю, что мама уже сказала.

Проэмперадор коротко повторил, и Луиза преисполнилась восхищения вместе со злостью: несносный граф не просто запомнил то, что казалось полным бредом, он разложил этот бред по баночкам и коробочкам не хуже аптекаря. На прелесть слушавшей его девушки истукан в перевязи обращал не больше внимания, чем его жеребец – на пейзаж. Селина была не лучше: раньше, говоря с посторонними мужчинами, она хотя бы краснела, что ей удивительно шло, но белокурого Проэмперадора дочка слушала, будто собиралась... продать ему репу.

– Я знаю, где искать золото, – изрекла наконец родная кровиночка. – В той часовне бросилась на нож знатная дама. В платье, как на портрете матери короля Лорио Слабого.

Темно-красное с серебром.

– Лорио правил в конце круга Волн, – невозмутимо определил маршал. – О самоубийстве в доме Ноймаринен я не слышал, но это ни о чем не говорит.

Сэль вскинула головку. Совсем как бедняжка Айрис.

– Вы получили мамино письмо, но ничего не исправили!

Зоя говорит, надо спешить.

– Куда? – спросил Савиньяк и, не дожидаясь ответа, добавил: – Я вынужден отменить распоряжение герцогини Георгии. Вы отправитесь со мной. Если появятся выходцы, постарайтесь убедить их нанести мне визит. Если это невозможно, приведите меня к ним.

– Сударь! – ахнула Луиза. – Что вы такое говорите?!

– Только то, что мне нужно переговорить с капитаном Гастаки или, в крайнем случае, с ее супругом. Напомните ему об унаре Лионеле и рисунках в трапезной, изображавших ментора Арамону на вертеле. Конечно, повод смехотворный, но душа вашего покойного мужа, сударыня, не в обиду будь сказано, величием не отличалась, а мелкие души лучше всего помнят мелкие обиды.

Луиза не могла не согласиться. Селина, наморщив лобик, о чем-то сосредоточенно размышляла. Маршал не торопился, он в самом деле собрался говорить с выходцами, только и Зоя, и Арнольд, причеши его хореки, будто сквозь землю провалились.

Порой ярость придает сил, но чаще делает глупее, а значит, уязвимей. Лионель отложил перо и предельно спокойно посмотрел на доставленного в маршальскую палатку Манрика. Свежий воздух и верховая езда шли бывшему тессорию на пользу: одутловатость пропала, весь он словно бы подтянулся. Рудольф выглядел заметно хуже. Потому что тушил и не мог потушить дом, который подожгли временщики.

Правда, паклю приготовил Сильвестр, с которого уже не спросить, так что спрашивай с себя. И за то ли пережившего свое, то ли недожившего кардинала, и за оставленных без присмотра «фламинго»...

– Это невыносимо! – почти выкрикнул Манрик. – Вы хотели говорить, так говорите!..

– Что именно «невыносимо»? – Ярость, напоследок взвизгнув, смирилась и привычно пошла шагом.

– Этот ваш взгляд... Что вам от меня нужно?!

– Вы отлично знаете, что. Способный прокормить себя и армию Надор. В противном случае я бы вас не замедлил пристрелить. Садитесь.

– После... После такого приема?!

– Именно. К нам присоединились известная вам госпожа Арамона и ее дочь. В случае необходимости вы их увидите и услышите, но я предпочел бы обойтись без дам. Мне нуж-

ны ответы, Манрик. Вас с вашим сообщником не навещали выходцы?

– Нет! Если вы собрались надо мной издеваться...

– По вашей милости в Закат и, что в данном случае, видимо, важнее, в Рассвет отправилось достаточное количество человек. Они вас не тревожат?

– Нет!

– Жаль... – О выходцах, если только не уходят с ними, забывают. Обычные люди об обычных выходцах забывают. Значит, среди убитых в Олларии не нашлось никого бросившегося после смерти спасать пока еще живых. Или не все так просто?

– Госпожа Арамона, оправдывая себя и своего родителя, скажет все, что вам понравится. – Манрик настолько опомнился, что принялся... понижать стоимость свидетельницы. – Когда я был кансильером, эта дама стала моей шпионкой. Само собой, внебрачная дочь Креденьи отправилась в Багерлее за этой змеей Ариго, ведь ей самой ничего не грозило. Вы удивлены?

– Разве что вами. Неужели вы думали, что дама, оказавшаяся при дворе по прихоти Алвы, во-первых, будет глупа и, во-вторых, станет служить кому-то, кроме Ворона? Даже собственному отцу? Вы плохо разбираетесь не только в политике и войне, но и в женщинах. Это не оскорбление, это данность – будь иначе, после смерти Сильвестра вы вели бы себя умнее.

– Вам легко говорить!

– Несомненно. Как умерли герцог и герцогиня Придд?

Моя мать в Олларии, так что получить ответ – дело времени.

– Герцогиня приняла яд.

– Иными словами, ее отравили. Кто?

– Пошлите за Колиньяром.

– Он глуп не до такой степени, чтобы травить узников прежде, чем будет получено признание.

– Я не имел в виду, что он это приказал, просто... Багерлее ведал обер-прокурор, я был слишком занят, чтобы вникать в следствие. Герцогине и ее старшему сыну показали, как проходит допрос с пристрастием, и дали ночь на размышление. Утром ведьму нашли мертвой, тюремщики, на первый взгляд, были вне подозрений. Колиньяр считал, что покойница сумела пронести яд с собой.

– А герцог?

– Перед... отъездом Колиньяр отдал приказ.

– Только Колиньяр?

– Я был вынужден с ним согласиться. Вывозить преступников бессмысленно, оставлять в живых – опасно. Когда комендант Багерлее не присоединился к обозу, у меня возникли подозрения в его честности...

– У вас о сем предмете престранные понятия. – Ли с неожиданным для себя самого удивлением посмотрел на собеседника. – Убийство одних врагов накануне входа в столицу других не следует поручать честным служакам. Особенно

после измены такого кладезя добродетелей, как Люра.

– Вы, надо думать, лично проследили бы!

– Разумеется, – вдаваться в подробности своих отношений с Пертом Ли не стал, – но за вами проследит Вайспферт. Завтра вы отправляетесь с ним в Надор. Требовать от вас невозможного я не собираюсь, но к зиме болтающихся без дела и супа беженцев в провинции остаться не должно, северу пора кормить себя самому. В случае необходимости займете средства в Красном Манрике и прочих... подобных источниках.

Если вам будет сопутствовать успех, ваши наследники получат определенный процент от займа. Окажетесь бесполезны – вернетесь к Колиньяру, попытаете бежать или интриговать – будете повешены, как беглый каторжник.

– Это можно было передать через Вайспферта, – огрызнулся некогда рыжий и еще более некогда всемогущий человек. – После нашей прошлой встречи я опасался, что буду вам благодарен.

– Вам свойственно бояться не того, чего следует. – Савиньяк принялся оттачивать перо. – Ступайте.

Манрик, не ответив, исчез за пологом палатки. Он так и не принял разговора о выходцах всерьез и до сих пор пребывает в уверенности, что всего-навсего проиграл в грызне за власть. Не варвар, что с такого взять?

Разогнавшийся тессорий в самом деле не желал зла ни Талигу, ни Фердинанду, ни фок Варзов с марагонцами. И Ко-

линьяры не желали, и дура Рокслей... Разве желают зла ракушки – кораблю, древоточцы – дубу, цепни – быку? Они просто заботятся о себе и своем потомстве, но в один прекрасный день корабль тонет, дуб падает, быкдохнет, и мы принимаемся искать ужасный заговор.

– Мой маршал! – доложил адъютант. – Генерал Фажетти по вашему распоряжению.

Марций не имел обыкновения напоминать командующему о родстве. В случае необходимости Ли это делал сам, переходя на «ты».

– Смотри, – велел он товарищу детских игр, открывая добытую дочерью Арамоны маску. – Каково?

– Я думал, она осталась в Олла... Разрубленный Змей, это же другая!

– Полагаю, пред нами та самая пара, которую ищет барон Коко... Марций, мне нужна твоя помощь. Нужно срочно вывезти из Оллари графиню Савиньяк, принца Октавия и антик Капуль-Гизайля. Под мою расписку. Если барон не в силах расстаться со своей игрушкой, пусть сопровождает, но тогда уж вместе с баронессой. Если расстанется, заставь обоих убраться из столицы, по возможности скрытно.

– Неожиданно. – Фажетти слегка ослабил шейный платок. – Я готов выполнять приказы, но если это просьба, хотел бы понять. Почему я, а не адъютант с письмами и эскортом?

– Потому что это задача для маршала, а мое место пока здесь. Я подчиняю тебе всю имеющуюся в моем распоряже-

нии легкую кавалерию. Двинетесь форсированным маршем, Реддинга с «фульгатами» отправишь вперед. Мать с Октавием поручишь им, а сам по прибытии займешься маской и городом. Переговоришь с Инголсом, ты его знаешь. Если у мэтра возникло хотя бы малейшее сомнение, возьмешь в свои руки все. Если Эпинэ и его Карваль справляются, а, кажется, так и есть, действуй заодно с ними. Жителей в Оллэрии остается тысяч триста, и я не уверен, что в случае какого-нибудь сюрприза у Эпинэ достанет сил и смекалки. При необходимости пустишь в ход имя регента, то есть герцога Алва.

– И только?

– Надеюсь. Марций, это срочно.

Глава 2

Талиг. Оллария

Бергмарк

400 год К. С. 19-й день Летних Волн

1

Марианна расчесывала волосы, Робер смотрел. Это был их утренний ритуал, чуть ли не молитва. Заколов последнюю шпильку, женщина откладывала щетки, поворачивалась к мужчине и улыбалась. Робер целовал возлюбленную в шею и либо торопливо убегал, слыша с порога спальни, как звонок призывает прислугу, либо, если было время, исполнял обязанности камеристки сам. Сегодня времени хватало, вернее, Проэмперадор Олларии позволил себе так считать. После крысиного исхода и Робер, и Карваль насторожились, но самой крупной неприятностью оказалась безобразная драка, развязанная на третий день барсинцами. Узнав о побоище, Эпинэ переглянулся с маленьким генералом и вызвал Халлорана. К вечеру зачинщики и не сдержавшие подчиненных офицеры отправились в Багерлее, а прочих разоружили и загнали в одно из старых аббатств. Заодно примерно наказали недобросовестных поставщиков и лжесвидетелей из чис-

ла обывателей. И город, и гарнизон нарек поняли, после чего в Оллари воцарился блаженный покой.

Никто никого не грабил, никто ни на кого не жаловался, лошади не упрямылись, а собаки не выли. Смолк даже прозрачный нохский колокол. Робер с десятков раз напомнил себе и своим сподвижникам, что от бегства сородичей Клемента до прихода морисков прошло больше двух лет, и, загнав тоску по его крысейшеству подальше, вернулся к текущим делам, которых от отсутствия крыс не убавилось. Поставив последнюю за день подпись, Проземператор отправлялся домой, то есть к Капуль-Гизайлям. В фамильный особняк последний раз Робер заезжал в день разгона барсинцев и тогда же проводил графиню Савиньяк в Ноху. С чего Арлетта решила перебраться к Левию, Иноходец мог лишь гадать. Женщина отговорила совместными с его высокопреосвященством астрологическими изысканиями, но Эпинэ не сомневался: графиня не желает ставить его в неловкое положение. Долг хозяина обязывал уделять госте время, тем самым отбирая его у любви; Арлетта полагала это непозволительной роскошью, Робер это мнение полностью разделял.

– Ты задумчив, – негромко сказала Марианна. – Коко это не понравится, он сегодня испытывает торский завтрак.

– Торский? – удивился Робер, припоминая пропахшую дымом комковатую кашу.

– С точки зрения Коко – да, хотя не думаю, что в Торке по утрам кушают инжир и перепелов.

Робер рассмеялся, но выкатившегося из внутренних комнат барона занимал не завтрак, вернее, не только он.

– Дорогой друг! – Разодетый в золотисто-коричневое барон озабоченно вздохнул. – К вам пришли. Я успел остановить повара, так что мы спасены, но постарайтесь уложиться в полчаса, иначе соус перезреет. Я провел визитера в музыкальный кабинет, там вам будет удобно. Дорогая, для утра ты слишком сильно затянута...

– Констанс, – перебила Марианна, – кто пришел?

– Один милый человек. Кажется, отставной моряк... Помнится, его приводил Салиган.

Джанис! Надо думать, с новостями о Гамбрине. Что ж, не помешает.

Вожак висельников стоял у клетки с морискиллой, просунув между прутьями палец, который желтенький певун яростно клевал. К счастью для Коко, барон этого ужаса не видел. Иноходец не выдержал и расхохотался. Джанис торопливо отдернул руку.

– Новости? – пришел на помощь Эпинэ.

Джанис пожал плечами; он казался слегка смущенным. В свой первый визит «Тень» держался проще, но тогда переговоры вел Салиган и, потом, столь значительную особу не застигали за игрой с птичками.

– Так что случилось?

– Кошки его знают, Монсеньор, только неправильно оно. – Джанис что-то смахнул с рукава не новой, но опрятной курт-

ки, и до Робера дошло: гость не смущен, а встревожен. – Нет, неправильно!

– Что неправильно?

Оказалось, ворье. Слабодушная и нестойкая часть поданных Джаниса, напуганная крысиным исходом, решила покинуть столицу.

– У вас так принято? – уточнил плохо представляющий себе обычаи висельников Иноходец. В ответ «Тень» сдул соринку со второго рукава.

– Вообще-то нет, – буркнул он. – Уходить из большого богатого города – глупость. У нас «за Кольцо» в наказание выставляют, и вообще покидать сообщество не принято, только эти слишком уж тряслись! Будто сглазил кто... И ведь не из худших – рискованные парни, не слабаки, не первый день в нашем деле. Один так вообще зимой в одиночку на троих вояк попер, а тут... Ну кисель же какой-то! Я им разрешил, пусть убираются.

– И что? – спросил Робер, чувствуя: вот сейчас, среди птичьего щебета, прозвучит нечто очень важное и очень пакостное.

– Не смогли они уйти. – Теперь «Тень» смотрел Проземперадору прямо в глаза. – Вот не смогли, и все! Кто прямо у стен повернул, кто с тракта. Пятеро до Фрамбуа добрались; говорят, по одиночке на полдороге б сломались. Странно...

– Сами-то они что рассказывают?

– Талдычат, что «находит». Будто по шее, по самым жи-

лам ком гулять начинает, а глаза как сквозь воду глядят. Сердце заходится, то замрет, то трепыхаться примется, пот ручьем и, уж простите, что похуже тоже, ровно вздернули уже... А всего гаже голос. Даже не голос – голосишко, будто ребенок верещит, только злобно...

– Скажи... – Говорить о подобном вслух в доме Марианны не хотелось до этого самого кома в глотке, но Робер себя заставил. – Они девочку не видели? Толстую девочку лет шести и без тени?

– Нет, – решительно мотнул головой Джанис, – не было там Обгорелой. Точно!

– Обгорелой?!

– Шрамы у нее на мордахе, такие от ожога бывают... Мерзавка по Двору скакала, и я видел, и парни, а с начала Летних Волн как отрезало, хотя... Может, и вправду она визжит, с такой станется, только я о другом сказать пришел, если ваши еще не доложили. Мои-то уйти не могут, а вот чужаки так и лезут!

– Хочешь сказать, чужие воры?

– Всякая шушера из Кро, Фрамбуа, Барсины... В общем, со всего Кольца. Непорядок, нечего им тут делать, но вот идут же, недоноски! А спросишь, чего это ты на чужое нацелился, так и сказать толком не могут. Будто тянет их сюда...

– Хорошо, – начал Эпинэ и усмехнулся, поняв, какую чушь ляпнул. – А ты сам сбежать не хотел?

– Не хотел, но пробовал. Как вертаться начали, проверить

решил. Считай, до Барсины добрался, и хоть бы хрю, а вот парней, что со мной были, скрутило, так что не врут мои.

– Значит, с тобой ничего?

– Ну, муторно стало после крыс-то, слухи опять же... Говорят, в Агарисе так же было, и где он теперь, Агарис этот? Или врут?

– Нет, не врут, сам видел. – Эпинэ воровато глянул на запястье – крови не было. – Спасибо, что сказал, а пришлые воры, как они себя ведут?

– Пока не наглеют, держатся больше наособицу... Если что, я им сам жару задам, только бы господин комендант моих с чужими не попутал.

– Карвалю я скажу, – заверил Робер и за какими-то кошками сложил пальцы в тот самый знак, что подсмотрел прошлый раз у «Тени».

2

Лионель все еще не спешил. Спешили развозившие письма Прозэмперадора гонцы. Савиньяк убил на писанину всю ночь; ложиться, когда небо начинает светлеть, имеет смысл после бала или любовного свидания, в походе подобное исключено. Сон маршал заменил скачкой и купаньем в озере, достаточно холодном, чтобы разбудить хоть бы и Валмона. Довольный удавшимся утром Грато весело фыркал и оглядывался на хозяина, требуя внимания; Ли откликнулся – ду-

мать лошади никогда ему не мешали, а прямое нарушение одного регентского приказа и отмена другого требовали обдумывания.

Ссоры маршал хотел меньше всего, но госпожа Арамона и ее дочь бросили на весы последний камешек или, если угодно, маску. Куда ее девать, Лионель не представлял, зато он чувствовал, что утратил право на подчинение, и еще ему хватает снов с отцом... Мать должна дожить хотя бы до чьей-нибудь свадьбы и, Леворукий побери, получить подарок Хайнриха!

Когда командующий с еще не просохшими волосами вернулся в палатку, Хейл, Айхенвальд и Вайспферт уже ждали, и лица бергеров были серьезны даже для уроженцев Горной марки. Ли ровным голосом велел садиться.

– Вы ознакомлены с касающимся нашей армии приказом регента, – напомнил маршал. – Я намерен его нарушить. Прозэмперадор на вверенной ему территории обладает королевскими полномочиями, следовательно, приказы регента для него не обязательны, но мы не в Надоре, и я не вправе терять время на формальности.

Два генерала и полковник кивнули. Ожидай Ли иного, он обошелся бы без разговора.

– Я принимаю как данность угрозу Оллари и, возможно, прилегающим к ней землям. Сталкиваясь с враждебным неведомым, можно либо молиться, либо драться, при желании с молитвой. Ночью Фажетти выступил к столице, я же

намерен сосредоточить наиболее подвижную часть армии на границе Бергмарк и Талига. В Фирзее. Оттуда в сопоставимые сроки можно добраться до Оллари, Старой Придды, дриксенской границы и Марагоны. Для сосредоточения там необходимо всего лишь согласие маркграфа, его я получу, но выступать надо немедленно. Во время моего отсутствия меня заменит генерал Айхенвальд. Господа, вы можете подчиниться моему приказу, а можете сдать командование и отбыть в распоряжение герцога Ноймаринен.

– Я выступаю к Фирзее, – сказал Айхенвальд и пояснил: – Я и полковник Вайспферт с вашего разрешения переговорили с госпожой Арамона. Мы собирались предложить вам вернуть армию на Олларию, но ваше решение, безусловно, удачнее.

– Я в вашем распоряжении, – коротко подтвердил Хейл. Лионель поднялся.

– Благодарю вас. Причина маневра должна остаться между нами, пусть думают, что мы возвращаемся по приказу регента и присоединимся к действиям против Дриксен. Тем не менее прошу избегать прямой лжи. Теперь вы, Вайспферт. Я переподчиняю вам корпус Кодорни, держите его в кулаке посреди провинции. С Каданы хватит усиленных приграничных патрулей, остальное сделает Хайнрих. С вами отправляется Манрик, необходимые инструкции он получил, а вы при необходимости будете ставить этого господина на причитающееся ему место. Вот письмо Лецке и приказ о производ-

стве вас в генеральское звание. Он вступит в силу, едва вы окажетесь на земле вверенной мне провинции. Войны я не ожидаю, но все мы можем столкнуться с чем-то менее привычным и более опасным. Вы – бергер, должны справиться, но с генеральской перевязью запрещать и вешать удобнее.

– Благодарю, мой маршал. – Вайспферт поклонился с достоинством, но он был взволнован и польщен. – Я обеспечу в Надоре должный порядок.

Лионель кивнул и достал флягу с можжевелевой настойкой, равно ценимой по обе стороны перевалов.

3

Это было откровенной глупостью – проезжая в окружении эскорта аристократическими кварталами, вглядываться в дома, заборы и прохожих, пытаясь понять, изменилось что-то на улицах или нет. На первый взгляд, все шло как обычно. Встретили несколько патрулей, пропустили карету старухи Фукиано, чуть не задавили выскочившего на дорогу щенка и оказались у дворцовых ворот. С нетерпением ожидавший Монсеньора Карваль выслушал об увеличении в столице воровского поголовья и признался, что ничего не знал. Робера это почти развеселило.

– Пока «гостей» несколько десятков, – утешил он маленького генерала, – и пару-тройку местные уже приголубили. Видимой причины для беспокойства нет.

– Видимой, Монсеньор. Мне хотелось бы понять, что тянет в город чужаков и не отпускает своих. Я прикажу докладывать обо всем, что покажется странным.

– Пусть Дювье проедется до Фрамбуа. Если его потянет назад... Лэйе Астрапэ, лучше я сам!

– Вас, Монсеньор, – Никола позволил себе улыбнуться, – безусловно, потянет.

Робер, не вступая в пререкания, взял шляпу и поднялся. Некоторые вещи другим не поручишь, и отнюдь не из недоверия.

Выезжали через ворота Роз. Камни и камни, но память человеческая намертво прибывает счастье, стыд, боль даже к камням. Через эти ворота покинула свою столицу Катари, через них же ушел Клемент... Эпинэ отвел взгляд от распахнутых тяжелых створок и стал смотреть вперед. Немногочисленные торговцы проехали утром, но совсем пустынной дорога не была. Отряд то и дело обгонял нагруженные домашним скарбом повозки и хмурых людей с узлами и тачками. Одна семья показалась знакомой, и Робер направил Дракко к едва ползущей телеге. Имени ведущего лошадь мастерового он не помнил, но раскрасневшееся от жары полное лицо ни о чем дурном не напоминало.

– Уходите? – спросил Эпинэ. – Куда?

– В деревню, монсеньор... – слегка растерянно ответил толстяк и утер со лба пот. – Родня там у нас.

– За Кольцо вас не выпустят.

– Зачем за Кольцо? – удивился беженец. – Нам чуток за Фрамбуа. К вечеру доберемся.

– А с чего уходите?

– С чего? – Горожанин покосился на столь же полнотелую супругу, восседавшую в окружении отпрысков на куче тюков. На коленях женщина держала клетку с надсадно орущим попугаем. – Крысы вот сбежали, и вообще... Дом вот оставили, хороший дом, и мастерскую. Растащат вот теперь...

– И пусть, – упрямо, словно продолжая спор, сказала женщина. – Перебьемся! Сил моих не было, монсеньор, ровно кол в горле стоял. Как отъехали, хоть дышать можно...

– Значит, это вы настояли?

– Я... Давно надо было, а мы все тянули.

– Как давно?

– Да с ночи Октавианской, будь она неладна, – подсказал муж. – Соседей жгли, чуть на нас не перекинулось, хорошо, ветер в другую сторону... Вот Марта и заладила, едем да едем, а третьего дня и вовсе уперлась. Ты, говорит, как хочешь, а я детей в охапку и к тетке. Насилу вот уговорил собраться как следует, а за Кольцо мы ни-ни! Знаем. Да и не к кому...

– Вы где жили?

– У Сливовой пристани.

Иноходец кивнул, будто это что-то объясняло, и полез за кошельком. Год назад он отдал бы все, но Прозэмперадор,

в отличие от Первого маршала мертвовозрожденной Талигойи, деньги считал. Получивший два полновесных старых талла мастер рассыпался в благодарностях, и Робер, чтобы не слушать, пустил Дракко в кентер. Они останавливались и заговаривали с уходящими еще дважды, и никто не смог внятно объяснить, почему именно сейчас сорвался с места.

– Кто его знает, Монсеньор, – подвел итог Никола. – Жизнь в Оллари не сахарная. Не толпой же валят, да и не первые они... Как мы мародерские шайки на дорогах прижали, так и потянулись. Сперва больше было.

– Сколько мы отъехали?

– Хорны три.

– Я ничего не чувствую, а вы?

– Ничего, но мы в любом случае вернемся, нас могут и не держать.

– И все равно доедем до Фрамбуа.

Никола не возражал, хоть и полагал затею бессмысленной тратой времени. Фрамбуа встретил Проэмперадора заколоченными трактирами и собачьим лаем, но пара заведений работала. На вывеске одного из них робко улыбалась девушка, неуловимо напоминавшая юную Катари. Робер покосился на спутника. Тот смотрел на картину, и лицо его было непривычно мягким, почти мечтательным.

– Знаете, Монсеньор, она очень похожа на икону, которую велел сжечь Окделл. Вы так ее и не видели.

– Я посмотрю, – внезапно пообещал Робер. – Все равно

придется взять в особняке Алвы некоторые ценности.

Глава 3

Талиг. Оллария

400 год К. С. 5-й день Летних Молний

1

«Надорские» вопреки местами подставляли солнцу отменную бронзу, а местами были заляпаны какой-то дрянью – караулившие опечатанный особняк южане и не думали их чистить. По-хорошему на ворота следовало вернуть воронов, но у Ро не доходили руки, а Росию, где бы и какие бы кошки его ни носили, меченные бывшим оруженосцем заборы тревожили вряд ли.

– Будьте свидетелями, – потребовал толстый мэтр Инголс, переводя взгляд с герцога Эпинэ на графиню Савиньяк и с графини Савиньяк на кучку чиновников тессории. – Я снимаю печати. К сожалению, мы не располагаем даже примерной описью находившихся в доме ценностей.

– У генерала Карваля не было времени, – напомнил Робер.
– Разумеется, – подтвердила графиня.

Мэтр аккуратно срезал печати и вытащил ключи. Скреплявшее их кольцо украшал оправленный в золото карас с накладным, тоже золотым, вепрем. Сбежавший молодой чело-

век не сомневался ни в своем праве на дом, ни в своем праве на месть, ну и на жизнь после содеянного, само собой.

– Сударыня, прошу вас.

– Благодарю, мэтр Инголс.

В просторном вестибюле было прохладно и тихо, черный мрамор пола покрывал тонкий слой пыли, на коврах почти не видной. С высокого постамента пялился еще один вебрь, за его спиной багровело не знавшее побед знамя.

– Тут стояла обсидиановая ваза, – припомнила Арлетта. – Когда из Алвасете приезжала хозяйка, в вазу ставили цветы. Оставаясь одни, мужчины обходились кипарисовыми ветвями.

– Конечно, – спохватился Робер, – вы же знаете дом!

– Я здесь бывала, – уточнила графиня, разглядывая застланную золотистым ковром лестницу и светлые, явно новенькие, перила. У захватившего особняк юнца вкуса было больше, чем у обгальтарившего дворец анакса, и переделки вызывали не смешки, а ярость. Робер это если и не заметил, то почувствовал.

– Альдо добил мальчишку своим подарком. – Проэмперадор почти шептал, чтобы не слышали оставшиеся у двери чиновники. – Я должен был ему объяснить... Заставить, в конце концов!

Мэтр красноречиво, будто в зале суда, возвел глаза к опять-таки новому плафону, готовясь изречь нечто убийственное, но графиня оказалась проворней.

– Ты бы только отнял время у сна и города. – Арлетта уверенно подхватила Ро под руку и повлекла к лестнице. – Мальчик хотел таскать чужой жемчуг и чувствовать себя рыцарем, он таскал и чувствовал. Если благополучие имярек, в том числе и душевное, зависит от того, чтобы дым шел вниз, а дождь вверх, никто, никогда и никакими доводами не убедит его в обратном. – А теперь громко, четко и для всех. – Книжки и шпалеры в Олларии сейчас не в цене. Я бы начала с утвари. Помнится, тут одних кубков хватало на полк...

Сын Жозины кивнул, только сын Мирабеллы оказался не промах. Хрусталь и фарфор он не тронул, но золото и серебро исчезли, как и жемчуг, и украшенное драгоценными камнями парадное оружие. Дом оставался богатым, только богатство это в полуразграбленной столице было мертвым. Личные комнаты «радовали» золотистыми и багряными драпировками, столы и бюро казались родными братьями дворцовых, и все это стоило денег. Как и повелительские цепи, линарцы, ливрейные слуги... В Надоре взять было нечего, и потомок святого Алана распродал чужое, вряд ли представляя его истинную стоимость. А сколько вещей не имело цены, потому что помнило шаги, голоса, улыбки, песни...

Арлетта не видела сожженного Сэ и не так уж часто вспоминала сгинувшие в огне гобелены, но пожар был чище и честней. Сэц-Ариж не спал на простынях Арно и не лопал с тарелок Ли.

В кабинете, в старом кабинете собрано Алваро, ярость

покинула берега. Женщина уставилась на очередной гербок, вцепившийся в стену между трофеями Арно... Ее Арно. Она прекрасно помнила эту охоту в горах Ноймаринен: Рудольф и Алваро переглянулись и вручили свои рогатины подросткам сыновьям, но Ли с Эмилом были в Лаик, и Арно с радостью потрянул стариной... Позже граф Савиньяк обменялся добычей с маркизом Алвасете, а Рудольф поручил головы вепрей заботам чучельника. Кажется, его звали Кнуд.

– Прикажите убрать эти... скалы, – распорядилась графиня и, позабыв, что слуг в доме больше нет, рванула звонок – отвратительно желтый шнур с ослиной кистью на конце. – Ублюдок!

– Только не в юридическом смысле. – Мэтр Инголс остался невозмутим. – Давайте взглянем на замену ковров и обивки с другой стороны. Могли ли подрядчики обнаружить во время работ тайники? Окделл жаловался на кэналлийцев, якобы разграбивших особняк. Самое ценное, без сомнения, слуги вывезли, и вряд ли это была посуда. Сударыня, вы согласны?

Арлетта подтвердила и нахмурилась. Не то Марсель, не то Росио перед самым отъездом сказал нечто важное. Кажется, все-таки сынок Бертрама... Вспомнить женщина не успела: отчего-то не перекрашенная дверь распахнулась, и взволнованный Сэц-Ариж сообщил о курьере от графа Ариго. Арлетта бездумно протянула руку, адъютант, само собой, не понял и уставился на Ро, тот кивнул.

Два из трех вложенных в знакомый футляр с ощерившимся котом писем в самом деле предназначались графине Савиньяк; на том, что толще, красовалась печать со спрутом. Придд. Приеммыш Жермона и враг Арно. Неужели помирились? Любопытство требовало немедленного удовлетворения.

«Сударыня, – почерк Придда, в отличие от покоробившейся от воды бумаги, приближался к идеалу, – я счел необходимым дополнить письмо, которое в ночь перед генеральным сражением написал Вам по просьбе Вашего сына и моего друга. Принявший командование над Западной армией генерал Ариго слишком занят, чтобы подробно рассказать Вам о баталии, и с его разрешения я беру эту обязанность на себя. Прежде всего, позвольте Вас заверить: я в полной мере разделяю уверенность генерала, что Ваш сын...

Арлетта добралась до дивана, села, аккуратно расправив юбки, и вновь поднесла письмо к глазам. Каллиграфически выписанные буквы складывались в не желающие меняться слова: «... разделяю уверенность генерала, что Ваш сын Арно благополучно пережил обрушившееся на сражающуюся армию стихийное бедствие и сейчас находится в Южной Марагоне, от которой мы отделены разлившейся Эйвис, ставшими непроходимыми обширными лугами и армией фельдмаршала Бруно. Представляется совершенно очевидным, что не имеющие возможности воссоединиться с Западной армией офицеры и солдаты, сбиваясь во временные отряды, направляются навстречу армии Эмиля Сави-

ньяка...»

– Сударыня! – Кто-то – Ро! – держал ее за свободную вторую руку. Уже знает... Откуда? Хотя было же третье письмо. – Я... Лэйе Астрапэ, он вернется! Сейчас... Сейчас Жильбер найдет что-нибудь выпить, и я отвезу вас... Куда? В Ноху? Ко мне?

– Что?

– Он вернется! Вы слышите?!

Вдова и мать маршалов спокойно отняла руку.

– Разумеется, вернется. И я не понимаю, почему известие об исчезновении одного из тенъентов Западной армии отменяет поиски средств на выплату жалованья гарнизону Оллари.

2

То, что его бестолковое сочувствие не требуется, Робер понял сразу. Арлетта Савиньяк *не желала* говорить о пропавшем сыне, и двое мужчин – военный и законник – послушно вызвали ожидавших в вестибюле чиновников и занялись составлением реестра. Один из переписчиков, бывший таможенник, узнал шпалеры с медвежьей охотой, некогда заказанные в Алате Колиньяром. Порфиновые вазы принадлежали Фарнэби, а сервиз с леопардами в свое время был изъят у мэтра Капотты в качестве доказательства причастности братьев Ариго к октавианским погромам... Должно

быть, Дикон выкупил его, чтобы порадовать Катари.

– Этот дом напоминает скороспелую дважды вдову, – внешне заметил мэтр Инголс, о котором погруженный в не слишком веселые мысли Эпинэ почти забыл. – Когда женщина, потеряв мужа, спешно выходит замуж за того, кто ревнует к прошлому, а вскоре теряет и нового супруга, она выглядит так же.

Робер вяло удивился нахлынувшей на законника поэтичности. Дикон переделывал дом Ворона в свой пол-осени и зиму, но юг упрямо просвечивал сквозь север, и выглядело это непристойно.

– С этими вещами придется... решать нам.

– Несомненно, – согласился своим обыденным тоном законник. Напоминать об очевидном адвокат считал ниже своего достоинства, а мысль, что не пойманный до сих пор убийца пойман уже не будет, так как встретил либо друга, либо, что вероятней, мародеров, была очевидной.

Опись продолжалась. Мэтр отдавал указания, графиня Савиньяк ровным голосом перечисляла, что некогда хранилось в той или иной комнате. Иноходец оказался достаточно не нужен, чтобы пойти взглянуть на приговоренную к смерти икону, благо церковь запереть никто не удосужился. Церковь, в которой меньше всего думали о Создателе...

Раньше Робер не был уверен в чувствах Ворона, теперь он не сомневался: Алва любил Катари не меньше, чем она его, иначе это святилище было бы невозможно. Дикон не зря

велел уничтожить образ женщины, живущей, именно живущей в остановленной гением весне. Очарованный Иноходец не сразу сообразил, что упрямо держащийся в воздухе запах лилий ему не чудится – в вазе на самом деле жили белые цветы. Кто их пронес в опечатанный дом, Эпинэ не представлял, разве что наслушавшийся Карваля Сэц-Ариж. Или сам Никола? Нет, не станет Карваль снимать свои же печати, чтобы вознести молитву чужой святой или своей королеве. Значит, Жильбер не просто так запыхался. Прежде чем передать письма, адъютант забежал в церковь, а прежде чем войти в дом, побывал в Старом парке...

Мысли о Сэц-Ариже потянули мысли о жалованье, которое на следующей неделе нужно во что бы то ни стало выплатить. Взимаемых с торговцев и мастеров налогов с пошлинами не хватало даже на городские нужды, оставалось пустить в оборот какие-нибудь ценности, но Катарина и так заложила почти все, что могла, оставив лишь то, что разбазариванию не подлежало. Никола заговорил о том, что в столице все еще немало богатых домов и богатых семей, и тут мэтр Инголс напомнил, что собрано Алваро в свое время содержал не один гарнизон, а всю армию Талига. Робер бросился за советом к графине, и та нашла идею превосходной.

– Алва полагают это одной из обязанностей Первого маршала, – сообщила она, – а в обязанности регента входит оплата самых неотложных долгов.

Мысль казалась отличнейшей, кто же знал, что они най-

дут не золото, а ковры и хрусталь. И еще икону... Робер еще раз всмотрелся в грустные, невозможно синие глаза сестры, не выдержал, опустил взгляд и... обнаружил то, за чем они, собственно говоря, и явились. Это было ужасно, потому что ноги Октавии-Катарини тонули в усыпанной бриллиантовой росой траве, а к голубому платью льнули сапфировые незабудки. Гарнизон получит свои деньги, если ограбить Катари!

Робер не задумывался, во что он верит и верит ли, но церковные воры были отвратительны. Даже Альдо разрушал, но не грабил, правда, у Октавии из Старого парка было нечего взять, кроме красоты.

– Уходи, – тихо сказал женский голос за спиной, – уходи к своим цветам... Алое к алому... Жизнь к жизни...

Эпинэ обернулся. Сестра теребила светлую косу возле вазы с лилиями. Тень чужой любви? Печаль уцелевшей в полдень тени? Не считай свою боль несчастьем, предоставь ненастью ненастью, раздели печали немногих, уходя по иной дороге...

– Катари!

– Уходи. – Свет зеленых глаз, мерцанье жемчуга, шум листвы, странный, что-то напоминающий шорох. Ветер в тростниках? Здесь?

– Здесь ничего нет и не будет, но мы будем там, я и ты... Долго, очень долго. Уходи...

Женщина, подобрав платье, пошла, точно поплыла к себе нарисованной. Сверкнули алмазные росы, где-то зажурчал

ручей.

– Катари, твой сын жив! Его назвали Октавием...

Улыбка. Бред. Сон наяву. Голубизна и зелень, сонные лилии и плачущие маки, блеск драгоценных камней, свет живой росы. Ты вдыхаешь печаль понсоны, ты не видишь, не ждешь, не помнишь, под ногами хрустнули стебли дальним эхом песни последней. Ждет луна и устали звезды, поздно звать и не верить поздно, лунной тиной брезгует море, жизнь со смертью уже не спорят. Рассыпается прахом время, серой пылью летят мгновенья... Жгучей, мертвой, последней пылью... Пыль... Она скрипит на зубах, забивает глаза и горло, но если больше нечем, придется дышать ею!

– Странно, откуда здесь лилии? – Там, где стояла Катари, по-кошачьи щурится другая женщина. Темноволосая и не слишком молодая. – Последний раз я видела такие в Рафиано.

– Они растут в Старом парке. – Робер протер глаза, будто их в самом деле запорошило. – Я сам видел... Эти сапфиры... Если они настоящие, мы нашли что искали, но как их взять у Катари?

– У Катари? – Арлетта сощурилась еще сильнее. – Раньше я сходства не замечала, но ты, пожалуй, прав...

– Вы ее видели? Я про икону!

– Конечно. Домовая церковь Алва традиционно посвящена Октавии, как и домовая церковь Олларов. Франциск не великий, не зная, как еще выразить любовь к супруге, поме-

нял прапрабабкино лицо на Алисино, а розу в ее руке украсил рубинами. Соберано Алваро ответил с присущим ему изяществом. Похоже, эти сапфиры ускорили развязку.

– Так это сделал не Рокэ?!

– Разумеется, нет. Соберано привыкли платить за Та-лиг. Гарнизон, хоть бы и столичным, больше, гарнизоном меньше...

– Хорошо, – с трудом произнес Робер, – мы возьмем камни.

– Погоди. – Теперь графиня смотрела вниз. – Откуда здесь плащ?

Плащ? В самом деле... Старый, вернее старинный, плащ лежит на ступенях мертвой птицей.

– Дик говорил, на нем лежал меч Раканов...

– Закатные твари! – с чувством произнесла графиня. – Какая же я тупица!

3

Бедный Ро ничего не понял, но тут бы и Бертрам не сразу сообразил, а вот она могла бы!..

– Ро, меч все это время был в доме.

– Конечно, ведь церковь не открывали...

– Ее могли открывать каждый день, меч был в тайнике. Альдо думал, что, собрав реликвии, обретет силу, Росио узнал об этом от Левия, а Марсель подтвердил. Получив меч

и оставшись простым смертным, анакс был обречен на глупости. Рокэ собирался с помощью наслушавшегося «Рамиро» Окделла выставить любителей древности в Гальтару. Тебя как неверующего оставили бы в столице, которую ты бы без помех сдал.

– Алва думал, что я сдам город?

– Не думал, а знал, но нам важен тайник. Вряд ли там хранили лишь меч.

– Ди... Ричард Окделл говорил, что на мече не было пыли, а на ступенях была. Выход возле иконы!

– Выход нам не найти, разве что разберем стены. – Ли знал, как войти и выйти так, что не видели ни слуги, ни болтавшиеся поблизости шпионы, теперь эту дорогу узнал Марсель, но оба далеко. – Меня не посвящали в подробности, но тайные входы в этом доме не являются выходами, и наоборот. Скорее всего, Росио в церковь не выходил, просто бросил с порога плащ, а на него – меч.

– Рамиро Второй пришел к Дику. Они пили в спальне вино. «Черную кровь»... Если это был Алва... Нет, это сон – человека, с которым провел вместе целый год, не узнать нельзя.

– Я не узнала, – резко бросила Арлетта. – Я почти испугалась. Росио... Ты не представляешь, во что он превратился! К тому же в бокале Окделла был... достаточно веский довод. Этот молодой человек проснулся в своей постели со свежей головой и запертой изнутри дверью. Конечно, он счел ноч-

ной разговор сном.

– Но про меч ему сказал другой Рамиро... Он признался сестре... Это было отражение в зеркале...

– В каком зеркале?

– Над камином. В гардеробной при спальне...

– Отлично! – Теперь Арлетта поняла все, потому что в Савиньяке к спальне хозяйки примыкала точно такая же гардеробная с зеркалами. Подарок Алонсо прелестной Рамоне. Секрет, который Алва доверяли возлюбленным и женам, но у Росио нет жены... Могла быть, но Эмильенна Карси верна своей первой любви до последней ненависти.

Распоряжаться тайнами друзей всегда неприятно, но деньги необходимы, а церкви, любые, лучше не разорять.

– Мы сейчас пройдем в спальню, которую занимал Окделл. Если я права, то до... переделок это были комнаты герцогини. Ты останешься ждать, пока я тебя не позову, и не пропустишь в гардеробную никого. Мэтра Инголса тоже. Если я найду... что-то ценное, я тебя позову.

Она нашла. Зеркало, как и в Савиньяке, отражает зеркало. Две точки. Еле заметный «изъясн» на стекле и такой же на половице. Вставить шпильки, именно шпильки, которых нет у мужчин... По крайней мере, дома это устроено именно так. И здесь тоже! Узкая щель, невысокая лесенка... Пол потайной комнаты на уровне каминной полки. Здесь еще ни разу никто не спасался, хотя, вернись хозяин в Октавианские праздники часом позже, Хуан загнал бы в тайник если не

Окделла, то монахов. Если, конечно, знал... Росио слишком многое таскает в себе, как и Ли, и она сама.

Не рыдать над письмами о пропавшем сыне, а искать деньги для солдатни – как это грубо! Ее не поняли бы ни мэтр Капотта, ни дура Одетта, ни даже Жозина, но деньги она почти нашла, а рыданий не будет! Нужно помогать Ро и ждать вестей из Придды. Арно найдется, вернулся же Ли из Гаунау. Хороша бы она была, выпустив на волю даже не страх, ужас. Это за Арно она не боялась... За старшего Арно, пока во двор на взмыленной лошади не ворвалась беда. И за младшего не боится, ведь он просто на войне, а после Борна... Борнов... весь страх достался змеям.

Графиня Савиньяк мысленно приказала себе не сходить с ума и вернулась за свечой и огнивом. Ро послушно сидел в бывшей спальне Рамоны. Герцогини Алва, бывшей графини Савиньяк, урожденной Раймонды Карлион... Герцогиня Окделл тоже урожденная Карлион. Если судьба начинает издеваться, она делает это тонко.

Шесть невысоких ступеней, как и в Савиньяке. Внутренний замок открыт – то ли Росио забыл, то ли наоборот.

Придерживая дверцу рукой, Арлетта подняла свечу. Комнату чуть ли не наполовину загромождали сваленные второпях ценности. Хуан про тайник знал, и графиня почувствовала себя менее беспардонной. Переднюю часть комнаты кто-то... Росио наскоро расчистил. Если при открытом «окне» смотреть снизу, из гардеробной, увидишь чер-

ные шкуры, странные подсвечники, старинное оружие. Ночью любой решит, что заглянул в бездны времен... Женщина усмехнулась и повернула крайний подсвечник; внутренняя рама послушно скользнула вбок. Теперь верхнюю и нижнюю комнаты разделяло обычное стекло. Между рамами что-то светлело. Женщина наклонилась и подняла скомканный платок, знакомо и неприятно жесткий. Росио изображал раненого Рамиро, но кровь была настоящей, и показывать ее кому бы то ни было Арлетта Савиньяк не собиралась.

Глава 4

Талиг. Оллария

400 год К. С. 5-й день Летних Молний

1

Графиня вернулась и снова ушла, забрав свечу. Наверняка что-то отыскала, но спросить у Робера язык не повернулся. Чтобы после писем о пропавшем сыне заговорить первым, нужно быть либо Левием, либо скотиной. Иноходец вслушался – из гардеробной не доносилось ни звука, оставалось караулить чужой секрет, и Робер караулил, то присаживаясь, то обходя покинутую спальню. На столике у кровати пылились черные с золотом песочные часы. Эпинэ бездумно повертел их перед глазами и обнаружил очередного золотого вепря. Часы тоже остались от Дикона... Наверняка подарок какого-нибудь набивавшегося в друзья подхалима, а настоящих друзей у мальчишки не нашлось. Был сюзерен, была любовь, и верность первому уничтожила вторую. Арлетта тысячу раз права – Ричард решил, что Катари помогла убить Альдо, и схватился за кинжал. Верность у Окделлов в крови, Айри тоже осталась верна и своей любви, и своей королеве... Робер вернул никому не нужную безделушку на стол. То-

ленькой струйкой, отмеряя минуты, потек песок. Иноходец не собирался засекаать время, просто так получилось. Что ж, когда струйка иссякнет, он постучит в гардеробную. Графиня на сердце не жалуется, но Жозина тоже до последнего молчала, а загаданного времени хватит, чтобы перечесть записку ставшего чуть ближе Ариго.

«Сударь, возможно, при встрече мы почувствуем наше родство, но сейчас я пишу другу графини Савиньяк. Теньент Арно Савиньяк пропал, когда на дравившиеся в окружении остатки левого фланга обрушились смерчи. Потери чудовищные. То, что сейчас называется Западной армией, сопоставимо с тем, что два дня назад было ее арьергардом, причем стихия нанесла нам не меньший урон, чем дриксы. В нашем нынешнем положении мы не можем искать пропавших, остается надеяться, и я надеюсь, хотя все, кто был вместе с Арно, погибли. Можно рассчитывать разве что на выносливость его мориска и умение всадника, но, боюсь, в таком случае теньент уже нашел бы возможность переправиться через Эйвис и присоединиться...»

– Монсеньор!

– Жильбер, я же просил!

– От генерала Карваля. Большая драка. Очень большая.

– Хорошо, докладывай.

Началось все в Мусорном предместье, на столичной «помойке». Мусорная площадь – местный рынок – подверглась изумительному по своей наглости налету нескольких десят-

ков оборванцев из тех, что сползлись в город за последние недели. Пока стража собирала силы да подтягивалась, громили знатно порезвились, разнеся все в куски и оставив после себя трупы вздумавших отбиваться торговцев. Предместье забурило – терпеть подобное от чужаков местные не собирались, и примчавшемуся Карвалю пришлось заняться не столько поиском налетчиков, сколько восстановлением порядка.

– Что-то еще?

– Вам принесли странное письмо. Прямо сюда.

– Сегодня все странное.

На восковой блямбе отпечаталось нечто вроде полумесяца. Бумага казалась дорогой, но чудовищно замызганной.

«Монсениор, прошу не трогать моих ребят. Мы поставим пришлых ублюдков на место сами. К вашим услугам».

И опять полумесяц, только намалеванный от руки. Ну, хоть одной заботой меньше!

– Передай Карвалю, что налетчики свое получают без нас. Да... Ты молодец, что принес в церковь цветы.

– Монсеньор... Я ничего не приносил!

Если не адъютант, то кто? Прячущийся в тайнике кэналиец? Ангел Создателев? Да нет, Жильбер это, больше никому. В юности проще признаться в жутком злодействе, чем в сентиментальности.

– Робер! Можно вас на минутку? Только вас.

– Жильбер, встань у двери и гони всех.

...В гардеробной было сумрачно – кто-то опустил шторы. Арлетта ждала со свечой, но тут же задула огонек.

– Смотри, – велела она, – не на меня, в зеркало. Вот Кабитэла, которую показали Окделлу. Того, что туда «украли» кэналлийцы, гарнизону хватит до осени. Не волнуйся, мы не возьмем ничего, о чем Росио пожалеет, да там ничего такого и нет. Просто золото и камни.

2

«В зарослях возле конюшен жил юный Слизень. Он не был ни одинок, ни голоден – дающие обильную и вкусную пищу лопухи росли здесь в изобилии, – и все равно Слизень чувствовал себя несчастным, ведь он был обречен смотреть на лошадей, которых ненавидел с рождения. Огромные, громко ржущие гривастые уроды оскорбляли мироздание своим видом, и хуже всех был Мориск, которого и лошади, и люди, и живущие при конюшне мыши с воробьями называли своей гордостью. Даже сторожившая двор Собака и равнодушная ко всему Кошка расхваливали стать, резвость и выносливость Мориска, и чем громче звучали восхваления, тем сильнее становилась ненависть Слизня.

Всякий раз, когда Мориска проводили мимо, Слизень терял сон и аппетит. Сородищи, которых занимали только свежесть и сочность листьев, не понимали бушевающих собрата страстей.

– Ну что ты беснуешься? – пеняли они ему. – Посмотри, как все хорошо! Идут дожди, лопухи прекрасно растут, что еще тебе нужно? Наша доля куда приятней лошадиной – мы свободны и никому не принадлежим, нас никто не взнуздает и не запряжет, мы, довольствуясь малым, имеем все, и только ты желаешь странного. Уймись, видишь, какой чудесный свежий побег? И вообще тебе пора подумать о потомстве.

– Я не могу думать ни о потомстве, ни о еде, – отвечал Слизень, – пока земля носит это грязное, жалкое, ничтожное создание, которому воздают незаслуженную, оскорбляющую меня и Создателя хвалу. Вы можете жить своими никчемными заботами, я же не найду себе места, пока не восторжествует справедливость.

– А может, вам забыть про Мориска? – предложила слышавшая разговор Гусеница. – Когда его проводят мимо, закрывайте глаза, а вход в конюшню с нашего куста не виден.

– Какие глупости, – возразил Слизень. – Пусть эта негодная кляча проходит здесь редко, я ведь знаю, что она есть. Даже закрыв глаза, я не забуду, что она сейчас проходит мимо меня. Это отвратительно.

Гусеница удрученно замолчала, а Слизень безо всякого удовольствия скушал побег, на который ему указывали, и, устроившись на стебле, принялся ненавидеть. Так было и на завтра, и через неделю, а еще через день Слизень отправился к воротам конюшни. Лопухи там были пыльными

и чахлыми, но мимо них ежедневно проводили Мориска, и ненавидеть оттуда было гораздо удобнее.

Когда лето подошло к концу, Мориск исчез, но Слизень не забыл и не простил. Он сидел на почти засохшем кустике и, закрыв глаза, представлял, как мимо ведут ненавистного коня. Это помогало, а потом Мориска вернули в конюшню. Он страшно исхудал, его ноги дрожали, и вдобавок жеребец хромал на заднюю ногу.

О, в этот миг Слизень был счастлив! Замирая от восторга, он вбирал в себя каждое неверное движение своего врага, каждое пятно на поблекшей шкуре, каждый тяжелый вздох. Но Мориска увели, и Слизень понял, что недостаточно наслаждался унижением проклятой клячи. Тогда он слез с куста и пополз к дверям конюшни. Камешки и соринки царапали нежное брюхо, песчинки налипали на тело, мешая двигаться, но Слизень стремился вперед. Он должен был видеть эту понуро опущенную голову, эти трясущиеся ноги, эти разбитые копыта!

Слизень почти миновал порог денника, когда над ним нависло нечто огромное, темное и тяжелое. Нога в грубом сапоге обрушилась вниз, положив конец и жизни, и ненависти, но судьба порой бывает милосердна: Слизень не услышал, как Конюх заверяет хозяина Мориска, что через неделю конь будет в полном порядке...»

Как всегда, сказочка записалась сразу. Как всегда, Арлетта запнулась на морали. Как всегда, стало немного легче.

Сколько чернил и бумаги она извела, оставшись без Арно, но лучше так, чем биться в рыданиях или заживо умереть... Лучше так... Графиня пробежала глазами по строчкам и задумалась, глядя в окно. Она вспоминала – не сыновей и не мужа, Олларию, в которую ее приволокли по приказу Алисы. И тогда, и теперь город казался отвратительным и чужим, в Лаик и то было приятней, хотя Ли с Эмилем столица нравилась, а малыш Арно узнать ее толком так и не успел! Арно... Неужели, чтоб она наконец назвала младшего по имени, был нужен смерч?!

Постучали. Левий. Женщина уже знала его манеру, но если он явился с утешением...

– Сударыня, я могу вам чем-то...

– Нет, – отрезала Арлетта. – Мой сын найдется.

– Мэратон! Да обретем мы утраченное, и да вернутся к нам те, кто дорог. Я имею в виду и себя. Пропала Альбина... Поверьте, потерять собственную кошку трудней, чем утешить дюжину вдовцов. К тому же из дюжины самое малое четверть в глубине души возносит Создателю не хулу, но хвалу. Разумеется, если они благочестивы.

– Меня в любом случае можно не утешать. – Шутка лучше носовых платков, на шутку она согласна. – Альбина не могла отправиться к коту?

– Я не заметил признаков вожделения, но наши мысли, сударыня, в очередной раз совпали. Самое неприятное, что Пьетро не нашел в Нохе ни единой кошки. В кухнях послед-

ний раз видели котов на прошлой неделе, и повара оказались слишком глупы, чтобы забить тревогу.

– А в городе? – подсказала графиня и сама же ответила: – У особняка мне сегодня попался кот.

– Я в предместье тоже видел нескольких, – припомнил кардинал. – Собаки и лошади спокойны, а в Агарисе они волновались, хоть и не слишком долго. Я вижу открытую чернильницу. Вы...

– Очередная сказочка. И я опять не знаю, чем ее завершить.

– Это приглашение?

– Да.

Сперва крысы, теперь кошки... Но почему только в Нохе? Нет кошек, нет призрачных монахов, но остался зеленый, бьющий в небо свет. Неприятный, но и только. Гертруда Придд видела зелень и монахов четыреста лет назад, и ничего... Видимо, дело не в Оллари, а в Изломе. Начнется Круг Ветра, и конец страхам.

– Ваше высокопреосвященство, я получила письмо от молодого Придда. Арно с ним говорил, и «спрут» написал... По просьбе Арно. – Малыш жив! Жив, это не Гаунау и тем более не друг-мятежник. Это всего лишь ураган и дрикссы! – Оказывается, вдова Эктора видела монашескую процессию и довольно подробно ее описала. Вам нужно это прочесть.

– Разумеется, я прочту, но есть и вещи поважнее. – Кардинал протянул женщине исписанные ею листы. – Судары-

ня, почему вы написали *это* именно сейчас?

3

Слова Джаниса с делом не разошлись. «Висельники» в считанные часы собрали своих бойцов и кинулись доказывать, кто на городском дне главный. Мелкие стычки переросли в общее побоище на левом берегу Данара. Больше трех сотен разбойничков сошлось на одном из местных пустырей; само собой, победа осталась за столичными, чем «Тень» не преминул порадовать Проэмперадора.

– Не понимаю, – посетовал Эпинэ. – «Пришлых» не понимаю... Допустим, ублюдкам надоело, что им мешают развернуться, вот и решили показать себя и свою силу. Но ведь глупо!

– Не то слово, Монсеньор, – буркнул вымотанный Карваль. – «Висельников» больше, они у себя дома и, что немаловажно, куда сплоченней скороспелого союза мелких провинциальных шаек.

– Неудивительно, – подхватил Мевен, – что схватка закончилась полным разгромом чужаков. Удивительно другое. Городское отребье – это вам не бергеры, а пришлые головорезы – никак не гаунау. Так за какими кошками и тем и другим резня?!

Рокслей равнодушно согласился: да, это странно и нехорошо, Карваль буркнул, что после фокуса с рынком местным

ничего другого не оставалось: свой кусок у воря принято отстаивать именно так, вот поведение пришлых, да, удивляет. Мэтр Инголд кивнул и тут же спросил уважаемых коллег, с чем, по их мнению, все перечисленные странности связаны. Поредевший Регентский совет обменялся унылыми взглядами; пятеро человек сходились в том, что как-то оно все неладно: после смерти Альдо поначалу было спокойно, а теперь с каждой неделей хуже и хуже.

– Люди прямо на глазах озлобляются, только непонятно почему. – Дэвид, командуя остатками гвардии, с горожанами встречался нечасто, но перемены заметил и он. – Голода все-таки нет, порядок поддерживается... Так с чего?

– Устали, – решил сам уставший на годы вперед Никола, – а ее величество нам не заменить, что бы мы ни делали... Будь Оллария эсператистской, нам мог бы помочь его высокопреосвященство, а так мы одни.

– Эсператистским был Агарис, – напомнил мэтр Инголд. – Я бы дорого дал за новости из Гайифы. Если в происходящем есть логика, крысы из Паоны ушли раньше, чем из Олларии.

– Маркус Гамбрин мертв, – поморщился Никола. – Я готов допустить, что он получил какие-то сведения, но нам до них не добраться.

– Я спрошу Валмона, – Робер подтянул к себе лист бумаги и записал, что надо сделать, – но началось до крыс, хоть и после убийства... После смерти ее величества.

– Корабли тонут не потому, что с них уходят крысы. – Ме-

вен по недавно взявшейся и довольно-таки противной привычке делано хохотнул. – Это крысы уходят, потому что не желают тонуть.

– Что грозило крысам в Агарисе? – отмахнулся Дэвид. – Мориски не кошки, крысятину не жрут, а из Роксли крысы не уходили.

– Господа, – мэтр Инголс обвел четырех вояк достойным Проэмперадора взором, – все, что мы имели сказать о крысах, мы сказали тринадцать дней назад. Без сведений из Паоны и, возможно, Гариканы продолжать обсуждение бессмысленно. Проэмперадор Олларию должен сообщить Регентскому совету важные новости, а мы отвлеклись на крыс, как двуногих, так и четвероногих.

Робер кивнул и потер виски. По настоянию законника Иноходец придерживался заведенного Катариной порядка, хоть и слегка измененного. Ликторы и секретари на заседания не допускались, все, что требовало протоколов и прочих циркуляров, мэтр диктовал чиновникам сам, но лишь после оглашения на Совете.

– О том, что средства на жалованье... – начал Эпинэ, потом глянул на законника и вспомнил совет Арлетты не ловить за кошку мышей. – Графиня Савиньяк отыскала в особняке Алвы тайник с ценностями, нам теперь есть чем платить гарнизону и поставщикам. Кроме того, я получил письмо из Южной Марагоны. Была генеральная баталия, мы ее почти проиграли, но случился ураган со смерчами, и Бруно

проиграл тоже. Маршал фок Варзов болен, остатками Западной армии до подхода Эмиля Савиньяка командует генерал Ариго. Подробностей не знаю, письмо было коротким.

– Хотелось бы услышать, – брюзгливо уточнил законник, – когда именно состоялось сражение.

– В пятнадцатый день Летних Волн.

Первым ушел к своим гвардейцам Дэвид, он так и не ожил, но с командованием как-то справлялся. Мевен с Карвалем отбыли принимать лошадиное пополнение. Инголс задержался. В этом не было ничего необычного – мэтр избегал выговаривать Прозэмперадору даже при Карвале, зато наедине тыкал носом в ошибки, как щенка. Эпинэ был благодарен.

Избегая дополнительной взбучки, Робер запер важные бумаги в бюро; в глубине что-то блеснуло. Кинжал Мильжи словно хотел напомнить о себе, о Сагранне, о безумной вылазке в лагерь Манрика и связавшей человека со сталью крови. Иноходец чуть ли не воровато схватил бирисский клинок, бросил на его место парадный кинжал, налил в два бокала вино и приготовился к выговору, но его не последовало. Адвокат не указывал, а выспрашивал, причем о делах сугубо военных. Пришлось вытащить письмо Ариго и зачитать все, что не касалось пропавшего мальчишки и графини Савиньяк.

Мэтр немного подумал и решил уточнить:

– Курьер – с заставы у Кольца, следовательно, в сражении

он не участвовал?

– Да, – подтвердил Иноходец и внезапно решился. Мысль, которую он последнее время то брался обдумывать, то гнал из головы пинками, для одного стала невыносимой. – Мэтр Инголс, Левий не прав; Ворон, устанавливая карантин, оберегал не Олларию, а от Олларии. Мы чем-то опасны, но, Леворукий побери, чем?!

– Отлично! – Законник приподнял бокал в приветственном тосте. – Вы все же умеете думать и сопоставлять, так сопоставьте еще кое-что. Обрушившаяся на две армии буря имела место днем пятнадцатого. В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое нас покинули крысы, что мы заметили, и нохские монахи, на что внимание обратили не сразу. Буря могла быть как следствием чего-то, о чем мы можем лишь гадать, так и причиной событий в Олларии, но я склоняюсь к первому. Что-то произошло и нашло весьма своеобразный отклик. Стихии обрушились на противников, не разбирая сторон. Через несколько часов ушли крысы и исчез чумной ход, но не зеленый свет над Нохой. Что это нам дает?

– Не знаю. Что?

– Молодой человек, *эти* законы вне моей компетенции, но его высочеству, его высокопреосвященству и графине Савиньяк город лучше покинуть. Кроме того, я бы посоветовал вам отослать и госпожу Капуль-Гизайль.

– А вы?

– Нам с вами и генералом Карвалем придется остаться до,

скажем так, оглашения приговора.

Глава 5
Талиг. Оллария
Бергмарк. Агмштадт
400 год К. С. 5-й – 6-
й день Летних Молний

1

Арлетта сама не знала, почему не ложится. Отбоявшийся вошедшей в силу нечисти и выпивший все, что по сему поводу полагается, Сэ спал в объятиях встреченной осени, которая в этом году явилась раньше срока, – первые листья на глядящих в окна кленах заалели в середине Летних Молний. После праздников всегда становится тихо, радость тоже требует сил, особенно взятая взаймы у виноделов, музыкантов, поваров, портных. Те, кто носит счастье в себе, не устают даже на балах и больших охотах, уж это-то графиня Савиньяк знала не понаслышке.

Накинув торский плащ, женщина вышла в серебристый от раннего инея сад, молчаливый и оттого сказочный. Пруд, который она всегда любила, пересчитывал монеты листьев и ловил по-осеннему крупные звезды. Когда рассветный го-

ризонт захватывала Всадница, Арлетта принималась ждать конца очередной кампании – осень возвращала ей сперва мужа, затем сыновей, но в этом году ждать было некого, разве что сына Жозины, и то ближе к зиме. Графиня погладила припавшего к воде мраморного оленя, на шею которого девчонки назло всем войнам мира цепляли рябиновые бусы. В ее первую здешнюю осень Арно с излишне громким смехом объяснил, что в прежние годы это означало готовность подарить первую кровь господину. Молодая жена по наивности решила, что годы были очень прежние, оказалось – нет...

Правду она узнала от кормилицы близнецов. Мари не ябедничала – вспоминала о счастье. Может, потому Арлетта и не подумала расстраиваться, а через пятнадцать лет у оленя собрал свои ягодки Ли. Эмиль, тот ушел в Лаик, больше зная о лошадях, чем о женщинах, потом наверстал... Что скажет загадочная Франческа, увидев ало-рыжие ожерелья на белом камне?

Ночь выдалась холодной, первыми это почувствовали пальцы на ногах. Домашние туфли не годились для подобных прогулок, и графиня с неохотой повернула к дому. Там, где барбарисовая аллея огибала холм с беседкой, она столкнулась с бергером в новом генеральском мундире.

Барон Райнштайнер покинул Сэ совсем недавно и не собирался возвращаться до появления Ро. Вернулся.

– Сударыня, – ночной гость снял шляпу и поклонился, – очень удачно, что вы здесь и что вы одеты. Обопритесь на

мою руку, и идемте.

– Вы решили меня похитить? – улыбнулась хозяйка Сэ. Ответить Райнштайнер не успел – помешали крики и выстрелы... Это было неправильно, ведь еще не ставший генералом бергер увез ее прежде, чем в Сэ вломились мятежники, и увез не из парка! Арлетта помнила ту нелепую ночь во всех подробностях, но это не имело значения, потому что она спала в Нохе, и ее разбудили шум, крики и – нет, она не ошиблась, во дворе действительно стреляли. Графиня села на постели и дернула звонок. Встрепанная перепуганная служанка в наспех натянутом платье вбежала сразу же – тоже проснулась и по той же причине.

Расспрашивать было бессмысленно, и Арлетта, быстро, но спокойно накинув нижнее платье, повернулась к девчонке спиной. При виде шнуровки бывшая камеристка Катарины опомнилась и взялась за дело. С ее помощью графиня почти привела себя в подобающий вид, и тут с лестницы негромко постучали, а вежливый голос с еле заметным акцентом произнес:

– Госпожа графиня, я – тенъент Габетто, вы меня знаете. Со мной десять человек. По приказу его высокопреосвященства мы будем охранять вас. Не беспокойтесь, мы не допустим к вам никаких злоумышленников.

– Что происходит? – Отодвигать засов женщина не стала. Офицера по имени Габетто она помнила, но узнать по голосу не могла.

– К сожалению, не могу объяснить. – Кто бы ни находился за дверью, внутрь он не рвался, что придавало его словам достоверности. – Дверь во флигель толстая и прочная, ваша – тоже; их так просто не выбить. Не подходите к окнам... То есть не зажигайте в комнатах яркого света, чтобы не заметили снаружи. Ставни у вас закрыты, и это хорошо.

Вновь треск выстрелов – два, три, четыре... Кажется, со стороны резиденции Левия. Стук и лязг клинков, совсем как в фехтовальном зале. Крики. Ругань. Смешно, но она ни разу в жизни не видела серьезной драки, не говоря уж о бое. Это графиня-то Савиньяк!

– На нас напали? Вы знаете, кто?

– Да, сударыня, но вы не должны беспокоиться. Верные его высокопреосвященству гвардейцы скоро с ними справятся.

Ах, «верные»... Красивый оборот или признание печального обстоятельства, что есть и «неверные»? Церковные дразги? Эсператистской церкви, по сути, больше нет, а все равно что-то делают... Вот уж не вовремя!

– Хорошо, я беспокоиться не буду.

Звуки боя усилились. Или приблизились? Служанка прилипла к стене. Испугалась, бедняжка. Тут есть чего бояться... И хорошо, что на двери такой массивный, вызывающий уважение засов, да и сама дверь, Габетто прав, толстая и из прочного дерева, однако запоры запорами... Пистолетов и кинжалов Арлетта не имела, но стилет у нее был. Молитва-

ми Бертрама, собиравшего дорожные шкатулки по своему усмотрению. Смертоносная игрушка скользнула в рукав, в петлю для флакончика с нюхательной солью или, если угодно, ядом. Флакончиков Арлетта тоже никогда с собой не таскала.

– Сударыня, – пролепетала камеристка. – Сударыня...

– Задуй свечи, – ровным голосом распорядилась графиня. – Обе. Насчет огня он прав.

А теперь можно и к окну. Жаль, щели в ставнях узкие, ничего толком не разглядеть, впрочем, с ее глазами хорошо видно только призраков. Лязгает все ближе, люди кричат все злее и отчаянней, и вдруг как отрезало. Тишина, короткая, в десяток ударов сердца, сменяется топотом множества ног. Кто-то бежит мимо флигеля, судя по звукам, человек десять, не меньше. Опять тишина и опять бегут... Эти вдруг решили, что стоит войти. Дверь во флигель сотряслась от ударов, но выстояла. Еще удары, еще... Тут. У резиденции Левия прекратилось... Драка прекратилась, а вот топот и лязг знаменуют явление новых участников ночного действия.

Те, внизу, выругались и, оставив в покое дверь, попробовали убраться, но время было упущено. Грохнул выстрел, второй... Прямо под окнами завязалась схватка, и это тренировку уже не напоминало.

Фрида не спешила одеваться. Подняв свечу и чуть сощурившись, она рассматривала лежащего на неразобранной постели любовника. Очень внимательно рассматривала. Ли не возражал. Было пьяняще жарко, как бывает летом на севере.

– Вы в самом деле похожи на Леворукого, – наконец решила дочь регента. – Гаунау в наблюдательности не откажешь.

– Вам тоже... В этом замке кого-нибудь когда-нибудь убивали?

– Оскорбленный муж?

– Не обязательно, хотя годится и он.

– Вы собираетесь написать поэму или боитесь?

– Вы не угадали и не угадаете... Мне хочется пить, а вы уже встали.

– Забавно... – Фрида не спеша подошла к столу, поставила свечу, взялась за кувшин. – Никогда не думала, что заниматься делами можно в кровати и это будет чем-то вроде вина.

– Но его не заменит, – уточнил Лионель и прикрыл глаза. Такие редкие минуты, когда не надо ни думать, ни спешить. К утру Фрида уйдет – это ее дом и ее дороги. Уезжая в Придду, он не предполагал, что вновь увидит эту женщину еще до конца лета. Увидел. Теперь жизнь свела их опять... Маршал уже знал, когда маркграфиня засмеется, а когда вскрик-

нет, а маркграфиня поняла, как получить свое и второй раз, и третий...

– Пейте. – Край кубка тихонько коснулся нижней губы, а рука чуть приподняла затылок. Фриду, как и всех женщин дома Ноймаринен, учили поить раненых, но где сказано, что полученное знание можно применять с единственной целью? В прошлый раз ей вздумалось напоить так вполне здорового маршала, и маршалу это понравилось. Маркграфиня запомнила и повторила.

– Раньше вы наливали вино в рубашке. – Пальцы скользнули, пока только скользнули, по женскому бедру. – В вышитой розовыми и малиновыми торскими фиалками рубашке...

– Раньше на вас была простыня. – В прошлый раз она тоже допила за ним и поставила пустой кубок на пол. – Маркграф к старости раздобреет, а вы?

– Не имею представления. Ложитесь... Или уходите.

Фрида вновь окинула его внимательным взглядом. Очень медленным. Так смотрят скульпторы.

– Отказавшись от простынь, я не оставила себе выбора. Уйти от вас в вашем нынешнем состоянии – погрешить против гостеприимства.

– Тогда ложитесь.

– Чуть позже. – Женщина отодвинулась на несколько волосков. – Эта юная ангелица состоит под вашим покровительством?

– Да.

– Но вы ее еще не пробовали?

– Нет.

– Почему вы не говорите, что и не намерены?

– Потому что мои намерения на сей счет вас никоим образом не касаются. – Лионель потянулся, прикрыл глаза и неожиданно рванул не ожидавшую подобного маневра женщину на себя. Он не ошибся: сперва Фрида засмеялась, потом вскрикнула.

3

– Этих двоих, пока живы, связать и немедленно к лекарю! Надо думать, его высокопреосвященство захочет глянуть на ублюдков. – Голос был громким и уверенным. Офицер, не младше капитана. – Джакопо! Джакопо, ты здесь?

Уже знакомый и все еще вежливый голос тоже снизу отозвался:

– Да, капитан.

Отлично! Габетто под дверью настоящий, и имя ему Джакопо.

– Как там у вас?

– Все в порядке.

– Двери пока не открывать! Мы только здесь разобрались, а сколько мерзавцев еще осталось, одни кошки знают. Карaulить до утра, понял?

– Будет исполнено.

– Пистолеты перезарядили? Тогда все за мной!

Какая веселая ночь. Ладно хоть Левий жив, это несколько утешает... Графиня отошла от окна. Служанка что-то комкала, кажется, алвасетскую мантилью, но хотя бы не голосила. Вряд ли, идя в прислуги, глупышка думала про тюрьмы и осады.

– Ложись спать, они ушли.

– Слушаю, сударыня.

– Постой. Ты из Олларии?

– Да, сударыня.

– У тебя родня есть? Если есть, можешь завтра их проведать, я обойдусь.

– Ох! Спасибо, сударыня! У меня отец хворает, и потом...

– Жених?

– Ох... Наверное...

– Тогда можешь отдохнуть два дня, и чтобы больше никаких «наверное»! Поняла? Я хочу послать тебе на свадьбу подарок, а пока... Возьми алатскую шаль, ту, что с ирисами.

– Ох, сударыня...

Любопытно, что ответит Джакопо на просьбу зашнуровать платье? Церковный гвардеец в обмороке – зрелище любопытное, а у конюшен снова гремит... Да как сильно! И у северной стены тоже. Получается, дерутся по всему аббатству; не слишком-то похоже на визит дюжины убийц, желающих прикончить кому-то не угодного кардинала.

Стук в дверь – негромкий, вежливый, – и такой же голос.

– Его высокопреосвященство считает необходимым поговорить с графиней Савиньяк.

– Графиня Савиньяк тоже считает это необходимым.

Вокруг вышедшей на улицу Арлетты немедленно сомкнул кольцо добрый десяток гвардейцев. Церковники были напряжены, шли, обшаривая пустой двор настороженными взглядами и держа руки на оружии. Они все еще не успокоились, все еще ждали внезапного удара, а Габетто и вовсе походил на струну – тронь, зазвенит. Явно знает, от чего должен защищать гостью его высокопреосвященства, но офицеров при исполнении отвлекают разве что дуры вроде Одетты.

Тошнотворно зеленый свет резал глаза, и Арлетта отвернулась, сожалея о сгинувших танкредиданцах. Монахи могли уйти за крысами, вернуться в Лаик, уснуть, но графине отчего-то казалось, что они исчезли навсегда. Не умерли, а растаяли, как туман или облако, только безоблачное небо не кажется пустым, а полная людей Ноха словно бы осиротела. Без кошек, без призраков, даже без ворюги Валтазара!

– Графиня Савиньяк к его высокопреосвященству.

– Проходите.

У дверей в кардинальские покои – усиленная охрана, на стенах, полу́ и дверях – следы схватки: выбоины от пуль, оставленные сталью царапины, еще не затертая кровь. У многих гвардейцев – повязки и тоже кровь на изодранной одежде. Лица мрачные и угрюмые, один Пьетро безмятежно

перебирает свои жемчужинки. Агнец или... котяра?

Кардинал тоже выглядел не лучшим образом. Шадди, конечно, предложил... Знакомый запах должен был успокоить, но в опрятной, не знавшей драки комнате не было Альбины, а шадди без кошки – это тоже тревога. По крайней мере, в Нохе.

– Вы не спрашиваете, что случилось?

– Будь вы тенъентом, капитаном, даже полковником, я бы не удержалась, но вы скажете ровно то, что сочтете нужным. Мне с корицей.

– Я готов признать правоту олларрианства в той его части, что касается преклонения перед женщиной. Не перед каждой – и это есть величайшее озарение. Просто женщина, просто мужчина, просто клирик, дворянин, военный, поэт – не повод преклонить колена. Для этого надо стать неповторимым. Стать собой. Не потому что женщина, а потому что Октавия. Или... Арлетта. Вы согласны?

– Не сегодня... Сегодня я почти испугалась. Почти, поскольку не знала, что нам грозит. Вы не поверите, я ни разу не видела, как убивают. Но, кажется, слышала?

– Да. Часть гвардейцев подняла мятеж по довольно-таки невразумительному поводу. Они перебиты. Все. Теперь я уверен, что Ноха надежна, но вас я прошу переехать в другой флигель. Заодно увидите, как я зимой устроил герцога Алву.

– Он весьма ценил беседы с вами. – Теперь о визитах его высокопреосвященства к госте не будет знать даже охрана.

Алиса сочла бы сие неприличным. – После мятежа шадди особенно вкусен.

– Шадди с мятежом... Боюсь, это будет самым дорогим из известных мне рецептов. Любопытно, можно ли сказать то же об ореховой настойке... Вы не возражаете, если я проверю?

Глава 6

Талиг. Оллария

400 год К. С. 6-й день Летних Молний

1

– Монсеньор, начальник городской стражи сообщает: при помощи солдат гарнизона он справился – амбары на Малой Складской взяты под охрану, толпа разогнана, зачинщиков удалось схватить.

Прервавший разговор Проэмперадора с комендантом Олларии дежурный адъютант ничего нового не сообщил, но рычать было не с чего – Робер сам велел немедленно докладывать обо всем, что творится в городе, а начальник стражи не мог предвидеть, что его курьера опередит Карваль.

– Не одно, так другое. – Иноходец выждал, пока за адъютантом закрылась дверь, и бросил на стол давно высохшее перо, которое за какими-то кошками вертел в руках. – Мало было хлопот с барсинцами, с лезущим в город ворьем, так еще и горожане устроили...

В том, что без крови, без большой крови, в ближайшее время не обойтись, сомнений почти не осталось, а ведь с утра положение казалось чуть ли не приличным. Проэмперадор

выслушал очередные доклады: из тессории – о запасах хлеба и о том, что цены на него растут не так быстро, как опасались, и с севера – о беженцах и принятых ноймарами мерах. Обычные дела, Робер к ним даже привык, но потом спокойствие приказало долго жить.

Если церковные гвардейцы, пусть и не все, взбунтовались, дело действительно пахнет скверно. Толком узнать, что случилось, не удалось, услышавшие пальбу южане примчались в Ноху уже к концу, когда мятежников добивали возле часовни. Мэйталь, с перевязанной рукой и ссадиной на щеке, только и сказал, что выступление недовольных успешно подавлено. Ага, успешно. По словам Гашона, вся площадь была усыпана трупами... Сколько у Левия осталось людей, и сколько из них – надежных?

Никола тоже был встревожен, хотя доклад маленького генерала скорее успокаивал: пришлое ворье свое получило, уцелевших отлавливают по всему городу, ремесленные кварталы пусть и не уgomонились окончательно, но никто никого не режет и толпы по улицам не болтаются. За ночь погиб один и ранено трое стражников – неудачно повстречались с шайками. Есть погибшие горожане, но среди солдат никто не пострадал, синяки и пара легких порезов – пустяки. Поймано несколько зачинщиков грабежей...

- Их кто-то нанял? Подговорил? Что успели выяснить?
- Монсеньор, пока ничего толком узнать не удалось.
- А не толком?

– Торговец кожами... Вы могли его запомнить. Он искал в Доре жену и мать. Высокий, родимое пятно на подбородке...

– Помню. И что?

– Есть четверо свидетелей, что именно он подбил соседей по улице на это безобразие. Тоже не нищих и не бездельников. Вина доказана полностью, но сам он сказать, зачем это делал, не может. Сперва ругался, потом, когда с ним поговорили серьезно, принялся плакать и каяться. По всему выходит – Занха.

– Значит, выходит. Погромы нам обойдутся дороже. Мы, сколько могли, терпели, но показательная... казнь нужна. Не понимают по-хорошему, пусть хотя бы боятся!

– Монсеньор, я полностью согласен. Не думайте, что я пытаюсь защищать подстрекателя, но я бы хотел, чтобы с ним переговорил его высокопреосвященство. Может быть, он поймет.

То, что кто-то решил: солдаты и стражники по уши заняты, им не до меня, давай-ка я урву кусочек, пока шанс есть, – не удивительно. Но вот что к этому «кому-то» так охотно присоединились сотни вполне добропорядочных обывателей...

– Левий проглядел своих собственных гвардейцев, а жители города даже не эсператисты. Занха, и сегодня же! Разве что кардинал на обратном пути согласится заехать... куда?

– В Дору.

– В Дору?!

– Не в Багерлее же всех держать. Вы ждете его высокопреосвященство?

– Он прислал курьера, что будет после полуденного бдения. Сегодня он служит сам.

2

Кардинала дожидались втроем – мэтр Инголс, то ли случайно, то ли наоборот, явился во дворец за полчаса до Левия и остался. Робер не возражал – в присутствии адвоката он хоть и чувствовал себя дураком, но дураком, уверенным в том, что наделать глупостей ему не дадут. Левий, Карваль и Инголс – больше рассчитывать не на кого. Графиня Савиньяк при всем своем уме – почти потерявшая сына женщина, которую надо защитить, а Мевен, Дэвид, Халлоран ждут приказов, и отдавать оные не кардиналу, не законнику и даже не коменданту столицы, а Проэмперадору.

Робер кружил по захваченному им в единоличное пользование кабинету капитана королевской охраны; взгляд в очередной раз зацепился за вазочку, которую прислуга каждое утро тупо заполняла свежим миндальным печеньем Эпинэ, ругнулся и выставил память о Клементе в приемную.

– Доешьте, – велел он адъютантам, – и пусть больше не приносят. Ваше высокопреосвященство...

– Пьетро тоже не сразу понял, что лично мне молоко без

надобности, – проникновенно заметил кардинал, не забыв благословить третьего дня перешедшего в эсперантизм адъютанта. – Что в городе?

– Ничего особенного. Я понимаю, что вмешиваюсь не в свое...

– У вас в этом городе «не своего» нет, – отрезал Левий. В приемной кардинал был спокоен и благостен, в кабинете остался всего лишь спокоен. – Вы имеете полное право спрашивать. Хоть бы и с меня.

Умей Робер *так* докладывать, быть бы ему сразу и супремом, и ментором по математике. Ничего лишнего, и все ясно. До отвращения.

Нохский мятеж начался с форменной ерунды: повздорили трое гвардейцев. Дежурный офицер вмешался и сделал буянам выговор. Обычное дело, но внезапно возмутилось еще несколько человек. Кто-то брякнул – а чего нам тут взаперти сидеть, мы что, арестанты? Претензия нашла отклик, офицер глазом не успел моргнуть, как целая депутация двинула к кардиналу с решительным «доколе?». Естественно, бузотеров и на порог не пустили, они принялись настаивать, Мэйталь вызвал подкрепление, и заводил арестовали, вот тут всерьез и началось.

Те, недовольные, что оставались в казарме, кинулись поднимать товарищей – дескать, надо выручать своих. Откликнулись, на удивление, многие. К кардинальской резиденции таких откликнувшихся заявилось под сотню; буквально в

несколько минут спор перерос в перебранку, а перебранка – в кровопролитие.

Первый штурм был отбит. Стены толстые, двери и коридоры узкие, на окнах крепкие решетки – дежурные гвардейцы устояли. В это время в казармах теперь уже обе стороны усиленно поднимали людей. К счастью, мятежники, хоть и начали первыми, не слишком преуспели: из полутора тысяч солдат взбунтовалось меньше трети, и не все они смогли собраться вместе. Верные Левию офицеры быстро опомнились, построили кого смогли и перешли в наступление.

Часть мятежников была окружена у кардинальского флигеля, им предлагали сдаться, но впавшие в непонятное иступление люди и слышать ничего не хотели. Пошли на прорыв, дрались насмерть. Некоторым удалось-таки пробиться, за ними пришлось гоняться по всему аббатству. Кого-то настигли возле конюшен – пытались захватить лошадей, кого-то на воротах и возле часовни. Все бились с яростью смертников, не прося и не давая пощады. В результате из полутора тысяч человек на ногах чуть более семисот, но в них можно не сомневаться.

– Я просил бы военного коменданта с разрешения Проземперадора прислать врачей. – Кардинал знакомо тронул своего голубя. – Для брата Анджело слишком много раненых.

– Само собой... – А что будет, если сбесится столичный гарнизон? У Левия свихнулось меньше трети, но он знал, кого берет в Талиг, а тут на одного южанина семеро не поймешь

кого! – Ваше преосвященство, что с графиней Савиньяк?

– Эта женщина знает, когда мужчин не следует отвлекать. Она отправила прислугу помогать раненым, а сама собиралась записать очередную притчу. Я ручаюсь, что в Нохе сейчас безопасней, чем в городе, но графине, если имеется такая возможность, лучше вернуться в Эпинэ.

Возможность будет, если в сопровождение выделить надежный полк. В окрестностях столицы слишком много дезертиров и мародеров, а карета – добыча лакомая... Кареты, потому что оставлять в Олларию Марианну нельзя, как и сына Катари, и самого Левия. Вот и выход! Семьсот прошедших проверку церковников. Графиню и принца за пределы Кольца выпустят, а остальные до поры до времени могут осесть в той же Барсине, благо мерзавцы убрались оттуда еще осенью.

– Ваше высокопреосвященство, Олларию должна покинуть не только графиня Савиньяк, но и Октавий, и не являющиеся военными члены Регентского совета... – Вот как сказанул! Точно, с кем поведешься... – А также посольская палата и вы, я был бы признателен...

– Не будете. – Пальцы Левия тронули наперсный знак, и это впервые показалось молитвой. – Место кардинала Талигойского, пока его не отзовет Эсперадор, в Олларию. Место Эсперадора, пока его не отзовет Создатель, – в Кабитэле.

– Ваше высокопреосвященство, – Карваль и так слишком долго молчал, – если вы хотите вернуть эсператизм, вы не

должны...

– Сын мой, если б я не видел вас в деле, то решил бы, что у вас в корне неверное, хоть и распространенное, понятие о долге. Да, я намерен вернуть в Золотые земли эсператизм, но не конклав. Увы, мои покойные собратья променяли Ожидание Его на корыто даже не Врага... Просто на корыто. Уподобившись покинувшим Святой град тварям, как четвероногим, так и двуногим, я не смогу проповедовать светским пастырям, защитившим свою паству, а я твердо намерен рано или поздно всех вас обратить. Но эскорт для принца и его свиты я выделяю. Пятьсот человек.

– Благодарю, – сдался Робер. – Мэтр Инголс...

– Друг мой, – тон законника подозрительно повторял тон кардинала, – да будет вам известно, присягают не только военные, но и врачи, и адвокаты, причем наша клятва, клятва Лэнтиро, – ровесница Адриановых заповедей. Законник, единожды согласившись, действует в интересах того, кто ему доверился, каким бы безнадежным ни представлялось дело. Договор может быть расторгнут либо по достижении результата, либо по решению доверителя, причем смерть или же отсутствие последнего не являются поводом для прекращения работы. Мои нынешние обязанности были возложены на меня ее величеством Катариной. Как член Регентского совета я представляю интересы граждан Талига, каковыми являются и жители Оллари. Мое место здесь.

– Осталось понять, – улыбнулся Левий, – насколько без-

надежно наше дело.

Законник посмотрел на церковника.

– Да будет вам известно, – торжественно изрек он, – не бывает безнадежных дел, бывают безнадежные защитники.

3

Спорить было бессмысленно, оставалось поблагодарить, что Робер с некоторым облегчением и сделал. Нужно было решать, кто, кроме церковников, отправится с принцем. Лишиться Карваля или Халлорана Робер не мог, как и Мевена. Значит, поедет Дэвид.

Последний из Рокслеев возражать не стал. После смерти брата и разрушения Роксли ему все было безразлично, но с делами новоиспеченный граф как-то справлялся. Поручи ему Проэмперадор не сопровождать Октавия, а давить мародеров или пришлое ворье, Рокслей давил бы, но Робер не поручал. Мертвые при всей их осмысленности глаза... нет, не пугали и не отталкивали – не внушали уверенности, что без присмотра Дэвид не промешкает или, наоборот, не полезет на рожон. Просто чтобы все наконец кончилось.

– Я могу идти?

– Конечно.

Рокслей вышел. Гвардейская выправка все еще давала о себе знать, со спины хозяин лежащих за Кольцом развалин выглядел браво и деловито.

– Ничего, – сказал Робер больше себе, чем задержавшемуся Карвалю, – Барсина не в Гаунау, да и Мэйталь, если что...

– Если что? – уточнил Никола.

Эпинэ потер запястье. Ответа он не знал.

– Пригласите Глауберозе, пусть придет к утреннему разводу. И отправьте гонцов Валмону. Принца и графиню надо встретить у Кольца. Если Мэйталь выступит послезавтра утром, как раз успеют...

– Горожанам не понравится, что Октавия увозят.

– Меньше надо бузотерить... Лэйе Астрапэ, мы мечемся, как очумелые кошки, от драки к драке, пора это прекратить. Возьмите под усиленную охрану мосты через Данар и центральные кварталы. Ставьте только надежных, сомнительные пусть сидят по казармам.

– Значит, наши и Халлоран. Не считая людей Мевена и гвардейцев.

– Пусть Мевен завтра же примет у Дэвида дела. Бывших гимнетов припишем к гвардии – охранять будет некого, но из Олларии я приличных солдат не отпущу. Тех, кто не занят в городе, сосредоточьте у дворца и будьте готовы к неожиданностям.

– К каким?

– А Леворукий их знает... К любим. Особенно ночью.

– Я приеду к Капуль-Гизайлям доложить.

– Сюда. Я буду ждать.

Сегодня чужие не нужны, даже Никола, потому что по-

слезавтра Марианна уедет. Вместе с собаками и Коко. Если потребуется, Дювье впахнет барона с баронессой в карету силой, но в Олларии Капуль-Гизайли не останутся. Проэмперадор должен быть спокоен, он не вправе тратить себя на страх за свою женщину и еще больше не вправе приставлять к ее дому полк.

Глава 7

Талиг. Оллария

400 год К. С. 6-й день Летних Молний

1

Уютно горели свечи, пахло старой бумагой и шадди, только кошки не было, а в особняке Эпинэ больше не жила трогательная седая крыса.

– Сударыня, я в отчаянье. – Левий закончил колдовать над своим варевом, и Арлетте ни с того ни с сего захотелось кардинала расцеловать. За то, что не сбежал и варит шадди. За то, что в самую мерзкую ночь не подвывает и не молится, а ждет рассвета – не церковного, земного...

– Если я не путаю, отчаянье есть грех.

– И тем не менее я варю вам шадди в предпоследний раз. Я обещал Эпинэ убедить вас уехать. Сам Проэмперадор взял на себя более трудную и менее приятную задачу – ему предстоит уговорить баронессу Капуль-Гизайль.

– Значит, – сделала вывод Арлетта, – вы наконец испугались. Когда я говорю «вы», то имею в виду заправляющих в Олларии мужчин.

– Мы сильно упали в ваших глазах?

– Отнюдь нет... Вы хотите, чтобы шадди остыл?

– Простите, – извинился кардинал, – прямые вопросы повергают духовных лиц в растерянность, но о корице я все же не позабыл. Значит, жена и мать маршалов извиняет трусость?

– У моих сыновей на этот предмет разные взгляды. Вы успели прочесть письмо Придда?

– И даже погнать людей в олларрианские архивы. Пока ничего, о чем бы мы с вами не знали. Что вы предпочитаете: обсуждать предмет страха или вернуться к нашим изысканиям?

– А разве первое не является частью второго? Кого еще выставляют? Октавия? Послов?

– Да и да. Кроме того, после вашего отъезда Мевен, Инголс и я начнем предупреждать тех, кого сочтем...

– Достойным сожаления, если случится худшее, – подсказала графиня. – Кстати, на что, по-вашему, оно будет похоже?

– Хороший вопрос... – Его высокопреосвященство впервые с начала разговора притронулся к своей чашечке. – Неплохо... Особенно для занятого еретическими мыслями кардинала.

– Еретическими?

– Мысли о том, как отвести от паствы гнев Создателя, мои покойные собраты сочли бы еретическими. Паства должна время от времени познавать мор, глад, пожар или войну,

дабы чувствовать тяжесть длани Его и укрепляться в почтении к слугам Его. Долг же пастырей – всем стихиям наперекор сохранить себя, а когда гнев Создателя иссякнет – не может же он гневаться вечно, – стричь новую паству.

– Какая прелесть. – Арлетта отставила пустую чашку. – Так бы сказал, окажись он на моем месте, известный вам регент Талига. Вы доверили мне тайну князей церкви или пересказали антиклерикальный памфлет?

– Как вы уже сказали, первое является или может являться частью второго, но Олларию что-то грозит. Это противоречит здравому смыслу, это противоречит нашим знаниям и опыту, мало того, это противоречит всем известным мне догмам всех известных мне церквей, но это так.

Привычку кардинала резко отдергивать портьеру Арлетта уже знала. За портьерой была почти ночь, прорванная призрачным зеленым стволом.

– Я пытался складывать, – признался Левий, – но концы с концами не сходились, и я стал вычитать, а записи Придда все окончательно смешали. Сегодня я говорил с послами держав, жители которых тяготеют к язычеству и суевериям. О призрачных моровых ходах за пределами даже не Талига – Кольца Эрнани, не слышал никто, как и о... Сударыня, я далек от показного благочестия, но назвать *это* сиянием и светом не могу.

– Я тоже, – согласилась графиня, и Левий, к ее облегчению, опустил портьеру.

– Хотелось бы верить, – почти извиняющимся тоном произнес он, – что данное... явление привязано к единственному месту, но покойный Адриан видел зеленые, как гнилая вода, огни в агарисском Храме Семи Свечей. Вы можете это объяснить? Я – нет.

– Я даже не пытаюсь. Соберано Алваро как-то сказал Арно... моему мужу, что прежде, чем бояться того, чего мы не знаем, нужно избыть очевидное. Он имел в виду Алису, но сам подход хорош... Давайте отбросим то, что Олларию не грозит, а именно морисков и любую другую войну – Гайифе не до нас, с Гаунау мир, «гуси», даже если им сказочно, небывало повезет, в глубь Талига не пойдут. Голода тоже не будет – Бертрам позаботится. Остаются стихийные бедствия, мор, бунт и чудища на манер гальтарских.

– Гальбрэ, Борраска, Гальтара... Это может быть, – Левий потащил из бюро свежие припасы, и Арлетте подумалось, что кардинал хочет занять руки и отвернуться, – особенно мор и бунт, только нигде и никогда им не предшествовали... явления, которые мы сейчас наблюдаем. Или они сами по себе и знаменуют что-то невинное, вроде конца Круга, или надо ждать чего-то особенного. Я все чаще думаю про двоих Эрнани. Почему Кольцо? Только ли потому, что владения императора должны быть к столице ближе владений вассалов? Почему Кабитэла? Захолустный городок, знаменитый разве что своей ересью, правда, в древности такое слово было не в ходу, просто в разных местах верили по-

своему... Постоите-ка! Лаик – бывшее языческое святилище. Храм Октавии в Старом парке – бывшее языческое святилище...

– В Рафиано они тоже уцелели, я в них бывала. Там испытываешь особое ощущение... В Лаик, в затопленном храме, я чувствовала то же.

– Вы вряд ли это знаете, но Святой престол перенесли в Агарис именно потому, что тот почитался «чистым» от языческой мерзости. Во времена Эрнани Святого, напротив, предпочитали возводить новые храмы рядом, а еще лучше на фундаментах абвениатских. До недавнего времени я думал, что из желания переманить привычную к месту паству, но большинство кабитэлских аббатств расположено крайне бестолково.

Мы точно знаем, что призраки появлялись в Доре, Лаик и Нохе, причем в Лаик не замечено никаких свечений, а у гробницы Франциска в Старом парке нет никаких монахов. На месте Лаик был храм Скал. Дору, как мне удалось выяснить, заложили на месте, почитавшемся «дурным», а Ноху – на бывшей главной площади древней Кабитэлы. Почему? Ответ наверняка проще некуда, но тем трудней его найти.

– Так стоит ли искать? – улыбнулась Арлетта. – Он или не найдется вообще, или уже найден. Когда я овдовела, а сыновья выросли, я никого не искусала лишь потому, что принялась сочинять... Эрнани Последний, если он в самом деле

жил в Лаик, должен был либо удавиться, либо оставить какие-нибудь «Размышления о падении Талигойи», «Записки смиренного Диамнида», в худшем для нас случае – поэмы или трагедии...

– Ага! – обрадовался, нет, возликовал Левий. – Мы с вами опять приходим к одному и тому же. Король, каким мы его видим, не мог не писать. Король ничего не оставил. Конечно, он мог сжечь свой труд или завещать это сделать другим. Бумаги могли пропасть по глупости, по неосторожности или, наоборот, из-за осторожности чрезмерной...

– Скорее, – сощурилась Арлетта, – они до сих пор валяются в Лаик, если только их не украл мэтр Шабли.

– Согласно гороскопу, Эрнани был склонен к занятиям наукой, он не стал бы писать лишь для того, чтобы заполнить пустоту в душе, и позаботился бы о том, чтобы довести свой труд до тех, кому он будет полезен. До тех, кто спасал Талигойю, в том числе и от Агариса.

2

Никола вернулся к полуночи. Приказ он, само собой, выполнил и к тому же проехался до Конских ворот и дальше через Нижнее предместье к Гусиному мосту.

– Хорошая ночь, Монсеньор, – голос маленького генерала был почти мечтательным, – звездная... В Старом парке полно цикад. Трещат, будто и не в городе.

– Вы и туда добрались?

– Ехал мимо, вот и завернул на минутку. – Никола, неслышанное дело, казался смущенным. – Сам не знаю с чего. У нас... В Пуэне сейчас тоже поют.

– И в Эпинэ. – Робер подошел к окну, которое распахнул еще вечером. Звезд в самом деле было немерено. – Скоро начнут падать... Я про звезды. В Торке шутят, что звезды учатся падать у созревших яблок.

– Я слышал, – кивнул Карваль.

Внизу белели статуи, темнота пахла ночной фиалкой и еще чем-то пряным и сладким, скучно журчал фонтан. В Старом парке вода поет и плачет, вот туда и тянет...

– Ложитесь, – велел помощнику Эпинэ, – прямо здесь, нечего тратить время на разъезды. В городе спокойно, а выспаться вам нужно. Утром я займусь Глауберозе, а вы примете доклады и поговорите с Мевеном. Иначе он вообразит, будто мы не доверяем Рокслею.

– А разве вы доверяете?

– Дэвид не предаст.

– Граф Рокслей может ошибиться. В нашем положении это ничем не лучше.

– Вряд ли ему представится оказия, да и Мэйталь будет рядом, это здесь нам помогать некому. – С чего он такое брякнул? Никола и без того все понимает... – Ложитесь и выкиньте из головы всякую ерунду, даже часы. Вас разбудят.

Карваль пообещал. Эпинэ не поверил – маленький гене-

рал не терпел, когда его застигали спящим.

Опустевший дворец казался сказкой. Темные анфилады и лунные отблески на полах и зеркалах напомнили рассказ Дика про Рамиро и возвращенный меч. Теперь Робер знал разгадку, но в гулких, почти призрачных залах больше веришь в откровения мертвеца, чем в розыгрыши. Веришь и делаешь глупости.

Карваль полез в Старый парк, Эпинэ забрался в малую Тронную и долго смотрел сперва на корону Раканов, потом на их же меч. Изображать из себя анакса Эпинэ не собирался, просто захотелось проверить...

Рокэ оценил реликвию верно: «дурно сбалансированная железяка» таковой и оказалась. Неудобная рукоять, лунки от выпавших мелких камней, полуслепой лиловый набалдашник; хороша была разве что сталь. Один из утраченных в древности секретов... Потом мориски и кэналлийцы, а позже и дриксенцы научились делать не хуже, но странного узора на смертоносной глади так и не получилось.

Эпинэ вернул меч на стену и спустился во двор. Конвой уже ждал – Дювье и три десятка ветеранов-южан. Когда в город полезло ворье, Карваль строго-настрога приказал: глаз с «Монсеньора» не спускать, как бы тот ни отбивался. Перепрямить бывших мятежников Робер даже не пытался, вот и ездил в сопровождении целой толпы; впрочем, думать и смотреть на луну охрана не мешала.

Город в самом деле притих, даже не верилось, что в мол-

чаливых тревожных домах сидит кто-то, способный кричать иначе, чем от ужаса. Недовольные лошади, шумно принюхиваясь, цокали по чистой мостовой. Богатые кварталы откровенно боялись, только чего? Эпинэ шепотом заговорил с Дракко, пытаясь успокоить жеребца, но кони чувят не только волков, но и страх. И заводятся.

По небу беззвучно чиркнула звезда, под копытом что-то хрустнуло. Ветка или стекляшка, но Робер вспоминал другую дорогу, осеннюю и одинокую. Горы вместо домов, за спиной – девушка, по крайней мере, тогда так казалось, ломкий первый ледок и догоняющая неизбежность... Кошмар выжгли костры Белой Ели, а потом стало не до нечисти. Сказка становится страшной, если ты в ней один, а жизнь?

Разом взмокший Дракко захрапел и попятился – впереди лежала ставшая незнакомой площадь. Обычная, с церковью, окруженным каштанами фонтаном и запертыми лавками. Словно разрубленная пополам луна стелила черные корявые тени, было тихо – ни шороха, ни огонька. Робер обернулся: южане молчали, ждали. Тридцать вооруженных мужчин и один напуганный непонятно чем Проэмперадор... Иноходец с трудом сдерживал готового сорваться в карьер полумориска, потом подъехал Дювье. Мэтр Жанно прижимал уши и пучил глаза, он тоже *видел*.

– Тут он их и вешал, – обрадовал сержант, по справедливости давно заслуживший офицерскую перевязь. – На этих самых каштанах...

– Кто «он»?

– Ворон. В Октавианскую ночь... Поделом вообще-то, но лучше б объехать.

Вчера они проезжали этой самой дорогой и позавчера... Каждый день ездили, причем лошади не дрожали, а Дювье даже не думал вспоминать висельников. Из-за каштанов раздался детский плач. Тонкий, ноющий, на удивленье неприятный. Бросать плачущих детей мерзко, но Робер слишком хорошо помнил ту... то, что караулило на горной дороге. Отряд повернул, и никто из южан не сказал ни слова, даже не пропускавший ни одного неутертого сопливого носишки Дювье.

3

Шадди с корицей был выпит, пора было расходиться. Предстоящий день обещал стать тяжелым, по крайней мере для собиравшегося объехать город кардинала. Арлетта вежливо зевнула и сощурилась на часы – приближалась полночь. Договорить можно и завтра, а послезавтра она вырвется из столичной гнили, бросив, именно бросив, Левия, Ро с его Карвалем, Инголса, музыкального барона, у которого еще нужно забрать волкодава и жену...

– Заодно узнаю, как чувствует себя Рожа...

– Простите? – совершенно светски не понял кардинал, и Арлетта с облегчением рассмеялась.

– Старинная маска из коллекции Капуль-Гизайля. Виконт Валме обвиняет несчастный антик в сорока грехах, хотя и хозяин, и мой старший сын, и я видим всего лишь произведение искусства, пусть и не из приятных.

– Меня больше занимает брат Диамнид. Сударыня, вы согласны, что записки Эрнани могут оказаться полезны?

– Если они существуют...

– Они *должны* существовать, и они почти наверняка в нижнем храме. Люди склонны повторять единожды удавшееся. Тот, кто упокоил в гробу Франциска первое завещание Эрнани, упокоит и второе.

– Вы имеете в виду младшего Рамиро?

– Скорее всего. Алва успешно избегают короны, но Октавию как-то удалось сделать единоутробного брата соправителем, и вряд ли тут обошлось без лаикского затворника. Боюсь, нам придется уподобиться Альдо и потревожить мертвых.

– Залезть в гробницу и узнать, что Эркюль не был Раканом, убитый король умер своей смертью, а Рамиро мог усесться на трон, но не пожелал. Фи. Конечно, волнуй Эрнани кабитэлские призраки...

– На Изломе могли и волновать. Люди в те времена были очень обстоятельны и очень суеверны, а король в любом случае знал больше жены маршала. Не могу отделаться от ощущения собственной слепоты! Будь иначе, я выжал бы правду из хроник, но я собираю ромашки и не замечаю дубов. Что

ж, придется принимать грех на душу.

– Эрнани, если вы найдете его записки, будет вам скорее благодарен. Был бы... Его величество, похоже, от мирских сует отрешился. В отличие от Валтазара. Создатель!..

– А его смиренный слуга вас не устроит?

– Возможно. Марсель ведь... Ваше высокопреосвященство, мне нужно к Капуль-Гизайлям! Немедленно.

– Нет, – мягко воспротивился Левий. – Мне, право, неловко говорить подобное даме, но герцог Эпинэ намеревался...

«Намеревался»... У Ро с Марианной остались две ночи, покушаться на них – преступление, а Валтазар никуда от своих ваз не денется. Пусть с воругой тот же Левий и разговаривает – по-своему, по-эсператистски.

– Маршал Алонсо не терпел, когда его тревожили во время визитов к графине Савиньяк, – задумчиво протянула женщина, – но стрелял в навязчивого невежу не собрано, а прекрасная Раймонда. Правда, из пистолета любовника... Мы ведь с вами еще увидимся?

– Я, самое малое, провожу вас до Лаик.

– Тогда про Валтазара поговорим по дороге. – Графиня поднялась и подошла к окну. Зеленый столб все так же упирался в звездное небо, он никому не мешал, но был мерзок и тревожил, как обнаруженный в постельном сундуке труп.

– В ваш флигель можно попасть, не выходя на улицу, – успокоил Левий.

– Я помню. Днем на месте этой зелени нет ничего, а но-

чью?

– И ночью. Если войти внутрь, она словно бы исчезает. Словно бы, потому что со стороны видна и зелень, и тот, кто в нее вошел, причем фигура остается четкой.

– Я хочу это видеть, – решила Арлетта. – Вы согласны, что про «чумной ход» Катарина узнала из записок Гертруды Придд?

– Редких достоинств была женщина. – Взгляд кардинала скользнул куда-то вниз и словно бы погас. – Не могу привыкнуть, что ее нет... Я о кошке. Идемте... Или нет, давайте я сварю еще одну порцию. По-кэналлийски.

4

Теперь они рысили меж темных старых стен. Покинутые аббатства тянули к путникам руки-деревья, их тени хватали за ноги лошадей, навязчиво, но не злобно. Так цепляются луговые выюнки и ежевика, в Торке много ежевики, и в Черной Алати тоже. Может, забраться в какое-то из аббатств и переждать?

Поворот, уколотившая луну колокольня, одинокий всадник едет навстречу. Человек. Дворянин...

– И не боится, – удивляется Дювье, и Робер понимает, что они с сержантом держатся голова в голову. – Шастает по ночам. Мало ли...

Всадник пришпоривает коня и машет рукой. Дракко ни-

чего против чужака не имеет, Мэтр Жанно тоже.

– Какая приятная неожиданность. – Маркиз Салиган приподнимает шляпу. – Я, знаете ли, собирался к Капуль-Гизайлям и позорно струсил. Это я-то!

– Не переживайте. Мы тоже струсили. Вместе с лошадьми.

Салиган привычно стряхнул с плеча невидимые в ночи, но, вне всякого сомнения, существующие перхотинки.

– Плохо дело, – сказал он. – Конечно, мы можем сыграть в кости прямо здесь, но город перестает мне нравиться, а ведь я почти нашел убийцу.

– Да? – переспросил Прозэмперадор, понимая, что на покойного конхессера ему плевать.

– Прошлым вечером в меня стреляли, но оглоеды Джаниса вылезли прежде времени и спугнули мое помилование, впрочем, я не слишком уверен, что оно мне понадобится... Вы сейчас куда?

– Вперед.

– Значит, я назад. Возможно, чистые души или чистое белье его спугнут.

– «Его»? – переспросил охрипший Иноходец, чувствуя глупейшее облегчение от того, что не «ее».

– Надо же как-то назвать то, что сейчас бродит по богоспасаемой столице. Нет, я его не видел, и это меня удручает. То, что видишь, можно при необходимости зарезать, как милейшего Гамбрина...

Они ехали, Салиган чистился и болтал, Робер почти ниче-

го не понимал, хоть и пытался. Мешали детские вопли, словно вцепившиеся в путлища и бежавшие рядом с лошадьми.

– Слышите?

– Что? – не понял Дювье.

– Деточку? – уточнил Салиган. – Это к полулунию, завтра замолчит.

Полулуние... Ночь кого? Точно не Флоха, а прочие гоганские боги забылись вместе с золотоглазой девочкой и разбудившим беду достославным. Добрался ли старик до Агариса? Спасся ли, и как зовется вторая из ночей Луны? Почему этими ночами надо сидеть по домам, уж не потому ли, что по городу бродит хныкающая погибель? Ерунда! В Доре никакой луны не было, там просто умирали, зато висельники видят обгорелую девчонку и ничего, живут. Как могут...

– Салиган, вы имели дело с гоганами?

– Собирался, но ваш Окделл поймал меня раньше.

Отряд благополучно подходил к перекрестку; Робер хотел свернуть вправо и добраться до Капуль-Гизайлей в объезд, но на перекрестке лошади встали. Протяжно присвистнул Салиган, ругнулся Дювье. Впереди лежала площадь с фонтаном. Другая, глаза не могли обманывать, но Эпинэ казалось, что они вернулись к сбросившим удавленников каштанам.

5

Первым на съедение отправился столь же безропотный,

сколь и хранимый, видимо все же Создателем, Пьетро. Арлетта спорить не пыталась, она слишком хорошо знала мужчин, чтобы понять – просто так ее в зелень не отпустят. Немилосердно щурясь, графиня следила, как секретарь его высокопреосвященства повторяет путь покойных танкредиданцев.

– Я забыл узнать ваше мнение о Габетто.

– Достойный офицер, и это не комплимент. Недостойных я тоже видела.

– Габетто будет вас сопровождать.

– В Эпинэ?

– К Капуль-Гизайлям. Эскорт в Эпинэ возглавит Мэйталь.

Кроме того, при вас с завтрашнего дня будет Пьетро.

– Мне не нужен секретарь.

– Вам, как и всякому дыханию, нужен ходатай и заступник. Молитвы Пьетро угодны Создателю.

– Молитвы об Алве, вне всякого сомнения, угодны, – Арлетта сощурилась на его высокопреосвященство, – а молитвы об Оноре?

– Оноре был слишком свят для чужих молитв, вы – другое дело.

– Мне будет спокойней, если Пьетро станет... молиться о вас.

– Он будет. Сопровождая вас к Кольцу. Теперь смотрите.

Пьетро был уже по ту сторону площадки, у входа в затопленную часовню. Кардинал кивнул, и монах медленно дви-

нулся к зеленой колонне.

– Видите? – спросил Левий.

Арлетта видела. Для нее ночные странности были очевидней, чем для кардинала. Близорукость и темнота превратили Пьетро в размытую тень, зеленый свет возвращал фигуре четкость. Только фигуре, стены и небо вели себя, как и прежде, а вот человек... Арлетта могла разглядеть даже перебиравшие четки пальцы. Каким-то образом монах умудрился отыскать центр призрачного костра, где и остановился. Благочестивая статуэтка, созданная продавшим душу Врагу гением.

– Плита помечена, – объяснил Левий и махнул рукой, разрешая секретарю к ним присоединиться. – Это удалось не сразу. Оказавшись внутри свечения, перестаешь его видеть.

– Вы говорили. Что ж, теперь моя очередь.

– Подождите. Что там, сын мой?

– То же, что и всегда. – Пьетро смиренно поклонился Арлетте: – Госпожа графиня.

Опирается на руку годящегося ей в сыновья и почти столь же светловолосого эсператиста не хотелось. Идти не хотелось. Видеть непонятный свет и тем более нырять в него не хотелось еще больше. Воссияй подобное над Святым градом, графиня Савиньяк только приветствовала бы морисков, но в Агарисе, если верить Левию, ничего не зеленело. Ни-че-го!

– Благодарю. – Женщина с улыбкой приняла предложенную помощь; молодой скромник был сильным, Арлетта по-

чувствовала это еще в Лаик. – Я не хочу в обход.

– Как вам угодно.

Половинка луны, летнее тепло, купола, шпили и цикады. Так благостно. Так страшно.

– Я уже спрашивала... Альдо погиб не совсем здесь?

– Немного дальше.

– Вы ведь ездили в Тарнику?

– Тело предали земле в присутствии его высокопреосвященства, – твердо сказал монах. – Крышку гроба поднимали, покойный находился внутри в должном виде. Сударыня, входим.

Уже?! Мгновение назад зеленый луч был почти далеко, а теперь погас. Разом. Только у ступеней своей резиденции сиял серебряной головой Левий. Такой маленький и такой одинокий. Нет, не одинокий – на кардинальской террасе блеснул металл, да и дальше...

– Охрана, сударыня, – пояснил Пьетро. – Мы сейчас в самом центре. Видите метки?

Графиня честно посмотрела под ноги, метки – семилучевые эсператистские звезды – были аккуратно нанесены светлой краской. Что ж, пометить еще не понять – но уже не шарахаться. Женщина медленно повернулась и обнаружила у стен еще нескольких часовых. Все они, как и Левий, отбрасывали четкие тени, все казались фигурками из коллекции Коко, а вот каменная кладка и стволы деревьев лучше видны не стали. Нет, ни в каких маревах они не тонули, просто

сливались в единый темный фон, как на эсператистских иконах... Неужели она открыла церковную тайну? Первый иконописец забрел в зелень, взглянул из нее на людей и ночь, а потом вышел и нарисовал? Очень может быть, но тогда в Гальтаре тоже... светило?

Арлетта вспоминала Иссерциала. Стоящий рядом Пьетро терпеливо ждал, глядя в землю и не забывая теревить свои жемчужинки, это заставило женщину взглянуть на небо и сдавленно охнуть. Нет, небеса не стали ни зелеными, ни кровавыми, просто над самой головой висела огромная луна. Яркая и целая, как в Излом. Целая?!

– Пьетро, Данар!..

Кажется, монах проследил за ней взглядом, потому что понял сразу и правильно. Вдвоем они разглядывали стоящий в зените серебряный щит, по которому змеились красноватые трещины, будто три реки норовили слиться в одну.

– Вы это уже видели? – Графиня изо всех сил сощурилась, но на собравшуюся расколотся луну сие не произвело ни малейшего впечатления. Щурься не щурься, полнолуние оставалось полнолунием, а трещины – трещинами.

– Нет, сударыня, не видел.

– Не видели или не смотрели?

– Сегодня не смотрел, но в прошлый раз небо казалось обычным.

Назад Арлетта шла, задрав голову, и все же не поняла, как жутковатый круг уступил небо уютному серебряному меся-

Девочка в ночной рубашке терла кулаками глаза и редела. У нее не было тени, а на голове переливалась ярмарочными огнями корона Раканов. Та самая, что Робер оставил в тронном зале.

– Закатные твари! – Рука Дювье ринулась было за ворот рубашки, но замерла. Отчаянно даже не заржал, закричал враз покрывшийся пеной Дракко. Эпинэ сам взмок не хуже зачужавшей нечисть лошади, но теперь все хотя бы стало ясно. Был ясен и выход.

Маленькая, залитая лунным светом гадина топала босой ногой и орала, она еще не заметила... Или заметила, но, как вошедший в раж человеческий ребенок, не могла унять плач, давая шанс. Отряду, не Роберу Эпинэ. Иноходец оглянулся на заткнувший улице горло эскорт; медлить было нельзя.

– Дювье, – Проэмперадор заговорил негромко, спокойно, уверенно, будто успокаивал лошадь, – принять команду. Завернуть отряд. Ждать рассвета в старых аббатствах.

– А...

– Выполнять.

Тут ни верность, ни смелость не спасут, разве что заговоры, но он их не знает, а огненных кошек не напасешься.

– Монс...

– Не мешай. Я знаю, что делаю.

Он в самом деле знает, только пусть уберутся. От хныкающей гадины не сбежать, то есть *всем* не сбежать. Кто-то должен остаться, кто-то, кто нужен этой твари... Будь таковым кто-то другой, бросил бы ты его на съедение и сбежал? К Марианне? К Левию, спасти душеньку? Неважно. Щербатой девчонке нужен ты, и давно нужен, прятаться не за кого.

– Монсень...

– Хочешь, чтоб нас сожрало? – Поправить перевязь, пожать плечами. – Со *мною* ничего не станется. Забери Дракко.

Спешиться, на мгновенье прижаться к теплой гриве. С Моро тоже так прощались.

– Разрубленный Змей, вы уберетесь или нет?!

Дошло. Заворачивают, с трудом сдерживая коней. Девчонка продолжает реветь, мостовая то ли кажется тряской, то ли в самом деле готовится стать болотом и поглотить все, что не успеет удрать. Крысы вот успели...

Зеленая дымка липнет к камням, медленно, слишком медленно гаснет конский цокот. Ушли. Наконец-то.

Рыжий огонь рвет тьму. Выстрел. На мгновенье прервавшийся рев.

– Вы меня осуждаете? – Салиган сжимает пистолет и смотрит на ребенка без тени. – Без толку, как я и думал, но не стоять же как олухам?

– Фляхи! – Девчонка топает ногой в спущенном зеленом чулке. Нет, это не чулок, это туман. – Фу! Дядька фу!

– Что тебе, деточка? – кривится посеревший маркиз.

Новый вопль, непонятные, но грязные слова, хватающие каблуки камни. Коронованное чудовище лыбится щербатым ртом, вытирает лапу о натянутую на круглом животике сорочку.

*– У болвана фульги нет,
Не видать тебе конфет!*

– Деточка, – хрипло повторяет Салиган, – тьфу!

– Деточка-конфеточка...

– Уходите! – Робер хватается неряху за плечо. – Она за мной!

– Вы самоуверенны... Проэмперадор. А удирать от нее я уже пробовал.

*– Дядька Фу сидит в шкафу!
Дядька Бе застрял в трубе!
Бе-бе-бе, вот тебе!*

Она прыгала то вперед, то назад, дразнилась, кривлялась, приставляла к носу растопыренные пальцы. Звонкие, будто над водой, вопли, должно быть, разносились далеко, но дома, если в них кто и жил, молчали, а южане убрались. Удрали, сбежали, бросили... Он сам их прогнал, и все же это было

предательством. Он не ожидал, что и Дювье, и Дракко...

– Дядька Фе сожрал трофей,
Дядька Бу наклал в гробу,
Бе-бе-бе, вот тебе!

– Лэйе Астрапэ, заткнись!

– Ы-и-и-и!

Так мог бы завизжать под ножом мясника поросенок размером с церковь.

– Дурак! – Круглые, полные зелени и злобы глазенки вцепились в Робера клешнявыми раками. – Ты дурак! И тебя укусит рак! Ненавижу! Грязный дядька, дядька Фу!

Горная дорога и пустой город. Две дороги, один конь... Две ночи, две женщины или одна? Черные кудри, белые струящиеся пряди, клыкастая кошачья голова... Крылья, огонь, *Молния! Сквозь расколотый кристалл...*

– Пошел вон! У меня есть король! – Пухлая ручонка едва не ткнулась Эпинэ в нос, в зеленом мерцании черным бездонным оком раскрылся вделанный в браслет камень. – Вот! Мой король! Он ко мне придет! Это наш город! Наш, а ты грязный... От тебя воняет! Я тебя не хочу! Ты дурак! Иди вон! К своей рыбе-жабе!

Вон-вон, иди вон!

Вон-вон, иди вон!..

– Сударь, вы разве не слышите, вас... То есть, надеюсь, нас просят удалиться.

– Вон-вон, пошли вон...

– Идемте же!

Салиган. Ну этому-то чего нужно?! Под ногами чавкает зеленая топь, в ноздри, в горло лезет гнилой дым, душит, вызывает рвоту... Так не бывает: можно либо гнить, либо гореть... Но это сгнило и теперь горит.

– У меня есть мой король... – визжит луна. – Пошел вон!.. Ты дурак... Наш город... Король... Рак... Рак... Дурак...

Горы, огненная кошка, шум воды, лилии в водовороте, лилии в вазах, тишина, сон.

– Эпинэ! Поднимайтесь, нас прогнали.

– Салиган?

– К вашим услугам, но чистого платка у меня нет.

– Вы видели?

– А вы слышали? – Маркиз наклонился и что-то подобрал с изумительно твердых камней. Пистолет... – Она назвала вас грязным. Вас! В моем присутствии. Все, я уничтожен. О жалкий жребий мой!

Глава 8

Талиг. Оллария

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Ветер играл цветной тряпочкой, будто котенок. Ветер, тряпочка и окруженная серыми гвардейцами карета – больше на Виноградской улице не было никого.

– Интересно, – графиня сощурилась на навязанного ей заступника, – что творится в других кварталах?

Улицы, которыми ехал кортеж, казались спокойными, хотя и слишком для этого часа малолюдными. Никаких приключений, никаких воплей с руганью, но и смеха не слышно, и зазывалы с уличными торговцами молчат.

– Человек генерала Карваля сообщил, что ночь прошла спокойно, – напомнил Пьетро. Это Арлетта знала и без монашка. Творишь в столице что-то непотребное, ее из Нохи не выпустили бы даже с дюжиной Пьетро и сотней Габетто.

– Я плохо вижу, – призналась графиня спутнику, – посмотрите, какие лица у прохожих. Слава Создателю, здесь хотя бы есть люди.

Пьетро послушно приподнял занавеску. Смотрел он дол-

го, дольше, чем это делал бы адъютант, которому поручили немолодую даму.

– Люди озабочены, – длинные пальцы вновь отсчитывали бусины, – озабочены, насторожены, но не злы. Будь я военным, я заверил бы вас в том, что причин для тревоги нет, но я монах и могу не скрывать опасений. То, что на улицах так мало горожан, меня пугает больше их лиц. Затишье перед грозой... Как ни банально это сравнение, я не могу подобрать другого. Сударыня, так ли вам необходимо видеть господина Капуль-Гизайля?

– Мы у барона не задержимся, – пообещала Арлетта, испытывая жгучее желание броситься назад, под защиту монастырских стен, – а курьера в Ноху отправьте прямо сейчас. Офицеры должны быть готовы.

К чему? К лезущим из катакомб чудовищам? Так в Олларию катакомб вроде бы нет, а все мыслимые распоряжения Левий перед отъездом уже отдал.

– Здесь не столь давно проезжал его высокопреосвященство. Если бы он счел нужным...

– И все же пошлите.

Карета послушно остановилась, Пьетро вышел, стало совсем тихо, потом коротко и тревожно простучали копыта. Арлетта поправила волосы и поудобней устроилась на подушках. Она видела Олларию всякой, в том числе и не очень приятной. Ожидание грозы... Ожидание войны, мятежа, казней... Сорок лет назад Арлетта была слишком юна,

чтобы понять – или Алиса уничтожит Алваро с Диомидом, а заодно и Савиньяков, или волк с вороном сломают королевские шеи раньше. Но даже влюбленная в мужа жена не могла не почувствовать охватившее тогда Двор и столицу напряжение, только оно было иным.

– Гонец отправлен, сударыня.

– Пьетро, какой вы увидели Олларию по приезде?

– Город не казался благополучным.

– Вас это пугало?

– Я не думал об этом.

О страхе не думают, его либо чувствуют, либо нет, но Пьетро и так сказал больше, чем можно было рассчитывать; наверное, их сблизила собравшаяся развалиться луна, очень неприятная... Левий таки вспомнил, где читал о неурочном полнолунии, но источник вызывал брезгливость: эсператистский проповедник времен Эридани Копьеносца, усердно проклиная анакса и допроклинаясь до ямы с ызаргами, предрек Гальтаре и ее жителям страшную гибель под полной луной, что будет видна лишь грешным. Пророчество выглядело банальным злобным бредом, но настроение портило, особенно в тархтевшей по обезлюдевшим улицам карете.

2

Господина дуайена господин Проземперадор принимал в

том же кабинете, в котором ошметки Регентского совета решили выпроводить из Олларии послов. Глауберозе отсутствие церемоний и секретарей вроде бы не задело, хотя дипломаты своих чувств не выказывают. Только вот Роберу отчего-то казалось, что перед ним генерал, причем не вражеский.

Лишенный поддержки мэтра и графини Иноходец не нашел ничего лучшего, чем предложить дриксенцу шадди; тот согласился и признался, что почти не спал. Эпинэ посочувствовал. На то, чтобы не поделиться с послом враждебной державы собственными ночными похождениями, его все-таки хватило. Просчитав до шестнадцати и размешав сахар, Прозэмперадор дипломатично заговорил о погоде. Дуайен честно выслушал и...

– Когда я получил приглашение, – без обиняков начал он, – я уже был уполномочен коллегами искать встречи с вами. Посольская палата обеспокоена собственной безопасностью и хочет знать, может ли она рассчитывать на дополнительную защиту.

– Мы сделаем все возможное, – заверил Робер, – но положение в городе...

– Я понимаю, – произнес Глауберозе сакраментальную фразу, но в его устах она не казалась пошлой. – Как вы, лично вы, отнесетесь к тому, что в ходе защиты Посольского квартала и его обитателей будет перебито некоторое количество налетчиков?

– Я не имею сведений о беспорядках в... рядом...

– Их нет, – быстро, пожалуй, даже слишком, откликнулся дриксенец, – но мы, я имею в виду дипломатов, располагаем некоторым количеством людей, хорошо владеющих оружием и обладающих опытом. наших объединенных сил не хватит, чтобы самим обеспечить защиту квартала в случае серьезных беспорядков, но помочь страже мы готовы.

Помощь дриксенцев, гаунау, алатов... Может статься, она лишней не будет. Мародеров на дорогах много, а караван получится богатым, да когда еще он соберется...

– Пока что не случилось ничего, с чем мы не справились бы, но, разумеется, мы охотно примем вашу помощь... Граф, вы к происходящему относитесь очень серьезно. Почему?

Надежда, конечно, слабая, но вдруг этот пожилой северянин что-нибудь знает? Уж больно быстро он явился с предложением помощи...

– Ничего не могу сказать. – Глауберозе покачал головой. – Я и сейчас не уверен, что у происходящего есть некая единая причина.

– Жаль. – Ладно, скажем спасибо за то, что есть. Посольские готовы обеспечивать собственную безопасность, уже хорошо: опытных людей мало.

– Господин Проэмперадор. – Пожилой дипломат отставил чашку, из которой не отпил ни глотка. – Свой долг дуайена и посла его величества Готфрида я выполнил, и я в самом деле ничего не знаю. Прошу, чтобы наш дальнейший разговор

остался строго между нами.

– Слово Эпинэ.

– Этого довольно. Вчера я имел беседу с его высокопреосвященством. Я доверяю знаниям и чутью этого умного и опытного человека, а он озабочен. Очень озабочен. Я был поражен подробностями мятежа в Нохе.

Подробностями... Перестрелку посреди столицы не утаишь, Левий это понял и предпочел рассказать сам и хозяевам, и гостям. Только одинаков ли вышел рассказ?

– Я находился в Олларии, когда убийство детей сорвало примирение Талига с Агарисом. – Теперь Глауберозе придвинул к себе шадди и даже глотнул. – Происшедшее казалось столь противоестественным, что я заподозрил чужую игру. Сейчас уже неважно, чью. Я стал выяснять подробности и понял, что было две волны погромов. Та, которую возглавлял Авнир, пахла очень дурно, но случившееся в предместьях повергало в недоумение и ужас. Подобная дикость почти неизбежна во время голода, смуты, мора, но Оллария была столь же благополучна, сколь и Эйнрехт. Мне не удалось прояснить ни причину начала безумия, ни причину его конца, потому что погромщики неожиданно успокоились.

– Их вовремя начали вешать. – Робер припомнил собственное ночное путешествие и торопливо встал. – Вы не любите шадди? Хотите вина?

– Я предпочитаю можжевеловую, но не стоит вызывать слуг. Я буду пить вино.

– Есть касера.

– Тем лучше. Маршал Алва успешно подавил бунт, но бунтовщики почти не сопротивлялись; казалось, у них разом иссякла воля. Позднее, когда начались... связанные с Альдо Раканом неурядицы, жители столицы Талига повели себя настолько достойно и спокойно, насколько это было возможно в их положении.

– Вы не были в Доре...

– Да, – очень серьезно подтвердил дриксенец, – и это мое упущение. Тем не менее, кроме отталкивающей сцены с выдачей толпе цивильного коменданта, свидетелем которой стали все послы...

– Не продолжайте, я видел больше вас. Вы правы. Кажется, что это был совсем другой город и другие люди!

Пережить сумасшедшую зиму с Альдо, перевести дух при Катари, ждать, что беды закончатся. Потом этот дурак Ричард... Но для Олларии регент умерла родами! Да, была печаль и растерянность, но такой злобы и остервенелости, какая появилась в людях недавно, не было.

– Мы смотрим одними глазами, это не может не радовать. К сожалению, может радовать только это. – Получивший свою касеру дуайен все сильнее походил на вояку, точнее, на командующего арьергардом. – Сперва рассказ его высокопреосвященства напомнил мне об октавианских погромах...

– Сперва?

– Вчерашней ночью стреляли уже в каданском посольстве. Судя по тому, что жалоб не поступало, это была... внутренняя неприятность. Мне остается молить Создателя, чтобы мои люди оказались не менее лояльны, чем люди его высокопреосвященства.

– Я могу рассчитывать на треть гарнизона, – брякнул Робер, он был больше не в состоянии темнить. – Мы отправляем принца прочь из Оллари, и я считаю, что Посольской палате нужно переехать в Фебиды и там ждать решения регента. Сколько времени вам потребуется на сборы?

– Лично мне – час, посольству Дриксен – день, Посольской палате – не меньше недели и объяснение вашего решения.

– Лэйе Аstrapэ, откуда я знаю, что им говорить?! Я не дипломат.

– Я, видимо, тоже...

3

Барон и баронесса принимали, а слуги при входе назло всем лунам и сварам оставались спокойны и почтительны. Неудивительно, что Арлетта слегка перевела дух.

– Хоть здесь, слава Создателю, все в порядке! – шепнула она Габетто на лестнице. – Сегодняшний обед вы запомните на всю жизнь. Надеюсь, вы не поститесь?

– О нет, – позволил себе улыбнуться церковник. – Его вы-

сокопреосвященство полагает, что угодный Создателю офицер должен быть здоров, а значит, сыт.

– Обязательно скажите об этом хозяину. – Если Левий примется возрождать *такой* эсператизм, у него есть шанс, однако барону пора распространять объятия. Арлетта окликнула похожего на антик лакея:

– Господин барон не...

– Дзин-н-н-нь! Бум... Дзинь!

Грохот чего-то бьющегося, обиженное твяканье и приглушенное явно по милости разлучницы-двери рычанье объяснило все. Графине. Не осведомленный о великой собачьей любви Габетто прыгнул вперед, героически заслонив хихикнувшую даму. Над головой, усугубляя суматоху, метнулось нечто желтое, ударилось о стекло, шлепнулось на ковер и застыло, разинув клюв и растопырив крылышки. Морискилла. Вырвалась из клетки и обалдела от свободы.

– Поймите, – велела графиня обалдевшему «антику» и услышала смех. Хохотал мужчина, и хохот этот казался омерзительным.

– У господина барона кто-то есть?

– Господин Сэц-Пьер и трое его друзей, – объяснил слуга и, понизив голос, пояснил: – Их не ждали.

– Нас тоже. Габетто, вы способны выставить четверку невеж или потребуются солдаты?

– Создатель да будет милостив к заблудшим. – Держащий вместо привычных четок уже изловленную морискил-

ду Пьетро возвел глаза к фривольному плафону, немедленно их опустил и шустро засеменял на шум. Визг, писк, хохот и голоса успели смешаться в гнусную какофонию. Захотелось заткнуть уши.

– Госпожа графиня, не лучше ли вам...

– Хуже! – отрезала Арлетта, устремляясь за Пьетро и готовым к бою тененьтом. Она не боялась отнюдь не потому, что ее стерегли военный с обнаженной шпагой и очень странный монашек без шпаги, а у кареты дожидался солидный эскорт, она об этом просто не думала, подгоняемая разгорающимся скандалом и сильным до неистовства желанием вышвырнуть незваную мерзость вон.

Парадная анфилада при всей своей изысканности была заметно короче, чем во дворце и даже в Сэ, но те, в гостиной, успели свалить еще что-то музыкальное. Визгливо вскрикнула словно обернувшаяся левреткой арфа, плаксивый звон еще не смолк, когда Пьетро с морискиллой в скрещенных на груди руках шагнул в гостиную. Арлетта едва не выскочила следом, но Габетто оттеснил даму за дверную портьеру и стал рядом.

– Сперва посмотрим, – прошипел гвардеец. Женщина, соглашаясь, кивнула и чуть сдвинула солнечную ткань. Близорукость не позволяла разглядеть тех, кто находился в глубине комнаты, и хорошо. Зрелище и так было скверным.

– Монах! – удивленно закричал некто коричневый и тучный. Он стоял, водрузив ногу на какие-то обломки, и тыкал

пальцем в сторону Пьетро. – Пискуньи, псинка, щенок, баба и монах!

– И кучи хлама. – Торчащий ближе всех к двери Сэц-Пьер пнул поверженную арфу. – Монах, выбирай. Вино, мясо или любовь?

– Мясо с перьями и мясо с шерстью. – Третий, в черных панталонах и оранжевом камзоле, был слишком плечист для матерьялиста. – Свежее, теплое мясо... А, ханжа?

– Ты добыча или охотник? – Коричневый шагнул к Пьетро через обломки, и Арлетта вдруг поняла, что это разломанная клетка, а желтые кучки на ковре – трупики морискилл.

– Братья, – Пьетро разжал пальцы, и выпущенная пичуга заметалась по комнате, – я... будьте...

– Нет, голубок, не буде...

Люди заговаривали по очереди, и так же по очереди Арлетта их замечала.

– Брат мой, позовите слуг! – Марианна в кресле у окна прижимает к груди исходящую лаем Эвро.

– Пусть попробует! – Фальтак, судя по стати и камзолу, это Фальтак, держит за ноги мраморную фигурку.

– Друг мой, умоляю, не двигайтесь! – На занесенную над каминной доской статуэтку в ужасе смотрит барон в покосившемся парике.

– Сударь! – Мальчик-флейтист скрючился в углу в шаге от черно-оранжевого детины; в Сэ так же скрючился конюх, которого лягнула лошадь. – Сударь!

– Братья мои, будьте же милосердны. – Пьетро, уже без птички, перебирает свои четки. Склонив голову и не глядя на пьяных – они не могли быть трезвыми! – гостей. Габетто они не видят, как и графиню. Габетто они не соперники. Разве что плечистый...

– Умоляю, спокойно! Это Солнечный демон! Школа Соллеги!.. Поздние Гальтары... Это...

Это не может продолжаться долго, это тянется вечность. Золотая от солнца и шелков комната наполняется смертью, будто тонущая лодка водой.

Первым гибнет Солнечный демон, с маху разбитый об угол камина. Разлетаются и засыпают ковер осколки, барон стонет и закрывает лицо руками.

– Вот чего стоит ваш хлам! – хохочет Сэц-Пьер; это его смех они слышали на лестнице.

– Для начала годится и щебенка, – плечистый делает шаг к баронессе, – но сейчас полетят мозги. Давай собачонку, девка! Или хочешь сперва...

– Придурок!

Нет, собачку баронесса не выпускает, но вторая рука у нее свободна, а в вазе рядом стоят розы.

Высокие золотистые цветы хлещут по мужскому рылу, рыло подается назад вместе с телом. Заливается лаем Эвро, Фальтак оборачивается к Марианне, тучный – к Пьетро, флейтист прячет лицо в коленках. Часы с золотыми грифонами начинают отбивать полдень. Коко отнимает ладони от

лица. Быстрый шаг, почти прыжок, вперед и в сторону, распахнутая дверь, ворвавшийся в комнату белоснежный зверь, словно размазавшийся в густом от злобы воздухе...

Фальтак был ближе других. Он ничего не успел, только начал поднимать руку, медленно, страшно медленно в сравнении со стремительной светлой тенью. Молниеносная атака в живот или ниже. Паденье, алый фонтан, а молчащая смерть уже рядом с тучным. Хруст, рывок под себя, глухой шлепок валящегося на толстый ковер тела. Двое... Плечистый не оглядывается – он занят женщиной, он уже вплотную к ней... Нет, увидел, понял, оттолкнул добычу, схватил какой-то обломок, но пес пронесся мимо. К баронессе. К Эвро. Ткнулся носом, оставил на лице, на платье красный след, обернулся. Взмах палкой, новый хруст...

От удара по защищенному толстой шкурой и броней мышц телу деревяшка разлетается в куски. Плечистый отшатывается, хватая руками пустоту, точно плывет в зеленоватом меду, валится на спину. «Львиная собака» Готти, варастиийский волкодав, широко разевает пасть, вцепляется в лицо, возле двери истошно вопит опомнившийся Сэц-Пьер. Вопит и бросается прочь, чтобы у самого выхода налететь на шпагу Габетто. Четвертый. Все сильнее пахнет кровью, перед глазами клубится ядовитая зелень, Фальтак с плечистым не шевелятся, но тучный корячится на полу, сквозь разорванный мокрый рукав лезет обломок кости, сахарно-белый, омерзительный...

– Готти, – ледяным голосом велит барон, – убей.

Запах крови становится невыносимым. Часы все еще продолжают бить.

4

– Монсеньор, толпа на Желтой!

– Точней, Жильбер. Сколько? Что делают?

– Стражники говорят, сотни три-четыре. Пока только стоят, слушают какого-то скота...

– Едем, и разыщи мне Карваля. Пусть прихватит нескольких офицеров из тех, что сегодня были на улицах. Особенно в Заречье.

– Монсеньор, где вас искать?

А в самом деле, где?

– Который час, не заметил?

– Анна полдень отзвонила.

– Ясно. После Желтой я вернусь во дворец, и пускай к моему возвращению мэтр Инголс сочинит указ. Чтоб ночами на улицах ни кошки не было!

– Их и так нет.

Вот паршивец, но пусть шутит. Пока еще шутится... Эпинэ проводил адъютанта взглядом и повернул к Желтой. Отряд Проземперадора крутился на границе старых аббатств и города Франциска. Особой необходимости в этом не было, но усидеть во дворце Иноходец не мог, а показать горожа-

нам, что власть не боится и не бездельничает, следовало – беспорядки от Малых складов перекинулись на предместья.

Пример пришлого ворья вдохновил ремесленный люд, и вместо добропорядочного обеда толпа отправилась громить склады и амбары на торговой пристани. Спасибо, в городской страже еще остались добросовестные люди, не забывшие прошлогодних уроков, и они сразу же запросили помощи. Гарнизон держали наготове, и Прозэмперадор не колеблясь отправил на защиту складов Халлорана, а сам с эскортом и так и не отвязавшимся Салиганом решил проехаться торговыми кварталами. В Старом городе было спокойно, и вот вам пожалуйста...

Толпа, впрочем, оказалась мирной, хоть добром и не лучилась. Не сравнить с той, что требовала у Халлорана «наильников». Похоже, люди, как и сам Робер, просто не могли сидеть в четырех стенах и ждать непонятно чего, ну и вышли. Что делать, они не знали, а тут подвернулся крикун из бывших лигистов и понес про злодеев и кровопийц, что вчера буянили на левом берегу, а теперь могут прийти и сюда. И будут грабить, убивать, ибо безбожники и души их отравлены грехом. Мол, бойтесь...

– Хотите пари? – Стянувший по совету Робера свои патлы на кэналлийский манер и разжившийся у Мевена мундирной курткой Салиган выглядел почти прилично. – Сейчас переведет на то, что нечего ждать, когда придут, – надо самим пойти и вломить...

Робер пари за полной очевидностью исхода не принял и оказался прав. Кому вломить и как узнать, было непонятно, но излагал черноленточник темпераментно. Толпа начинала ворчать... Так вот как это бывает! Чувство незащитности, непонимание, желание сбиться в кучу и кто-то посмелей и понаглей. Люди – те же лошади, заводятся друг от друга. Значит, будут теперь сидеть по домам!

– Дювье, сможете выдернуть этого красавца?

– Сможем, Монсеньор.

– А что вы им предложите взамен? – Салиган по привычке что-то смахнул с плеча и зевнул. – Им скоро опять станет скучно, а авнировых орлов в этом богоспасаемом городе невздернутых ходит не один и не два.

– Говорите, богоспасаемом? – Робер, привстав в стременах, взгляделся в дальний конец площади и понял, что не ошибся. Левий подоспел удивительно вовремя. Или наоборот, если лигисты затеют склоку с эсператистами.

– Ваша взяла, – с готовностью признал маркиз. – Таки богоспасаемый, и спасителей много. Это произведет впечатление...

Его высокопреосвященство и вправду захватил с собой немалый отряд, но предпочел пустить в ход иные аргументы. Не спешиваясь, но и не горяча очень неплохого гнедого, кардинал Талига – один, даже без Пьетро, ехал прямо на еще не готовую к драке толпу. Робер первый раз видел Левия верхом, придраться к посадке было невозможно, но позволять

его высокопреосвященству гарцевать на глазах лигистов Робер не собирался.

– Дювье, со мной! Салиган, не мешайтесь.

Маркиз что-то буркнул – вылезать на всеобщее обозрение он не стремился. Эпинэ выслал Дракко, на глазок соразмеряя аллюр с аллюром бодро вышагивающего гнедого. Они встретятся у фонтана, с края которого вещал черноленточник, а тот уже нес про агарисских крыс. Громко, но, судя по лицам, зря – Левия успели полюбить.

Кардинал осадил коня у края бассейна и принялся с легким удивлением рассматривать лигиста. Тот был высок и хорошо скроен, но умелый наездник внушительней пешего, а умелый клирик всегда переглядит купца или мастерового.

– Крыса! – не выдержал черноленточник. – Заявился вместе с Тараканом, корону на гада напялил. Еретик!..

Левий улыбнулся и тронул белого голубя.

– Хороший человек, сын мой, угоден Создателю, невзирая на то, как возносит Ему хвалы и возносит ли. Жестокость же, своекорыстие, подлость и глупость Создателю отвратны, но, вознося хвалы Ему, становятся отвратны в семь раз сильнее...

Глава 9

Талиг. Оллария

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Сэц-Пьеру повезло: его убивал человек и как человека, но Фальтак и пара оставшихся безымянными друзей и «последователей»... Будь труп, *такой* труп, один, Арлетту вывернуло бы наизнанку, а так тошноту словно бы растянуло тремя канатами, и женщина даже удержалась на ногах. В том числе и потому, что падать пришлось бы в кровь. Ее было столько, что пушистый ковер оказался не в силах выпить всю; это выглядело... странно. Графиня, держась за горло, стояла почти что в болотце и, с трудом соображая, переводила взгляд с одного мертвеца на другого. Фальтак с вырванным пахом, двое без лица и горла, а коричневый еще и с половиной руки...

В ладонь ткнулось нечто холодное и влажное. Нос! Перемазанный кровью герой напоминал о себе, требуя оваций и ласк. Он чувствовал себя прекрасно и немало гордился свершенным. В счастливых собачьих глазах сияло: «Ну я же молодец, правда? Вот вернется Хозяин – не забудьте рассказать ему, какой я замечательный!»

– Молодец, – выдавила из себя Арлетта, запуская пальцы в перемазанную гриву. – Спасибо.

Молодец немедленно завилял сохранившим гайифскую белизну помпоном, весело гавкнул, облизнулся и бросился с утешениями и любезностями к серой неподвижной Марианне. Для благородного кобеля-волкодава не было счастья выше, чем защитить то, что он полагал своим, – хозяина, его семью, дом, имущество, друзей, ведь друзья хозяина тоже в некотором роде имущество...

– Сударыня, – чем-то напоминающий Котика Габетто попытался подхватить Арлетту под руку, – позвольте вас...

– Позже. – Графиня высвободилась, подавив желание почесать церковника за ухом, благо одно при ближайшем рассмотрении оказалось обрубленным, и, приподняв юбки, пошла по кровавому ковру к баронессе. Та все еще судорожно сжимала извивающуюся левретку, вряд ли соображая, что делает. Эвро это не нравилось, она хотела на свободу, к извивающему Котику и волнующим запахам.

– Марианна, – Арлетта разжала стиснутые пальцы, и освобожденная собачонка шмякнулась на черно-оранжевый труп, – пойдете. Вам надо...

– Он так смотрел, – баронесса все еще несла в глазах ужас, – так... Это лицо...

– Этого лица больше нет! – Некоторые советуют вышибать клин клином. – Смотрите! Вниз смотрите. Этого. Лица. Больше. Нет.

Смотрит и в обморок не валится! Вот и отлично...

– Похвалите собаку, и идемте. Пора собираться.

– Куда?

– Сперва – в Ноху. Котик! Котик, сюда... – Взять холодную руку, положить на холку псу. Ро справился бы лучше, но у Прозэмперадора дела. – Я буду рада принять вас в Савиньяке, матери герцога Эпинэ у нас нравилось.

– Я? В Савиньяке? Простите... Я ничего не понимаю...

Эвро удрала, Котик, получив свою долю людских похвал, умчался за дамой сердца. А собачий сын в самом деле вылитый Валмон! Переход от привычного добродушного сибаритства к смертоносной быстроте и обратно просто... восхитителен.

– Почему Савиньяк? – Казалось, этот вопрос занимает Марианну сильнее всего. – Почему...

– Регентский совет отправляет принца, послов и нас с вами вон из города. Разве Ро... Прозэмперадор вам не сказал?

– Он не приехал. – Вот теперь она очнулась. – Что-то случилось по дороге... Он придет сегодня.

– В Ноху, – уточнила Арлетта, – и я тут же отправляюсь пить шадди к его высокопреосвященству. Не только вы прощаетесь. Идемте, здесь пора убирать.

2

Божье слово было простым и проникновенным: не дело

самим куда-то идти и кого-то бить, когда на то есть власти и солдаты. Всю зиму и весну порядок худо-бедно обеспечивали, обеспечат и дальше, надо только им доверять, а не подбрасывать в пожар дров.

Левий вещал, паства внимала, крикун, потеряв внимание толпы, собирался потихоньку улизнуть. Опытный Дювье заметил и с парочкой южан незаметно отошел. Можно было и самому догадаться, но Робер слушал Левия и по-дурацки радовался, что обошлось без крови, без драки и без Проэмперадора. Иноходцу еще никогда так не хотелось убраться из Олларии – когда на улицах орудовал Айнсмеллер, и то дышать было легче...

– Ступайте по домам, дети мои, – Левий поднял в благословляющем жесте руку, – и помните: когда не знаете, что делать, будьте милосердны.

Совет был хорош. Наверное... Только Проэмперадору он не годился. Что делать с дуреющим на глазах городом, Иноходец не представлял, но милосердие здесь помочь не могло, скорее уж наоборот.

– На сей раз, сын мой, – довольно объявил покончивший с внушением Левий, – я вас опередил.

– Хорошо, что вы их уговорили, но где ваш Пьетро? Что с ним? Надеюсь, он не пострадал?

– Нет, что вы, просто у него важное дело. Я заметил, что за зачинщиком пошли. Правильное решение – этот человек может стать по-настоящему опасен.

– Не представляю, откуда такие берутся. – Эпинэ обвел взглядом давно не метенную площадь. Или толпа, или грязная пустота. Мерзко. – Бросайся они на Айнсмеллера, я бы еще понял, но тогда взбрыкивали единицы... и не так. Боюсь, без крови в ближайшее время не обойтись.

– Может быть, – и не подумал утешать Левий. – Что вы собираетесь делать?

– Я вызвал во дворец Карваля и Инголса. Если вы сможете...

– Само собой, я к вам присоединюсь, но время совещаний, на мой взгляд, миновало. Что собираетесь делать вы лично?

Фонтан, мусор, заколоченный угловой особняк. Именно здесь прятались зимой Придды... Город обожал Алву, но никому и в голову не приходило, что горожане заявятся спасать Ворона, а вот вешать ребят Халлорана они заявили. Мальчишка-арбалетчик, конечно, тоже ненавидел, но смотрел иначе, и он отправился убивать чужаков в одиночку.

– Вынужден вам сказать, – шепнул Левий, – что время размышлений тоже миновало.

– Если потребуется, стану вешать. – Робер отпустил поводья, позволяя Дракко дотянуться до воды. – На каштанах.

Кардинал промолчал. Лошади шумно пили, у проломленной ограды ждали южане и церковники. Солдаты в красном и солдаты в сером не сомневались: вожаки знают, что делать. Левий, кажется, и в самом деле знал.

– Ваше высокопреосвященство, и все-таки, что вы посоветуете?

– Проземперадору не советуют.

3

Капуль-Гизайль сосредоточенно зарисовывал расположение залитых кровью осколков. Просто невероятно, насколько злым мог выглядеть этот господин. Трупы матерьялистов слуги сразу же вынесли, но мертвые морискиллы еще валялись среди обломков клетки. Их не убирали, чтобы не мешать барону. Арлетта сощурилась на часы. Пять минут второго.

– Сударь, – потребовала женщина, – соизвольте прерваться.

Барон быстро, но аккуратно водрузил рисовальные принадлежности на камин, повернулся и надел печальную улыбку.

– Дражайшая графиня, – ухоженные ручки разошлись в извиняющемся жесте, – я так расстроен, так расстроен... Я даже забыл о своем долге в отношении вас и вашей свиты! Умоляю, выбросьте из головы эту безобразную сцену. Мы сейчас перейдем в кабинет и немного выпьем. Еще гальтарские медики призывали смывать неприятные впечатления хорошим вином.

– Почему вы не спустили собаку сразу? – Покинуть до-

стойную кошмарного сна гостиную было приятно, но кровь уже растащили по всему дому. На ковре в кабинете барона она, во всяком случае, была. – Почему не вызвали слуг? Звонок цел.

– Демон! – Барон не ругался, он был на такое просто не способен, вот убить... – Никогда не прощу себе, что выставил здесь эту вещь. Надо было оставить флейтиста, он и так пострадал... Конечно, я соберу фигуру, но единожды разбитое целым не становится. Прошу мне простить эту банальность.

– Жизнь полна банальностей. Вы могли избавиться от этих подонков, но боялись за взятую в заложники статуэтку? Ваших птичек душили, вашу жену мучили, а вы стояли и смотрели...

– Да. – Барон тряхнул крутыми каштановыми локонами. Создатель, он успел сменить парик! – Я смотрел и думал – почему? Почему никчемные болтуны, пригодные лишь на то, чтоб оттенять окружающие их красоту и разум, так осмелели? Я помню Фальтака с юности, Сэц-Пьера и остальных мы узнали год назад. Эти господа, даже будучи пьяными, удивительно тонко чуяли грань, за которой кормушка сменяется плетью. В первый раз они эту грань переступили в присутствии виконта Валме и, придя в себя, были очень испуганы.

– Сейчас испугана Марианна. Барон, я забираю вашу жену. Ночь мы проведем в Нохе, а завтра отправимся в Сави-

ньяк.

– Отлично! – просиял заботливый супруг и расставил бокалы. – Просто отлично! Я как раз размышлял о судьбе моей коллекции. Она имеет непреходящую ценность, и я за нее в ответе, но, с другой стороны, сочетаясь браком, я дал клятву оберегать еще и супругу. Сохранить же во время смуты очень заметную женщину и бесценные антики, согласитесь, очень трудно. Вы меня просто спасаете!

– Вы куда вернее спасетесь, если отправитесь с караваном. Нас будут охранять.

– Я подумаю, – пообещал барон. – Но обещать ничего не могу. Если вы ручаетесь за сопровождение, я попросил бы вас захватить некоторое количество ящиков, но подготовить к утру все?! Это невозможно. Нужно не меньше недели.

– Тогда вам есть смысл присоединиться к послам. Его высокопреосвященство полагает, что им раньше не двинуться. Сударь, я хотела бы видеть вашу гальтарскую маску.

– Вы увязываете сегодняшнее несчастье с ней? Интересное предположение.

– Я хотела ее видеть еще ночью. Ее и Валтазара.

– Ничего нет проще. Я немедленно отдам вам эти отвратительные вазы! Поверьте, я искренне привязан к виконту Валме, но подобное надругательство над благородным металлом...

– Вазы я возьму, – с готовностью согласилась Арлетта, – а сейчас давайте посмотрим маску.

– Конечно, сударыня, но я предпочел бы сперва обсудить пару мелочей. Я был бы вам крайне, крайне признателен, если б вы оставили мне до вечера с десятков солдат и уговорили Марианну обойтись без Эвро. Вы знаете, как к ней привязан Готти, а я, как вы понимаете, очень на него рассчитываю.

– Солдаты останутся, – с ходу решила графиня, – а что до левретки...

– Я согласна, дорогой. – Баронесса в черном закрытом платье стояла у двери. – Ты не хочешь, чтобы вино на прощание разлила я? Ты меня так долго этому учил!

– Ты была чудесной ученицей, дорогая, я так тобой горжусь.

– Но своими древностями ты гордишься больше. – Марианна взяла полный темно-красной «крови» графин, она уже не напоминала увязшую в трясине лань. – Сударыня, я готова, но как к этому отнесется его высокопреосвященство?

– Он будет рад. – Взглянуть, как Левий управится с красивейшей дамой Оллари, в самом деле любопытно. – Барон, я надеюсь, вы все же покажете мне маску?

– Я сделаю лучше! Я передам вам ее на хранение. Разумеется, если в Савиньяке она будет в безопасности. Кроме того, я еще до этого прискорбного визита успел упаковать шесть очень небольших...

– Констанс, – Марианна подняла свой бокал, – графиня приехала всего лишь в карете. Мы сможем взять только маску.

– И вазы, – железным тоном добавил барон и, не притрагиваясь к вину, потянулся к самой внушительной из стоящих на столе шкатулок. Открывшийся лик холодно блеснул древним золотом; он ничуть не изменился, и он не имел отношения ни к озверевшим ублюдкам, ни к треснувшей нохской луне. Просто металл. Просто камень. Арлетта сощурилась и... очутилась на краю полной ужаса и отвращения бездны. Графиня не закричала лишь потому, что и этот ужас, и это отвращение она уже видела. В глазах смотревшей на труп Марианны.

– Я поднимаю этот бокал, – как ни в чем не бывало провозгласил за спиной барон, – за самое прекрасное, что нам даровано. За красоту, какой бы облик она ни принимала. Пусть рушится мир, лишь бы спаслась красота! Прекрасные дамы, говоря это, я в первую очередь имею в виду вас и искусство в лице доверенного вам шедевра. Вы просто обязаны уцелеть.

– Спасибо, сударь. Мы постараемся. – Арлетта захлопнула шкатулку и быстро подняла бокал. В дверь отчаянно заскреблась покидаемая Эвро.

Глава 10

Талиг. Оллария

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Крикуна с Желтой Дювье схватил и даже успел допросить. И вот беда, человек не походил ни на душегуба, ни на наемного или еще какого подстрекателя. Мелкий торговец, вчера по делам оказался на левом берегу, угодил в заваруху. Чуть не погиб сам – вытащили подоспевшие стражники, зато помогавший зятю в делах шурин получил ножом под ребра и ночью помер. Указанный дом проверили, опросили домашних и соседей: все верно – это хозяин и есть, и покойник в доме лежит...

Торговец клял всех подряд и то принимался пугать, то требовал перевешать заречных ублюдков, то звал кардинала. Кардинал подмигнул Проэмператору и отправился спасать душу, Проэмператор распорядился насчет обеда, открыл сочиненный мэтром Инголсом указ и тут же подмахнул не читая, потому что вернулся Карваль. С новостями.

Оказалось, неприятности еще толком и не начинались, зато теперь... На севере у Хлебной площади какие-то бося-

ки взломали лавку пекаря, потащили муку. Подоспели соседи, человек пять порвали чуть ли не на куски, но лавку при этом разграбили подчистую. Прискакавшие ребята Халлорана разогнали уже поредевшую толпу, и тут же похожий случай: через две улицы напали на маленький кабачок, рвались в винный погреб.

Снова драка с поножовщиной, но солдаты появились, когда она еще шла. Семерых грабителей удалось схватить, тут бы и успокоиться, но сбежавшиеся соседи потребовали повесить громил прямо сейчас и здесь, а еще лучше – выдать толпе. С трудом удалось отругаться и вывезти налетчиков живыми. Халлоран со слов капитана, чья рота патрулировала северные кварталы, доносил, что после этих двух стычек на улицах стало очень беспокойно, причем горожане смотрят враждебно уже и на солдат со стражниками.

– Правда, – утешил побывавший в южных кварталах Мевен, – пока они еще соображают, что с нами лучше не связываться. При появлении патрулей ворчат, рычат и требуют, чтобы те им помогали, но драться не лезут. Только бы не вспомнили, что они творили осенью...

– Лучше бы вспомнили, – буркнул Эпинэ и в который раз сам вспомнил. Парнишку-арбалетчика. – Тогда били убийц и мародеров, причем в одиночку, а теперь сами...

Мевен угрюмо кивнул, мэтр Инголс оторвался от бумаг, внимательно посмотрел на военных и... ничего не сказал, только захлопнул крышку чернильницы.

– Монсеньор, – резко бросил Никола, – дом барона Капуль-Гизайля не только богат, но и хорошо известен, а все начинается с грабежей. Люди нам нужны, но я счел необходимым выделить барону охрану. Знакомство с «Тенью» сейчас может и не помочь.

– Спасибо... – Робер прикрыл руками глаза. Никола побеспокоился и об этом. Никола, не ты!

– Графиня Савиньяк собиралась к Капуль-Гизайлям, – добавил с порога Левий. – Ее сопровождает очень толковый офицер и полсотни гвардейцев. Я очень удивлюсь, если графиня не предложит барону помощь, и еще больше удивлюсь, если барон откажется.

– Тогда Тератье вернется.

– Спасибо, Никола. Я должен был сам...

– Просто мы проезжали поблизости. – Почему одни все время «проезжают поблизости», а другие вечно вдали, даже если беда у них под носом?

– «Считай себя ближе к опасности», – словно прочитал мысли Левий и пояснил: – Морская заповедь. Она была старой уже в гальтарские времена.

– Я составил реестр сил, на которые можно положиться. – Мэтр Инголс неторопливо и, несмотря на полноту, ловко выбрался из глубокого кресла. – Само собой, вы можете и должны меня поправить. Итак... Южане – две с половиной тысячи без малого. Гимнеты и гвардия – около семи сотен. Церковная гвардия – около семи сотен. Полк Халлорана – пять

сотен. Резервный полк – пять сотен. Городская стража – менее полутора тысяч. Всего чуть больше шести тысяч. Примерно столько же, сколько в полках бывшей Резервной армии.

– Их командиры сейчас выполняют приказы. – Карваль намекает сразу, Робер тоже.

– Как поведут себя солдаты, если станет горячо? – Мэтр никого щадить не собирался. – Зимой мародеров приходилось призывать к порядку с помощью петли.

– Жители Олларии вряд ли это забыли, – задумчиво проговорил Левий. – Хотелось бы верить, что злоба горожан удержит худших солдат от предательства в той же мере, в какой лучших удерживает долг. Но я не могу не отметить, что мои собственные мятежники вели себя очень похоже на городских погромщиков.

В приемной застучали торопливые шаги, из-за двери донесся невнятный разговор адъютантов. Робер стиснул кулаки, готовясь выслушать что-то скверное, но это всего лишь пришли доложить, что подан обед. Заказанный Проэмперадором и им же забытый... Эпинэ через силу улыбнулся.

– Как бы то ни было, прошу к столу.

– Вынужден отказаться. – Левий знакомо и решительно тронул орденский знак. – Попробую проехать по северным кварталам. Утром толпу успокоить удалось, значит, нести пастырское слово горожанам надо и дальше.

– Ваше высокопреосвященство, вы не можете...

– Разумеется, со мной будет охрана. Господин Карваль, что делать завтра, завтра и решится, но сегодня Мэйталь и пятьсот человек в вашем полном распоряжении. С теми, кто не внемлет Создателю, чьими бы устами Он ни говорил, власть должна поступать решительно. Очень.

2

Охрана быстро, чтобы не сказать торопливо, распахнула ворота, карета вкатилась во двор, за ней влетели всадники конвоя, и тяжеленные створки захлопнулись. Лошади перешли с рыси на шаг, миновали въезд уже во внутреннюю Ноху и остановились перед резиденцией кардинала – дальше было бы не развернуться. Габетто спрыгнул с коня и бросился помогать дамам, Арлетта предоставила Марианну галантному церковнику и задержалась на верхней подножке, оглядывая знакомую площадь. Любые предупреждения стали бы излишеством: оставшиеся в аббатстве гвардейцы, мягко говоря, не дремали, а выскочивший из-за флигеля капитан со знакомым сорванным голосом тут же вытребовал Габетто и вступил с ним в оживленный разговор. Судя по лицу и резким жестам, хорошими новостями даже не пахло.

– Сударыня, разрешите...

– Благодарю вас, Пьетро.

На нижней подножке графиня «споткнулась». Очень случайно, но ни свалить, ни хотя бы поколебать сподобивше-

гося удержать валящуюся на него даму Пьетро не удалось. Чудесное спасение от разбойников становилось все понятней, судьба святого Оноре – напротив. Арлетта поблагодарила монашка взглядом и подхватила под руку Марианну.

– Предоставим военные дела этим господам, у нас с вами найдется о чем поболтать. Пьетро, распорядитесь о... том, что мы привезли.

Второй маневр особого успеха не принес. Арлетта, оживленно расписывая нохские порядки, перевела баронессу через отмеченную эсперой плиту. Разбитая луна не появилась, и ни сама Арлетта, ни ее гостя ничего необычного не почувяли. Графиня с облегчением сощурилась на облепленные голубями крыши, Марианна проследила ее взгляд и поняла по-своему.

– Вот он!

В разукрашенной мелкими облачками лазури картинно парила черная птица. Вряд ли при таком обилии голубей она высматривала добычу, но некоторые не могут не летать...

– Как ни странно, – сказала Арлетта, – я вижу нохского ворона впервые, зато я встречала здешних призраков. Мы с вами повторяем их путь. Вам не страшно?

– Я не умею бояться того, чего не вижу. – Баронесса поднесла руку ко лбу; это был изящный жест. – Я же птичница. Любой мэтр скажет, что мой ум очень ограничен. Вот злобы я боюсь, и ее я видела... Вижу... Ее слишком много, мы тонем в злобе – своей, чужой... Даже здесь, где ей не место!

– Здесь? – не поняла Арлетта, оглядывая зеленеющую возле стен траву, птиц и гвардейцев. – Вы боитесь церковников?

Марианна глубоко вздохнула. Будь Арлетта мужчиной, она бы уже забыла, о чем спрашивала.

– Нет... Не их и даже не себя. Мне вдруг подумалось... Ведь здесь же убивали! Веками. В Ноху приходили убивать, договаривались и приходили...

– Дорогая моя! – Какой дикий день, и какой дикий разговор! – Чтобы продырявить друг друга на дуэли, злобствовать вовсе не обязательно.

– Двоим, но один всегда ненавидит. Я знаю, граф Савиньяк просто хотел убить, а Манрик? А Килеан-ур-Ломбах? Вы его не знали...

– Я о нем слышала, это был скверный человек.

– Он мне сегодня приснился, а утром явились *они*...

3

Очередной церковник привез очередную записку: Левий вновь сумел совладать с толпой, на сей раз на улице Меховщиков, и двинулся дальше. После второго кардинальского «рапорта» Робер властью Проэмперадора погнал в город выборных и цеховых старшин. Убеждать и успокаивать. Кое-кто даже пошел, правда, не слишком охотно – почтенным мастерам и негоциантам на улицах было страшно, а день становится все напряженней. Уже дважды солдатам пришлось

останавливать толпу на мостах через Данар: беднота с левого берега перла на правый... так, погулять. И добро бы бурлило только Заречье... Беспорядки вспыхивали в самых разных частях города: и в самых бедных кварталах, и в тех, что поболагополучней, и во вполне зажиточных – будто сыпь проступала на коже.

– Вы скверно выглядите. – Пустивший за столом Проземперадора корни мэтр Инголс отложил перо. Хорошо законникам, они всегда найдут что писать, была бы чернильница!

– Странно, не правда ли? – Робер рывком вытащил из стола флягу и тут же сунул назад – не время!

– Письмо его высокопреосвященства, – напомнил адвокат, – внушает скорее надежду.

Да, пока Левию удастся. И Карвалю, и стражникам. Пока... Эпинэ прикрыл глаза руками, вспомнил Алву, глупо и беспомощно ругнулся и посмотрел на адвоката. Тот ждал.

– Надежду? На что?! – Лезешь в душу? Получай! – Мол, уговорили, умиротворили, заставили разойтись, не дали разгромить... Да чем больше таких вестей, тем меньше они успокаивают! Мэтр Инголс, это ведь неотвратимо. И если это то, из-за чего Алва установил карантин, то что же он ничего не написал, не передал, не объяснил?!

– Итак, – уточнил дотошный мэтр, – вы близки к выводу, что удержать от бунта еще недавно спокойный город не получится?

– Да! – Ну вот, слово сказано! – Только никак не могу

понять почему.

– Давайте попробуем спокойно разобраться. – Мэтр Инголс откинулся на спинку стула. – Вы согласны, что повсюду везде служит что-то свое, но затем различия пропадают?

Законник кошачий! К чему ни прикоснется, какой-то реестр выходит, хотя... Лэйе Астрапэ, ведь так оно и есть! Всплеск злобы и ее растекание по ближайшим дворам... Обязательно находятся случайные вожаки вроде утреннего торговца, они орут, их слушают, и вот уже толпа куда-то рвется, кого-то гонит, бьет, убивает...

– Собственно, смысл всюду один и тот же, – заключил прохлопанную Робером, но, вне всякого сомнения, блистательную речь мэтр, – найден кто-то плохой. Причины могут быть любые: торговец задрал цены, мастер подмастерьев держит впроголодь и заваливает работой, голодранцы приличных людей не просто побеспокоили, но и ограбить вздумали. Причина не важна, важен враг, которого надо истребить. И у вас вчера еще мирных людей пробуждается жажда крови...

– Мэтр Инголс, – перебил Робер, – а вам не страшно?

– Мне очень страшно, – с достоинством признался юрист. – Развитое воображение, отсутствие военного опыта и привычка по косвенным признакам предсказывать плачевный результат суть составляющие трусости. Теперь вы, Эпинэ. Скажите, вам не хочется выкатить пушки и хлестануть по злобным тварям картечью?

– Рано!

– Я не о целесообразности. Вам не хочется уничтожить?

– Хотелось... Когда ребят Халлорана волокли на фонарь.

– А сейчас?

– Мало ли чего я хочу... – Или *не* хочу. – Понадобится стрелять, буду стрелять!

– Именно это я и хотел услышать. Вас не тянет никого бить. Как и меня, вашего адъютанта, кардинала с его уцелевшими людьми... Когда Алва закрыл Кольцо, мы много рассуждали о чуме, теперь по понятным причинам мы о ней молчим, но всегда были те, кто заболевает первым, и те, кто не болеет вовсе...

– Монсеньор! – выпалил вбежавший Жильбер, за которым маячил парень с прилипшими ко лбу волосами. Очень знакомый. – Ранен полковник Халлоран. Тяжело... У Двух Рыцарей настоящий бой!..

– Мевена ко мне! И Рокслея! – Иноходец обернулся к кавалеристу. – Ты ведь Пол?

– Монсеньор...

– Рассказывай.

4

Примета дурных времен – не злобствующий астролог с гороскопами наперевес и даже не трупы на холтийском ковре, а водворившаяся в аббатство красавица без камеристок и багажа; не считать же за таковой Валтазаровы вазы и футляр

с маской. Вазы отправили в апартаменты Левия, но шкатулку с маской Габетто собственноручно водрузил на высокий стол у окна; зимой отсюда смотрел на улицу Росио. Когда мог стоять...

– Сударыня, я могу что-то для вас сделать? – Церковник обращался к Арлетте, но в присутствии почтенных дам глаза мужчин так не блестят.

– Узнайте новости, если они есть. Через полчаса мы будем рады их выслушать, а сейчас просим нас извинить.

Понял, ушел, но в названный срок заскулит под дверь. Арлетта сбросила мантилью и заглянула в футляр. Древний лик мирно покоился на черном бархате.

– Что она? – хриловато спросила баронесса.

– Спит... Камеристку я отпустила в город к родным, видимо зря, остальные служанки помогают лекарю. Нам придется обходиться своими силами. Вам помочь?

– Нет... Сейчас нет, а вам?

– Только с жаровней, если вы умеете готовить шадди или шоколад и если вы их хотите.

– Шоколад, но я ничего не хочу.

– Тогда будете поить им Габетто. В обмен на новости... Умыться вы тоже не желаете?

– Я привела себя в порядок после того... До вечера лицо лучше не трогать, но я могу помочь вам.

– Сперва спровадим нашего бравого защитника. Выезжать придется ночью, и лучше бы отдохнуть впрок. Вы что-

то хотите сказать?

– Нет... Сударыня, разве вам не неприятно мое общество?

– Катарине Ариго вы этот вопрос, случайно, не задавали?

– Задавала! – блеснула глазами баронесса. – Ее величество ответила, что ей неприятно общество тех, кого ей навязывают, а меня она захотела видеть сама.

Катарина умела отвечать, и бороться тоже умела, и добиваться любви. Какой же душой в сравнении с ней была Алиса, потому и умерла никому не страшной старухой.

– Я выбираю друзей по своему желанию уже лет пятьдесят, и я желаю счастья Ро, он его заслужил.

– Спасибо! – Как же она хороша, как же божественно она хороша, особенно в черном и без светской улыбки на губах! – Спасибо, но... Вы же знаете, что граф Савиньяк... был у нас частым гостем?

– Знаю, но Лионель – человек скрытный, Валме говорил о вас больше. Ваш совместный визит в Ноху меня просто восхитил. Вы серьезно рисковали.

– Я сделала то, что была должна. – Она явно не собиралась вспоминать. – Сударыня, Робер рассказал, что ваш младший сын потерялся... Он вернется к вам, они все вернутся, обязательно!

Может, это была вежливость, может, благодарность, но Арлетта Савиньяк слушала и верила, что война кончится и мальчишки уцелеют. Все трое.

Случилось именно то, что рано или поздно не могло не случиться. Патруль присматривал за очередным сборищем, но не вмешивался. Потом ремесленники затеяли драку между собой, солдаты стали их разгонять, и камень из пращи угодил в офицера. Тот свалился под ноги дерущимся, подчиненные его подняли, а он уже мертв – нож под лопатку... Кавалеристы озлились, схватились за палаши, трупов стало больше. Дерущиеся живо помирились и бросились на солдат, но пара залпов отнюдь не в воздух заставила их попятиться.

– А ваш полковник?

Халлоран примчался с подкреплением, и получаса не прошло. При виде вылетающей на площадь длинной вереницы всадников толпа шарахнулась к домам, а затем начала как-то быстро рассасываться по окрестным улицам. Солдаты немного успокоились, Халлоран начал отдавать распоряжения, и тут – арбалетная стрела с ближайшей крыши. Вот этого никто не ждал, растерялись, потом снова... разозлились. Что творится у Двух Рыцарей сейчас, Пол не знал.

– Иоганн, Дэвид, всё слышали? Я – к Двум Рыцарям, вы отвечаете за дворец. Усилить караулы, проверить все калитки, дверцы и прочие дыры. И собираться! Чтобы к вечеру были готовы.

– Не помешало бы, – подал голос Инголс, – отправить лю-

дей к прогулочной пристани. Там должны быть церемониальные барки.

– Отправьте! – уже с порога крикнул Эпинэ. – Жильбер, Пол, за мной!

Сегодня дворцовые коридоры были особенно бесконечны. Перед глазами мелькали картины, гобелены, трофеи, презенты, реликвии... Что-то осталось от Франсиска, что-то добыли в Двадцатилетнюю, что-то прибавила Алиса, что-то – Катарина, что-то – Альдо...

– Робер, – окликнул шагавший рядом Мевен, – лучше, если поеду я. Место Прозэмперадора рядом с принцем.

– К Леворукому! – Сдерживать себя и дальше Иноходец уже не мог. – Мне надо видеть, что творится в городе... Видеть собственными глазами!

– Вряд ли зрелище будет приятным. – Откуда-то взявшийся Салиган уже успел испакостить мундир. – Не волнуйтесь, Мевен, я за ним прослежу. Кстати, Эпинэ, я взял Сону. Временно...

– Заткнитесь, – велел Робер обоим и отвернулся. В глаза чуть ли не сиганула огромная бело-золотая шпалера. Эридани Самопожертвователь на пороге Лабиринта... Насколько было бы легче, имейся в Олларии катакомбы с чудищами, к которым можно войти и закрыть за собой дверь, хотя на шпалере была решетка...

Габетто столь откровенно не обрадовался появлению Пьетро, что Арлетте стало по-девичьи весело. Беспорядки беспорядками, но Марианна на молодого офицера впечатлительное произвела, вот и не мог Джакопо не сделать вокруг красавицы пару лишних кругов. И не потому, что надеялся, нет, но ведь мужчина же!

Графиня с трудом сдерживала улыбку, пока прерванный на полуслове тенъент клялся вернуться так быстро, как только ему позволит служба. Марианна, опустив ресницы, просила не спешить, вызывая у Арлетты законную гордость за не сломавшего шею на таком барьере сына. Окрыленный Габетто убежал к своему капитану, баронесса предложила Пьетро шоколад. Монах немедленно согласился, и Арлетте смеяться расхотелось, потому что именно таким тоном ее мужчины, пытаясь скрыть что-то страшное, соглашались поесть, выпить, даже написать скучной родне.

Марианна взялась за кувшинчик, Арлетта – за портьеру. Двор был безмятежен, но это означало лишь то, что непосредственно резиденции кардинала ничто не грозит. За спиной баронесса просила помочь с жаровней, видимо, агнец сумел и это, потому что запахло специями и сладкой горечью. Арлетта любила этот аромат больше самого шоколада, но в Нохе он был неуместен, как и ослепительная красавица,

пусть и надевшая черное. Серого у Марианны, видимо, просто не нашлось.

Из-за угла появился патруль – трое солдат, как положено. Шли спокойно, обычным шагом, и от них досадливо разбегались не желающие взлетать голуби. Полный порядок, только Пьетро встревожен, а Габетто вызвал капитан, уже выслушавший и о матерьялистах, и о прижавшем уши городе.

Левий как раз на улицах... Что-то с ним? Вряд ли. Кардинал водворившимся в Нохе дамам почти никто, про него сказали бы сразу. В отличие от Ро...

– Боюсь, Коко счел бы, что я пересластила, – извинилась сзади баронесса. – Да, в самом деле...

Патруль скрылся, и тут же пробило четыре с четвертью. Гарнизон Нохи живет по часам и точен как часы. Гарнизон Нохи знает свое дело, на него можно положиться.

– Сударыня... – Подавать дамам горячие чашечки Пьетро умел. Арлетта поблагодарила и взяла. Сахара Марианна в самом деле переложила, но в целом вышло неплохо. Лучше, чем у Алисы, о чем графиня и сказала. Королевский напиток выпили молча, потом Марианна извинилась и вышла. Долг разогнавшей служанок хозяйки требовал догнать и предложить помощь, но Арлетта обернулась к монашку:

– Мы одни, вы обеспокоены. Чем?

– Все мы пребываем в тревоге...

– Верно, но подвиги Котика вас не взволновали. Поверьте, самый верный способ напугать женщину – это предоста-

вить ее собственному воображению. Страх, названный по имени, – четверть страха. Что случилось?

– Ничего нового.

– Хорошо, – Арлетта избавилась от чашки, – я спрошу Габетто, не скажет – пойду к капитану. Мне не нравится бояться не за себя. Что с герцогом Эпинэ?

– Я не знаю ничего, что заставляло бы тревожиться о Промперадоре особо.

7

Фабианова площадь была пуста. Пусты были и прилегающие к ней улицы. Окна домов закрыты ставнями, двери и ворота заперты. Копыта стучат по булыжникам, вернее – гремят в столь непривычной для этого времени и места тишине. Лето. День. Столица...

На углу Триумфальной Робер привстал в стременах и оглянулся. Увидел. Собственную кавалькаду, настороженную и ошестинившуюся оружием. Такого даже зимой не бывало, в дни суда над Алвой.

– Вам что-то не нравится? – хмыкнул так и не отцепившийся Салиган. – Мне тоже.

– Тогда за какими кошками вы за мной таскаетесь?

– Боюсь.

– Чего?!

– Боюсь. Страшусь. Трушу. – Неряха маркиз коротко хо-

хотнул, но Робер внезапно ему поверил. – Стоит мне от вас отстать, сразу будто веревка на шее... И волочет.

– Куда?

– На живодерню, видимо, – с отвращением предположил Салиган. – И еще деточка наша вопить принимается.

«Деточка...» Щербатая девчонка без тени, которой ты так боялся и о которой вдруг забыл. Напрочь!

– И сейчас вопит?

– Нет, под бочком у вас тихо, будто в гробике.

– Тогда заткнитесь.

Несколько минут почти тишины, и вот вам! Справа и впереди – шум и гул, то и дело дополняемый треском, который ни с чем не спутать. Проклятье, стреляют часто, это не попытка кого-то напугать, это действительно бой!

Дать бы Дракко шпоры и в галоп, только нечего брать пример с неосторожного Халлорана.

– Перейти на рысь. Тератье, бери пару человек, и вперед, на разведку. Мы – за вами.

Стрельба будто в насмешку становится реже, шум стихает. Справляются.

Позади заголосили колокола – кому-то приспичило молиться или... наоборот? Неумелый колокольный звон и конский топот вытесняют другие звуки, а ослепшие дома и лавки так похожи. Слепые тоже похожи, посмотрелся он на них в Агарисе, лица самые разные, а выражение одно – отрешенное, знающее, обреченное. Еще один колокол, совсем близ-

Нет, выгоняли криком и пинками, оружие в ход не пошло. Напуганные яростью кавалеристов, горожане внезапно смирились и растеклись по ближайшим улицам и переулкам, не осмеливаясь приближаться к солдатам, держащим мушкеты наготове. Пара дюжин кавалеристов, где уговорами, а где силой открыв двери выходящих на площадь домов, поднялись на крыши, сейчас оттуда смотрят.

– Капитан...

– Гедлер.

– Я помню. Смените перевязь на полковничью. – Темноты еще ждать и ждать, хотя сейчас сам Леворукий не скажет, принесет ночь покой или город окончательно свихнется. – Жильбер!

– Монсеньор?

– Пошли к Мевену... Не меньше десятка пошли, чтоб добрались наверняка. Пусть Рокслей выметается, как только будет готов. Если барки в порядке, лучше по Данару... Нет, никаких «как только»! Эдак он с няньками и тряпками до ночи провозится. Час от получения приказа, и ни минутой больше. Гедлер, я хочу проститься с полковником.

8

– Герцог Алва, – проникновенно солгала графиня, – при всем своем безбожии очень ценит ваши... молитвы.

– Создатель да позволит мне и впредь...

Ли она уламывала полночи. Уломала, но родную кровь понять легче, даже слегка озмеевшую, к тому же Бертрам не желал видеть в Эпинэ Маранов, а единственный уцелевший сын Жозины по закону оставался наследником. До поимки и королевского суда, но оставался.

– Графиня, – Марианна стояла совсем не в тех дверях, через которые вышла, и Арлетта вспомнила о ходе для слуг, – солдат внизу говорит, вокруг Нохи собирается народ... Нам нельзя выходить из наших комнат.

– Значит, не выйдем. Пьетро, что вы теперь скажете?

– Будем уповать на милость Его.

– Я уповаю. Когда жду сыновей, потому что больше мне не остается ничего, а сейчас я просто хочу знать. Чтобы, в конце концов, переодеться! Однажды я уже бежала в домашних туфлях, поверьте, это очень неудобно.

Такие вещи до мужчин доходят, до настоящих мужчин, вот мэтр Капотта нипочем бы не понял... Турухтану опять повезло, он в безопасности под замком у Бертрама, как и Шабли в Лаик. Трусам часто везет, но ведь трусами были и матерьялисты. Пока не сбесились.

– Горожане, – Пьетро достал четки, – бродят вокруг аббатства.

– И только?

– Я бы сказал, что их число увеличивается. – Жемчужинки катились по нитке мутными дождевыми каплями. – Я видел со стен, как те, чьи сердца исполнены злобы, грозят оби-

тели кулаками и палками. Некто с черной лентой швырнул в ворота камень и, гордый своим злодеяньем, торопливо удалился. Подобное зрелище наполняет душу тревогой и скорбью о заблудших, я не стал задерживаться.

– Я бы тоже не стала. – Марианна опустила в кресло и положила руки на колени. Коко хорошо ее вышколил, прямо-таки отменно, но не тискать платье и не причитать еще не значит не бояться.

– Поверьте женщине из дома Савиньяк, – твердо заявила Арлетта, – на такие стены никто не полезет, особенно если сверху пригрозить мушкетами, а люди у его высокопреосвященства опытные и храбрые. И надежные...

Те, кто остался, – надежны, и незачем думать, что стены бывают не только защитой, но и ловушкой.

Стукнула дверь, явился Габетто с фальшивой улыбкой и бодрым голосом. Оказалось, офицеры решали, нужно ли посылать в город к Левию, чтобы тот вернул часть гвардейцев в аббатство. Решили, что преждевременно, но предупредить о толпе на площади не помешает. Пара человек вышла через боковую калитку, благо народ собирается только перед главными воротами, и отправилась на розыски кардинала.

– Госпожа графиня, госпожа баронесса, клянусь, – почему чем напористей клянутся, тем меньше верится? – здесь вам никто не причинит никакого беспокойства. Поверьте, ничего...

Тоненько зазвенела ложечка, оставленная в чашке из-под

шоколада. Графиня с детства бросала вещи где попало, вот и сейчас, наседа на Пьетро, она поставила чашку на плоскую шкатулку, в которой Коко хранил свое сокровище. Звон раздражал, Арлетта взялась переставить чашку на стол и поняла, что шкатулка трясется, будто крышка кипящего котла. Графиня повернулась якобы к окну, загородив вместилище маски от посторонних, и нажала на головы двух стрекоз. Щелкнул замок. Лицо на черном бархате расплывалось и дрожало, будто стало собственным отражением в ветреный день. Виси подобное на стене, точно бы «шмякнулось», а так дрожь не дрожь...

Арлетта осторожно опустила крышку. Никто ничего не заметил, только Пьетро посоветовал уповать, помимо силы оружия, еще и на милость Создателю, но мало ли что он имел в виду.

– Господа, – графиня Савиньяк непринужденно улыбнулась, – вас не затруднит покинуть нас с баронессой на некоторое время?

Глава 11

Бергмарк. Агмштадт

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Мать, знакомо щурясь, расшнуровывала Марианне корсаж. Одного этого хватало, чтобы признать происходящее полным бредом, а ведь еще были странноватая сводчатая комната и тишина. Кромешная, мертвая, и Лионель не выдержал – окликнул занятых своими делами дам.

– Сударыни, я, видимо, несколько не вовремя?

Собственный голос маршал услышал. Он сам – не мать и не что-то торопливо говорящая баронесса. Ли помнил эту ее манеру быстро и хрипловато почти шептать, чуть нахмутив умело подщипанные брови. Когда Марианна *так* заговаривала, ей мало кто ухитрялся отказать, но мать, кажется, устояла. Покачала головой и, закончив работу, отступила, задев локтем сваленные на кривоногий столик вещи. Те рухнули вниз разноцветным обвальчиком, и вновь – ни звука, просто мраморный пол внезапно усеяли осколки. Один, с лишившейся крыла алой бабочкой, отлетел к сапогам Лионеля. Маршал наклонился и не смог ничего поднять – пальцы

проходили сквозь фарфор, словно тот был дымом, а вот пола он, кажется, коснулся. Рука, во всяком случае, в восьмиугольные каменные плитки не ушла, впрочем, понять, прохладны те или теплы, не получилось, зато собственный лоб был горячим, и пульс на запястье бился, как после хорошей пробежки.

– Мама! – вновь позвал Прозэмперадор Севера. – Мама, вы меня слышите?

Снящийся отец откликнулся всегда, мать не ответила. Отвернувшись от полуголой баронессы и придерживая ярко-синюю штору, она на что-то смотрела, и вряд ли это было жестом вежливости. За окном явно творилось нечто важное, но Марианна была ближе, и Лионель счел правильным к ней подойти. Баронесса торопливо переодевалась; оказывается, она умела делать это быстро и некрасиво. Уже зная, что его не увидят, не услышат, не почувствуют, Ли положил руку на обнаженное плечо. Рука прошла сквозь белое тело, как парой минут раньше сквозь осколок; ничего не заподозрившая Марианна продолжала запикивать рубаху под нижнюю юбку. Ждущее Звезду Олларию пестрое платьице было совсем простым и наверняка принадлежало отсутствующей служанке, причем не камеристке. Куда та, к слову сказать, подевалась?

Попытка обнять мать тоже ни к чему не привела. Отчаянно шурясь и бездумно теребя пальцами синий атлас, та упорно во что-то вглядывалась; материнская спина мешала ви-

деть, во что именно. Ли заставил себя шагнуть сквозь встревоженную близорукую женщину и увидел залитый солнцем дворик, над которым нависало тяжеловесное здание. Такое знакомое...

– Ноха! – Маршал произнес это вслух, чтобы еще раз себя услышать. И убедиться. – Это Ноха, мама, а не... Надор.

2

Что бы он делал, если б был Давенпортом? Что бы думал, разминувшись с Давенпортом? Ли глубоко вздохнул и задержал дыхание, унимая разогнавшееся сердце. Он не собирался забывать, что торчит в Агмштадте, а седьмой день Летних Молний тридцать четвертого и самого странного года его жизни еще не иссяк. Маршал отлично помнил, чем занимался за мгновение до того, как в монастырском сумраке блеснули плечи Марианны. В то, что он спит, как спал в ночь гибели Надора болван Давенпорт, верилось с трудом, однако выжатые из обидчивого капитана подробности совпадали с происходящим до мелочей. Лионель все видел, но ничего не слышал, не чувствовал ни холода, ни тепла, проходил сквозь предметы и людей и, кажется, был не только невидим, но и неуязвим. И его зашвырнуло в Ноху, где почему-то оказались мать и совершенно ей не нужная Марианна. Как они встретились? Кем были в эсператистском гнезде? Гостями непонятного Левия? Беженками? Пленницами? Паломницами?

Это они-то?!

Лионель развернулся и отшагнул в оконную решетку, чтобы еще раз оглядеть комнату и тех, кто в ней. Мать, за которую он вторую неделю боялся, все еще шурилась на пустой двор, переодетая Марианна смирно сидела на краешке стула, выпрямившись и положив руки на колени, словно благовоспитанная девочка. Она вновь была хороша, но вряд ли об этом думала.

Женщины ничего не могли объяснить невидимому гостю, а он не мог быть им ничем полезен. Все, что оставалось Ли, – понять, что же здесь творится, и он отправился понимать, пройдя сквозь не способную его удержать дверь.

Чарльз носился по обреченному Надору – Лионель осматривал Ноху быстро, но спокойно. За дверью обнаружилась лестница, ведущая во что-то вроде прихожей, там перебирал четки монах, ближе к выходу обретались шестеро солдат в сером и теньент с напряженным осунувшимся лицом. Мать с баронессой не стерегли, а защищали – Ли повидал слишком много офицерских физиономий, чтобы ошибиться.

Сколько у него времени, маршал не представлял, но «применную» он обошел дважды, с некоторым облегчением убедившись в толщине стен и оконных решеток. Наверное, раздался стук, наверное, условный. Солдат распахнул дверь, впустив еще троих церковников, – пожаловало подкрепление. Теньент что-то коротко приказал и шагнул через порог, спутника-маршала он, само собой, не заметил. Они очути-

лись во дворе флигеля, прежде тут жил хранитель Старого архива. От главной площади внутренней Нохи домик отделяла стена в два человеческих роста, снаружи у калитки замерли еще двое в сером, их головы были повернуты в сторону главных ворот. Офицерик едва ли не бегом устремился в противоположную сторону, надо думать, к начальству, но подслушать разговор Ли не мог, зато мог и должен был оценить вне всякого сомнения имевшихся врагов. Савиньяк окинул взглядом пустую и какую-то неприятную площадь и быстро пошел к главным воротам. Эту часть аббатства он, как и большинство столичных дворян, знал отменно. Тут он дрался сам и помогал другим, в юности – часто, потом череда своих и чужих поединков надолго прервалась. Тогда многое прервалось...

Бывший капитан Личной королевской охраны, бывший комендант Оллари, а ныне Проэмперадор Севера ускорил шаг, торопясь миновать внезапно ставший отвратительным проход.

Здесь они с Рокэ болтали о Манриках и ждали, когда вызванная четверка уверится, что дуэль не состоится. Росио смеялся, потом ушел убивать. Ли следил за кружением противников из укрытия, тогда он тоже не слышал слов, только выстрел, прервавший довольно-таки никчемную жизнь... Позже на этом самом месте он не заколол младшего Манрика, и тот получил лишний месяц. Любопытно, вспомнил ли «фламинго» перед смертью, что пожил больше, чем следо-

вало...

Через площадь почти побежали серые гвардейцы. Надо думать, к воротам, но в бреду и во сне двери не нужны, а стена – вот она, и разгадка должна быть за ней. По привычке положив руку на эфес, Ли шагнул в то, что прикидывалось несокрушимой кладкой, и в самом деле оказался на площади. Лицом к лицу с оскалившейся толпой.

3

Глаза выпучены, пасти перекошены – только что слюна не капает, в руках палки и ножи, у некоторых алебарды, тесаки, топоры... Много, очень много женщин, и выглядят они не лучше мужчин.

Толпа катится к воротам, топча ногами тела. Их не так уж и мало – несколько десятков... Неудачники предыдущего штурма?

Ли обернулся и задрал голову – он мог себе это позволить, ведь его тело сидит над картами в Агмштадте, где в семь пополудни подают обед, а маркграф рассуждает о стратегии и тактике и угощает, угощает, угощает... Когда гость не выйдет к столу, Вольфганг-Иоганн пошлет за ним слуг, те объединятся с адъютантами и примутся стучать, сперва робко, потом все настойчивей. Если не удастся проснуться, вышибут дверь... Удалось бы растолкать Давенпорта прежде, чем он увидел все, что нужно? Нужно? Кому?

В радостное чистое небо прыгнули редкие дымные мячики: со стен стреляют – скупно и точно. Бьют по вожакам – однорукому простолоудину и всклокоченной старухе. Заводилы валяются, толпа останавливается, потом отползает, и не думая подбирать упавших. Дымки рассеиваются, мушкеты на стенах молчат. Берегут патроны? Жизни?

Старуха мертва, однорукий встает на четвереньки, потом на колени, грозит единственным кулаком серым стенам, за которыми прячется мать. Городской стражи не видно, как и пресловутых южан еще более пресловутого Карваля. Не знают? Не защищают эсператистов? Заняты в других местах?

На первый взгляд Ноха казалась почти пустой, а ведь Левий привел с собой полторы тысячи. Где же остальные? В казармах? Разбежались? Куда-то ушли? Уж не туда ли, где сейчас Эпинэ? И эти трупы у ворот... Дюжины три, а заряды церковники, похоже, все-таки берегут. Выходит, беспорядки начались не сейчас и вряд ли только здесь.

Тянуло вернуться и убедиться, что с матерью все в порядке. Надо было отыскать Левия с Эпинэ, осмотреть казармы и очнуться до того, как спохватятся бергеры. Давенпорт не сумел, ну так он пытался докричаться до молодого Хейла, а вам, господин маршал, звать некого, так что извольте уж как-нибудь сами...

Ли наклонился над одноруким. Раненный в бок, с прокушенной губой и белыми дикими глазами, тот дернулся и тупо пополз вперед, к воротам. Омерзение едва не победи-

ло рассудок, но тот все же не дал пустить в ход бессильную тут шпагу. Маршал перешагнул ползуна, будто чудовищного окровавленного слизняка; теперь он шагал сквозь толпу к горлу изрыгающей людской поток улицы. Он не слышал проклятий, не чувствовал вони, только смотрел на искореженные ненавистью рожи, в которые невозможно разрядить пистолет. Впрочем, пистолета, хоть бы и бесполезного, у провалившегося в Олларию Савиньяка не имелось – для работы с картами вооружаешься грифелями и циркулем.

Толпа качнулась и поперла вперед; похоже, начинался очередной приступ. Лионель скользил сквозь прущий к Нохе народ, как застигнутый туманом корабль, – все вокруг было призрачным, кроме захлестнувшей площадь ненависти, и нужно было отыскать ее истоки. И стражников, если те где-то еще есть. В Олларии всерьез оборонять можно разве что пяток аббатств и Багерлее, но, единожды запершись, придется сидеть и ждать подмоги. Анселу удалось вырваться из столицы, но вояки Рокслея берегли собственные шкуры, эти – нет, а Ноха – самое крупное из аббатств. Надо «держаться» почти хорну, а защитников внутри мало, рано или поздно где-то да не успеют. Ли обернулся к возвышавшимся над шапками, шляпами, чепцами, лохмами стенам. Кажется, еще не стреляют, а что творится у ворот, за сотнями спин не разглядеть.

Идти сквозь волны злобы было мерзко, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть разных и при этом отвратительно схо-

жих лиц. Молодые, старые, мужские, женские, худые, толсто-щекие, бледные, налитые кровью – они были одинаковы, как брызги навозной жижи или блевотины, и они не иссякали. Площадь осталась позади, теперь Ли шагал вливавшейся в Голубиную улицу Ликторской; ее обитатели признаков жизни не подавали, и маршал их понимал. Миновав с дюжину запертых, а то и заколоченных домов, Савиньяк решил пройти к кавалерийским казармам напрямик, и как же прекрасен оказался пустой задний двор заколоченного «Солнца Кагеты»! Ли невольно замедлил шаг, с удивительным для него самого обожанием глядя на разбитые бочки и кусты чертополоха, покрытые напоминающими бритвенные помазки цветами. На одном сидела муха. Иссиня-черная, она, видимо почувствовав взгляд, взлетела с недовольным жужжанием, и Ли успел ее прихлопнуть, навеки впечатав в расстеленную по столу карту Южной Марагоны. Муха была бергерской, и сам он – кто бы сомневался? – благополучно пребывал в Агмштадте. Именно так: он пребывает в благополучном Агмштадте, а мать – в Нохе, и туда ломится обезумевшая, жаждущая крови сволочь.

Глава 12

Бергмарк. Агмштадт

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Перед обедом граф Савиньяк проминал своего жеребца. Разумеется, если не было дел поважнее, но сегодня не случилось ни гонцов, ни советов, ни частных визитов – на то, чтобы это разузнать, умения у Луизы хватило. Госпожа Арамона, скромно и достойно одевшись – черное, и только черное! во-первых, траур по ее величеству, во-вторых, повергать своим видом в ужас больше не требуется, – загодя проследовала на конный двор. Расспросить про торскую породу и посоветоваться о будущей верховой лошадке для Селины. Все было рассчитано до мелочей, и встреча вышла бы совершенно случайной, но граф не пришел. Луиза осмотрела немалое число мохнатых крепеньких кобылок, выслушала уйму советов, неприлично долго разглядывала и кормила буланую ласкушу и все-таки была вынуждена попрощаться.

Выходов с конного двора было несколько, и госпожа Арамона, умелым маневром избавившись от галантного бергера средних лет, с золотыми подковами на перевязи, затеря-

лась среди добротных каменных сараев. Савиньяк еще мог появиться, а она могла свернуть не туда, испугаться крысы, заблудиться... Да мало ли, главное – переговорить.

Хитрость была вынужденной, потому что капитаншу все-ррез начинала тревожить маркграфиня. Сперва Луизе до нее было не больше дела, чем хвостатому Маршалу – до свеклы. Не слишком любящая жена не слишком верного мужа, эка невидаль! Свита Урфриды казалась попроще и подушевней столичного птичника, но удивляться этому не приходилось – глухомань. Госпожа Арамона как могла отвечала на расспросы, дуру из себя не строила, слишком умную, впрочем, тоже. Все шло отлично, а потом Луиза перехватила брошенный украдкой на Селину взгляд. Такой знакомый, такой ненавидящий! Именно так глядит ревность, причем ревность, готовая укусить.

Понять, по чьей милости Урфрида прижимает ушки, удалось быстро. Маркграфиня была умна и умела владеть собой, но о том, как Проэмперадор Севера повстречал госпожу Арамона, расспрашивала лично, причем дважды – адъютанта Савиньяка и сопровождавшего дам тенъента из Надора. Разумеется, расспросы были упрятаны в равнодушную болтовню, но Луиза тоже знала, с кем и о чем разговаривать, и потом в Агмштадте обретался лишь один мужчина, достойный внимания дочери самого Рудольфа. До невозможности одинокой, это капитанша тоже поняла почти сразу, и она не могла допустить, чтобы у Сэль завелся *такой* враг. Была и

еще одна мыслишка... Кое-что до мужчин лучше всего доходит через женскую ревность, а кое-куда даже умников приходится тыкать носом. Именно это Луиза и намеревалась проделать с Проэмперадором, а тот взял и запропал.

Расстроенная, пусть и не слишком, женщина бродила меж сараев, прислушиваясь, не зазвучит ли горн, – бергерскую манеру сообщать о прибытии почетных гостей хоть бы и на конюшню госпожа Арамона всемерно одобряла, но ехидная дудка молчала. Все мыслимые сроки прошли, и Луиза, не желая мозолить глаза конюшенному начальству, юркнула в узкий лаз, по всему – ведущий к ближайшей калитке. Она ошиблась – серая, местами тронутая плесенью кладка тянулась и тянулась, одуванчики под ногами сменила раскисшая мертвая глина, а выхода все не было. Только высокие, облупленные стены и сужающийся проход, очень похожий на тупик. Капитанша с неприязнью глянула на испакощенные туфли и повернула. Она и подумать не могла, что в Агмштадте отыщутся такие гнусные закоулки, однако же отыскались!

2

Адъютанты вскочили, всем своим видом выказывая, что усиленно ждут приказаний и знать не знают, откуда на ковре взялась семерка Волн. Господин маршал карту «не заметил», буднично велел не тревожить до обеда и закрыл дверь. Адъютанты дулись в тонто, на кухне повара маркграфа шли

в решающую атаку на гору назначенной к вечернему сьедению снеди, а свихнувшиеся столичные обыватели штурмовали Ноху...

Ли вернулся к столу, к карте, к прихлопнутой мухе. Сердце Прозэмперадора билось неспешно и ровно, зато мысли неслись, будто лошади по скаковому кругу. Савиньяк не сомневался, что в самом деле видел столицу, хоть и не представлял, как это получилось. Да, он в последние дни часто думал о матери, ее, судя по письмам, тоже многое беспокоило, но не более того. До смертного ужаса, что прорывается сквозь сотни хорн, хватая любящих, вернее уже *любивших*, за горло, им обоим было далеко, а если мать, готовясь к худшему, кого-то и вспомнит, то отца. Причина видений в другом, и причину эту сразу не найдешь. А дорогу в призрачную Ноху?

Муха, взлетев с цветка в безмолвной Оллари, зажужжала и нашла свой вполне материальный конец в Бергмарк. Он убил муху и вернулся в Агмштадт? Он вернулся в Агмштадт и убил муху?

Тикают часы, в солнечном столбе кружат пылинки. Так спокойно, так безопасно... «Виденья посылаются свыше», – учат клирики; «Видения непостижимы, – долдонят сьентифики, – их нельзя ни предвидеть, ни вызвать». А точно ли нельзя? Ли прикрыл глаза, восстанавливая в памяти мрачноватую комнату, неожиданно яркую синюю полосу шторы. Материнские руки теребят атлас, сталкивают со стола ка-

кую-то ерунду, расшнуровывают корсаж баронессы... Переодевшись, Марианна не пыталась прикинуться служанкой, так для чего ей мещанское платье? Ответ очевиден: в нем проще бежать, а ведь в Нохе с ее стенами и церковными гвардейцами всяко безопасней, чем в городе. Последнее объясняет переселение к Левию, но как графиня Савиньяк и баронесса Капуль-Гизайль оказались вместе и где, кошки его раздери, Констанс?! Спасает свои сокровища? Сплавил жену кстати подвернувшейся графине и спасает? Или пристроил самое ценное под крылышко Левию? Самое ценное? Самое... древнее?

Рожденная воспоминаниями о хитреце с морискиллами догадка еще не стала мыслью, а Ли уже отпирал походное бюро, где среди карт и писем скрывалась все еще завернутая в вышивку находка девицы Арамона. Сверкнуло и мелко затряслось не померкшее за века серебро, но рука Проэмперадора оставалась твердой – это маску била дрожь. Лионель едва не отшвырнул сгусток лихорадки, сдержался, положил на карту и, уподобившись Рудольфу, прошелся по комнате. Собрался с силами, стал у стола, вглядываясь в зыбкие, будто отражение, черты и ощущая, как разгоняется его собственное сердце. Это могло быть шагом в Олларию, в заросший чертополохом двор. Это *было* шагом туда... По серебру чиркнул малиновый промельк, Ли успел удержать его взглядом, вытягивая, словно нить. Он увидит, он сейчас прорвется и увидит... Двор, разбитые бочки, сорняки, солнце...

После очередного поворота Луиза сдалась и позвала на помощь. Крик вышел глухим, словно бо́льшую его часть впитали ноздреватые, слезящиеся стены. Ответа не было, как и эха. Женщина, сколько смогла, простояла на месте, вслушиваясь в показавшуюся запредельной тишину, потом завопила во всю глотку. Без толку – она слишком углубилась в старые склады, к которым примыкал конный двор. Ее не слышали, о ней не думали, ее не искали, мало того, вокруг стал подниматься туман. От Герарда Луиза знала, что в горах туману вылезти раз плюнуть, и все равно испугалась. Да, это было глупей глупого, но тишина, хватаящая за каблуки глина и повторяющие друг друга проходы между одинаковых зданий вызывали ужас. Ко всему, госпожа Арамона одевалась для светского разговора в летний день, а не для беготни по промозглым задворкам. Холод породил злость, злость слегка вправила мозги. Капитанша вспомнила, что, постоянно сворачивая в одну сторону, вернешься, откуда вышел, потом сообразила, что уже раз десять поворачивала куда попало. Ничего, если в конце окажется стена, она просто вернется к ближайшей развилке, как-нибудь пометит проверенный тупик и займется следующим лазом. Резиденция маркграфа не так уж и велика, если не метаться навроде безголовой курицы, выберешься.

Госпожа Арамона запрокинула голову, пытаясь разглядеть солнце и хотя бы понять, где юг. Не вышло – дневное светило сгнуло в туманных тюфьях. Это вновь придало злости, а значит, и сил. Мысленно простившись с обувью, Луиза приподняла подол и бодро зашлепала между уже не сараев, но самых настоящих равелинов, однако далеко уйти не удалось – грязь стала непролазной. Когда ноги ушли в холодную серо-бурую кашу по щиколотку, женщина сочла за благо повернуть. Она сделала еще с сотню шагов, с трудом выдираясь из чавкающей глины, и поняла, что мельче грязь не становится. Оглянулась – за спиной было девственно гладко. Держась за стену, Луиза подняла ногу, стащила превратившуюся в какой-то похабный ком туфлю, перемазалась, немного успокоилась, глянула вниз. След никак не успевал затянуться. След исчез.

Что с ней стало потом, женщина не осознавала. То воя от ужаса, то проклиная, она билась в каменной паутине, падала, поднималась, бросалась на стены, царапая скользкую кладку, куда-то бежала, пытаясь вырваться из ловушки, но камень, глина и туман держали крепко. Луиза вымокла до нитки, обломала ногти, сорвала голос и наконец, грязная и босая, вывалилась из словно бы выплюнувших добычу переходов. По глазам саданул ослепительный свет, и это было не солнце. Ядовито-зеленое, будто сладкий травяной сироп, сияние било свихнувшимся фонтаном прямо из каменных плит. Оно было завораживающе ярким, изголодавшиеся по

цвету глаза вбирали в себя изумрудный мед, и госпожа Арамона не сразу поняла, где она. Слепо протянув вперед себя руки, женщина шагнула вперед.

– Иди вон! Вон!

Луиза вздрогнула и увидела. Небо. Солнце. Ноху. Дочку.

Там, где лукавый оллариянец пугал придворных дур россказнями о призраках, била ножкой по пронзенной толстым лучом плите Цилла. Дочка была в той же ночной сорочке, в которой ушла с отцом, только на головке вместо чепчика сверкала корона, а за спиной трепыхались вызолоченные крылышки. Больше между бывшей часовней королевы и заново оштукатуренным огромным зданием не было никого. Только столб зеленого света и они с Циллой. Капитанша провела ладонью по лицу. Оно, да и рука, и платье оказались сухими и чистыми, а вот туфли все-таки потерялись. Где?

– Иди вон! – крикнула кому-то Цилла. – Вон! Это мой город! Не дам!!!

Сиянье слегка поблекло, а может, Луиза начала к нему привыкать. К нему, к босым ногам, к дочке без тени и ее короне. В Олларию не пройти – так говорят и Зоя, и скотина Арнольд, но она прошла. Пройшла! Она бы и в Надор прорвалась, если б там остались ее дети, а не бедняга Эйвон с Айри...

– Пошел вон! Гад-дурак,дохлый рак!

Маленькая круглая пятка с силой ударилась о камень. Святая Октавия, она же ногу отобьет.

– Цилла! Цилла... Маленькая моя... Стой...

– Ну тебя, – буркнула дочка и вдруг присела на корточ-
ки. Так она делала, собираясь играть в могилки. – Отстань!
Мамка-шелупявка, на заду пиявка...

4

Теперь Лионель знал – нельзя отдаляться от Нохи. Чер-
тополох, солнце, толпа – они могут что-то значить, а могут
быть просто бурьяном, просто летом, просто бунтом, вот чем
они не являются точно – в этом Савиньяк не сомневался, –
так это бредом. Маршал видел, как у чудом не тронутых ни
Олларами, ни Альдо тяжелых ворот вспухает злобное люд-
ское болото, чтобы нехотя отползти назад, оставив на неко-
гда чистых камнях клочья мертвой тины. Подмоги все не
было, но положение осажденных бедственным пока не каза-
лось; если, разумеется, стрелки скупилась на смерть не из-
за нехватки пороха, а из здравого смысла. Ли надеялся, что
так оно и есть, тем более что толпа все прибывала, изливаясь
сходящимися к монастырю улицами. На то, чтобы затопить
всю площадь, ее пока не хватало, да и на штурм по своим
же трупам добрые обыватели рвались не слишком, и все же
зрелище особых надежд на спокойную ночь не подавало.

В Нохе Лионель разыскал старшего церковника и остался
доволен – несомненный ветеран, тот головы не потерял. Его
помощники – капитан и несколько тенъентов выглядели со-

бранными, напряженными, но спокойными. Ни следов страха или, того хуже, позаимствованного у врагов безумия. Кому следует находиться на стенах, те льнут к бойницам, прочие – в ближнем дворе, и их, к сожалению, меньше, чем нужно, раза в три.

Часы на колокольне показали четыре пополудни, в Агмштадте тоже должно пробить четыре, значит, до трапезы у маркграфа три часа, время есть. Мушкетеры на стенах сменились, тех, кто спустился вниз, ждал обед. Ли, еще раз похвалив ветерана, о чем тот, разумеется, не подозревал, занялся выходящими на площадь жилыми домами. На первый взгляд пустые, они могли многое рассказать о городе, и они рассказали.

Большинство было покинуто, некоторые – давно, из других уходили в последние дни, а может, и часы; где-то озаботились укутать мебель небеленым полотном и снять лампы, где-то побросали даже иконы и седоземельские меха. Взгляд маршала скользил по засохшим гераням, распахнувшим голодные пасти сундукам, валяющемуся на пороге деревянному паяцу, рассыпанной крупе, на которой безнаказанно пировала мышь... Через стену от обжиравшейся счастливицы молились люди: шесть коленопреклоненных фигур среди наспех увязанных тюков, на одном надрывается спеленатый младенец. Следующий дом был пуст, а в особняке напротив женщина убивала мужчину. Жертва, беззвучно разевая рот, истекала кровью, убийца в нарядном желтом платье, блажен-

но улыбаясь, любовалась зрелищем, а потом ткнула еще раз чем-то, что показалось Лионелю вертелом. Маршал запомнил обоих и шагнул сквозь обтянутую веселой, в цветочки и бабочки, тканью стену. Он вернулся на площадь как раз вовремя, чтобы увидеть, как вдоль стены со стороны города Франциска надвигается новая толпа.

Численностью гораздо меньше клубящейся напротив главных ворот, но куда лучше вооруженная, она состояла только из мужчин самого подозрительного вида. Савиньяк ускорил шаг и взгляделся. Да, все верно: у большинства тесаки и длинные кинжалы, но мелькают шпаги, палаши, а кое-где даже пистолеты.

Впереди в окружении десятка головорезов вышагивал голенастый малый с картинно обнаженным клинком, эдакая пародия на увлекающего в битву солдат генерала. Не будь в Нохе матери, Савиньяк, возможно, и улыбнулся бы, припомнив себя у Ор-Гаролис, но мать была там, внутри, и никакие торские победы и договоры не меняли того обстоятельства, что на одного защитника аббатства теперь приходилось не меньше полудюжины мерзавцев, знающих, как держать оружие. И это не считая продолжавших осаждать ворота горожан, а те уже завидели пополнение и возликовали.

Наверное, они орали что-то приветственное, орали и потрясали палками, топорами, кулаками. Ненависть, которую люди честные питают к городскому отребью, была забыта: явились союзники, более того, вожаки! Ободренный голена-

стый вдобавок к абордажной сабле вытащил еще и пистолет. Жест показался знакомым, но Савиньяк и так догадался, на кого смотрит. Новая «Тень», возведенная Рокэ на престол взамен прикормленного сразу и супремом, и кансильером крысенка. В краткую бытность комендантом Оллари Ли пару раз видел этого... с ошейником, и не убил. Скольких они с Росио не убили, когда могли, и счет надо было открыть Сильвестром.

Ускорив шаг, Лионель обогнал вновь прибывших и в который раз за этот бред обернулся, оказавшись с предводителем лицом к лицу. Память не подвела: это в самом деле был король «висельников»... Его звали Джанис, и он, не дойдя до толпы всего пару шагов, разрядил свой пистолет в брюхо грозившему Нохе кулаком мастеровому.

5

Цилла сидела на корточках, глядя исподлобья, и настырно бурчала:

– Не-дам-не-дам-не-дам-не-дам!..

Внимания на мать паршивка больше не обращала; раньше она так себя вела, если поблизости торчал Арнольд. Луиза завертела головой в поисках покойного мужа, но они с Циллой по-прежнему были одни: ни Арнольда, ни Зои, ни того, кому дочка не желает чего-то давать... Никого.

– Вот тебе! Шлёпа рачья! – Цилла вскочила и широко

улыбнулась. Не матери – чему-то, что ей очень нравилось. Быстро облизнула губы и вприпрыжку побежала к воротам. Впереди дочки огромным мячом скакала коронованная круглая тень. Тень, которой у мертвой не может быть... Луиза ущипнула себя за руку, стало больно, но Ноха осталась Нохой, только пустой – ни человека, ни воробья. Наверху сверкнуло – Цилла била в ладоши уже на крыше бывшего архива, как раз над залом, где Оноре спорил с придурочным епископом.

*У-гу-гу, у-гу-гу,
Я могу, могу, могу...*

Как она сама взобралась к дочке, капитанша не поняла и не запомнила, она вообще отчаялась хоть что-то понять в своей безумной беготне. Просто приняла, что стоит у трубы ближе к гребню крыши, а ниже Цилла играет с зеленью, что прозрачными волнами накатывает на старую черепичную кладку. Подобрал сорочку, дочка со смехом подбегала к самому краю, спускала ножку, шевелила пальчиками и отскакивала назад, почти к самой трубе, а за ней тянулась сверкающая волна, над которой кружило что-то неспешно-летучее, словно надорская моль обернулась не то ленивыми брызгами, не то почти изумрудными искрами...

*– Я туда, туда, туда...
Я – беда, и ты – беда!*

Растущий, распухающий на глазах столб света, залитые неживым сияньем крыши, дочкин смех и песенка. Веселая, торжествующая. Цилла может, может, может... Она пляшет и смеется, она счастлива, ведь она может...

– Цилла, девочка моя...

– Ну тебя!

Луиза не обиделась. Какой бы дикостью и грехом это ни было, она тоже чувствовала себя счастливой. Ее девочка тут, и ей хорошо. Лучше, чем было дома... И Арнольду, мертвому, лучше, и Зое. Они не хотят назад к «горячим», где их мало любили, но и не злятся, ведь теперь у них все в порядке. Цилла никогда так не смеялась, никогда!

– Маленькая моя, прости меня... нас!

Не слышит и не слушает, у нее теперь своя жизнь... Жизнь?!

Глаза режет, душно, что-то тяжелое рокочет, ворочается там, за острым гребнем, будто ярмарка шумит.

– А ты мой, а ты мой...

Я беру тебя, король!

У-гу-гу, у-гу-гу,

Я могу, могу, могу...

Арнольдовы считалочки. Маменька за них била внуков по губам, теперь маменька – графиня; Арнольд не хочет в зятя графа, вот Цилла и ухватила короля... У дочки, у ее уродли-

вой малышки, есть свой король, оттого и корона, но откуда крылья? И зачем? Неужели летать? Хотя как иначе попасть на крышу? На гребень крыши? А Цилла больше не играет с зелеными волнами, она смеется, она бежит вниз!

– Ха! Не слушались? Вот вам! Тра-та-та, а-та-та!..

– Стой... Упадешь! Тут высоко!

Не падает. Застывает на самом краю, сосредоточенно смотрит. И Луиза тоже смотрит, как, перехлестывая ворота Нохи, на ставшую прудом площадь изливается тягучий сверкающий поток. Пруд прозрачно-зелен, и на его дне идет драка. Не заметившие того, что они утонули, люди калечат и убивают друг друга. Неспешно, плавно, лениво, и эта лень не дает отнестись к заливному из смерти серьезно. Вот это, медленное, светящееся, зеленое, оно просто не может быть настоящим!

*– Эге-гей, дядьку бей,
Носа, глаза не жалей!
У-гу-гу, у-гу-гу,
Я могу, могу, могу...*

Госпожа Арамона отшатнулась и вцепилась в трубу – она вспомнила! Вспомнила, причеши его хорек!

Пущенный сонной рукой камень плывет в ставшем смолой дыму, попадает в изнемогшего старика, и тот оседает на мостовую... Ему не спастись, он это знает и не борется с неизбежностью. Зачем? Медноволосый одиночка надвига-

ется на окутанную зеленью толпу – такую же, что сейчас раздирает себя внизу. По небу скользит ворона с чем-то блестящим в клюве, бессильные колокольни тычутся в равнодушную вышину... Весна, цветущие каштаны, канун праздника.

*Вот и да, вот и да,
Я – беда, и ты – беда...*

Вот она, беда – смерть и зелень, зелень, в которой водорослями в гнилой воде вьются волосы и тряпки. Такое в Олларии уже творилось, и Луиза это видела, только снизу, с самого дна. Там было тихо-тихо, а здесь, на нохской крыше, пляшет и хлопает в ладоши радостная Цилла. Неужели дочка и тогда плясала над смертью, над безумием, над горящими складами, мертвыми мясниками, над обгорелым сукном и черными лигистскими лентами?..

6

По брови заляпанный чужой кровью оборванец увлеченно и умело полосует двумя кинжалами обступивших его ремесленников, и те один за другим валятся под ноги дерущимся, пока тяжелая шипастая дубинка не сокрушает затылок умельца.

Увлеченно размахивая какой-то палкой, вертится на месте дородная мещанка средних лет с развевающимися косами. За волосы ее и ловят – рывок, удар в спину, забив-

шая фонтанчиком изо рта кровь... Унявший ведьму громила, глупо и беззвучно ослабившись, швыряет тело в стайку подмастерий с сапожными ножами, те подаются назад. Становится виден пожилой негоциант с багровой – пора пускать кровь – физиономией. Полнокровие – дело излечимое, а вот сумасшествие...

Из темного людского варева, то и дело приправляемого алым, пузырями всплывали перекошенные рожи, и маршал Савиньяк имел сомнительное удовольствие разглядеть свихнувшихся во всех подробностях. Собственно, только это он и мог, шагая вдоль края резни, и резня эта поражала как своей бессмысленностью, так и своим зверством. Маршал больше не перешагивал трупы и не уворачивался от бьющей в лицо бесплотной крови – он почти привык, только мелькнула короткая четкая мысль: в настоящем бою опыт призрачной прогулки, если его не отбросить, будет стоять головы. И хорошо бы бывать лишь в таких боях – с пушками и солдатами в мундирах.

Не отдать должное ожесточенности схватки Ли не мог – дрались на площади самозабвенно, не заботясь о собственной шкуре, главное – дорваться до очередного врага, перерезать или даже перегрызть ему горло, выпустить кишки, раскроить череп... Вчерашние мирные, запуганные, не сподобившиеся дать отпор ни чужакам, ни мародерам обыватели забыли, что значит страх, но перестать бояться еще не значит стать бойцом. Желания убивать хоть отбавляй, а сноров-

ки маловато, «висельники» же худо-бедно, но бойцы, с оружием знакомы не понаслышке, орудуют им умело и споро. Неумехи с корявыми руками таким не соперники, если задавят, то разве что числом, но нет! Несколько минут бешеной мясорубки – и горожане сперва пятятся, потом шарахаются в овраги улиц. Слава Леворукому, они все еще боятся. И пуль, и вылезших среди бела дня на улицы «висельников». Только тем-то что понадобилось?

Если бы подданные «Тени» грабили, резали, насиловали, вламывались в дома, Ли понял бы, но они лупили горожан, даже не думая срывать с поясов порой довольно-таки пухлые кошельки и выдирать из ушей сбесившихся женщин серьги. Не стремилось ворье и оттеснить толпу от пусть огрызающей, но добычи, чтобы поживиться самим. Никто не пытался под шумок влезть на стены, никто не пробовал улизнуть, даже раненые не выходили из боя, убивая, пока хватало сил, – Ли видел, как упавший с проломленной головой молодчик из последних сил подсек ноги здоровяку в лекарской мантии, больше напоминавшему мясника, чем врача. Это было уже на самом краю площади. Савиньяк отвернулся от упавших, выискивая глазами Джаниса. Нашел. Тот был жив и всю орудовал абордажным клинком; Росио не ошибся ни в морском прошлом упрямого «висельника», ни в нем самом.

Что-то происходило. Не внизу, где продолжалось сонное побоище, в самой Нохе. Луиза это почуяла за мгновенье до того, как Цилла, прекратив пляску, застыла, будто приняв хиваясь. Маленькая, нахохленная, в яркой, сверкающей короне... Луиза тоже принялась – ничего, кроме принесенной откуда-то гари. Дочка поняла больше; зло топнув, она опрометью припустила по гребню крыши, будто по лезвию гигантского ножа. Луиза, путаясь в проклятых придворных юбках, кинулась за дочкой, но та пропала за трубами, и госпожа Арамона заметалась по оказавшемуся ловушкой скату. Ни слухового окна, ни лестницы – только враз ставшая осклизлой черепица. Будь капитанша в туфлях, она б уже валялась на камнях двора окровавленным мешком, но босые ноги чувствовали, куда можно наступать, а потом Луиза поняла, что удобней передвигаться ползком. Важной бархатной жучихой она перевалила гребень и начала спускаться. На внутренней стороне было не так страшно – часть крыши опоясывала невысокая балюстрада с загаженными голубями вазами. Женщина кое-как добралась до ограждения и, вцепившись ногтями в крошащийся алебастр, глянула вниз.

Цилла была там, на просторной террасе с клетчатым полом. Поднимавшееся от разлитой по двору дряни сиянье делало черное темно-зеленым, а белое – мерзко-салатовым.

– Ну ты! – потребовала с террасы Цилла, ее корона вырывалась из вызелененного мира радужным ярким пятном. – Где тебя кошки носят, скотина ты паршивая?! Мне не разорваться!..

Госпожа Арамона знала эти слова, как и позу – руки на боках, подбородок задран вверх. Они с Арнольдом ругались, Цилла подслушивала, вот и набралась...

– Оглох? Уши отвалились? Или ниже? Может, поднимешь задницу наконец? Ну и сокровище мне подсупонили! У людей мужья как мужья, а ты...

Детский голосок продолжал выкрикивать гнусные взрослые слова, а некогда изрыгавшая их дурища едва не грызла со стыда черепицу, потому и не поняла, что дочка не просто грубит, она зовет, изо всех сил зовет того, кто не идет.

– Паршивец-вшивец! – взвизгнуло внизу. Это уже не было торжеством, в тронутым смертью голоске слышались слезы, пусть и злые. – Ну где же ты? Кобелина-королина, по башке тебя дубиной!

Теперь во дворе пахло сладко и скверно. То ли мертвыми цветами, то ли мертвечиной. Зеленый мед затянул каменные плиты, но щели меж ними все еще виднелись, будто трещины на стекле, да и весь двор от часовни с примыкавшей к ней стенкой до здорового архива стал скверным витражом, и только зеленый фонтан по-прежнему бил и бил.

– Королишка, полные штанишки! – Теперь Цилла стояла на балюстраде террасы и озиралась по сторонам удивленно и

беспомощно. – Ну давай же! Ты мой! Мой! Мне папка обещал...

Арнольд? Что он наплел малышке? Кого она ждет?!

– Цилла! Девочка моя...

– Мамка? Где мой король! Дай! Это мой город! Мой! Не дам! Рак-дурак, пошел вон! Не лезь сюда!!!

Цилла опять затопала, сжимая кулачки, и Луиза наконец увидела того, кого прогоняла ее дочурка. Он выдвигался из трясины, будто его поднимала чудовищная ладонь. Обнаженный и зеленый, как и все вокруг, еще не старый, необычайно красивый, с липнувшими ко лбу волосами-сосульками, он спал и омерзительно улыбался во сне. Под узкой темной полоской усиков то появлялась, то исчезала изумрудная полоска зубов. Ровных, блестящих, мелких.

– Не дам! Вон! Пошел вон! Это мой город!!! Я – королева... Сейчас придет мой король! Он тебя...

Цилла прыгала, топала, ругалась, как сапожник, то есть как пьяный Арнольд. Усатый спал и улыбался, его баюкало зеленое желе, и оно уже не было прозрачным. В нем ползали темные длинные пятна, то поднимаясь к поверхности, то исчезая в глубине. У стены вспух здоровенный блестящий пузырь, и тут же набрякло еще несколько. Площадь закипала без огня, усатый спал и улыбался, но его естество было возбуждено. Он, как и Цилла, то и дело облизывал губы, длинная рука описала полукруг, словно кого-то обнимала или душила.

– Вон! Это мое!

– Цилла, назад!

Назад, потому что зеленый опасен. К нему нельзя приближаться, и смотреть на него тоже нельзя...

– Цилла, беги!

– Это мой город!

Спящий больше не двигался и не облизывал губ. Все с той же сладострастной улыбкой он уходил назад, в светящуюся глубину. Медленно, по волоску, но уходил, и вместе с ним опадали пузыри. Цилла прыгнула вниз, расплескав, вернее разбив, сдающееся стекло. Полностью захваченная своим поединком, она не ругалась, не озиралась по сторонам, не звала своего короля. Она не видела высокой статной фигуры, оказавшейся у нее за спиной. Луиза тоже ее заметила, когда поздно было даже кричать. Сильная, впору гнуть подковы, рука сорвала с дочкиной головы корону.

– Цилла!

– И-и-и!.. – Малышка уже все поняла и обернулась к новому врагу. Простоволосая, яростная, она подскочила чуть ли не на высоту своего роста, норовя вцепиться вору в горло.

– Ты не он! Отдай!!! Не твое! Ты не мой! Ты не король... Подлый пфук! Жаба! Отдай!!! Вот тебе!

Ошеломленный высокий – Альдо Ракан! – отшатнулся, корона вырвалась из сильных пальцев, коснулась растекшейся зелени и канула, растаяла солью в бульоне. Сразу, и это был конец. Луиза не знала, как она это поняла, но поняла

сразу.

– Мамка! Мамка, дай... Короля дай! Моего!!!

Альдо съежился, прикрывая голову руками, заорал, его щека лопнула, потом что-то случилось с его глазом, шеей, мундиром. Казалось, его рвут невидимые псы, рвут и режут, как ревет дальняя ярмарка, как ревела черноленточная толпа в Заречье, а зеленый столб распухал невиданной клубящейся кроной, будто на нем выростала злобная, нечистая гроза. Не надорские сходящиеся луны, не ожившие камни, нечто худшее, что не просто раздавит, погребет под толщами камня и воды, а исковеркает, извратит и затащит в зеленый пахнущий тленом мед, из которого уже поднялся усатый. Он проснулся, и останавливать его было некому. Кроме Циллы. Малышка не бежала, не пряталась, не плакала. Молча, набычившись, она глядела на проснувшегося, и тот больше не улыбался. Двое – девочка в рубашонке и возбужденный голый красавец, застыли друг против друга по щиколотку в зеленой погребели и стояли, пока камни не предали окончательно и Цилла не провалилась в ядовито-медовую топь, как проваливается в болото прельстившийся сочной травой теленок.

– Мамка! – Отчаянный крик разом убил и страх, и разум. Луиза рванулась к погибающей дочке, не разбирая пути. Может, она прыгнула с крыши, может, упала, может, слетела... Или это была не крыша, или вообще не было ничего, кроме зовущей мать малышки, живой ли, мертвой ли, но дочки,

кровиночки, существа, за которое только и стоит умирать. И неважно, что станется с тобой, только б Цилла смеялась и плакала, только б она *была*. Луиза что-то отпихнула, что-то перескочила, упала, поднялась, вцепилась в заступившую путь спящую килеанью морду, та размазалась в кашицу, как сгнившие в вазе цветочные листья.

– Мама... – уже не кричало, хрипело где-то за зеленой струей, за спинами встающих один за другим дохлых кавалеров, – мамо... чка!

– Я тут! Тут!.. Я с тобой... Святая Октавия, кто-нибудь, помогите! Не дайте этим... Этому! Цилла, нет! Нет!!!

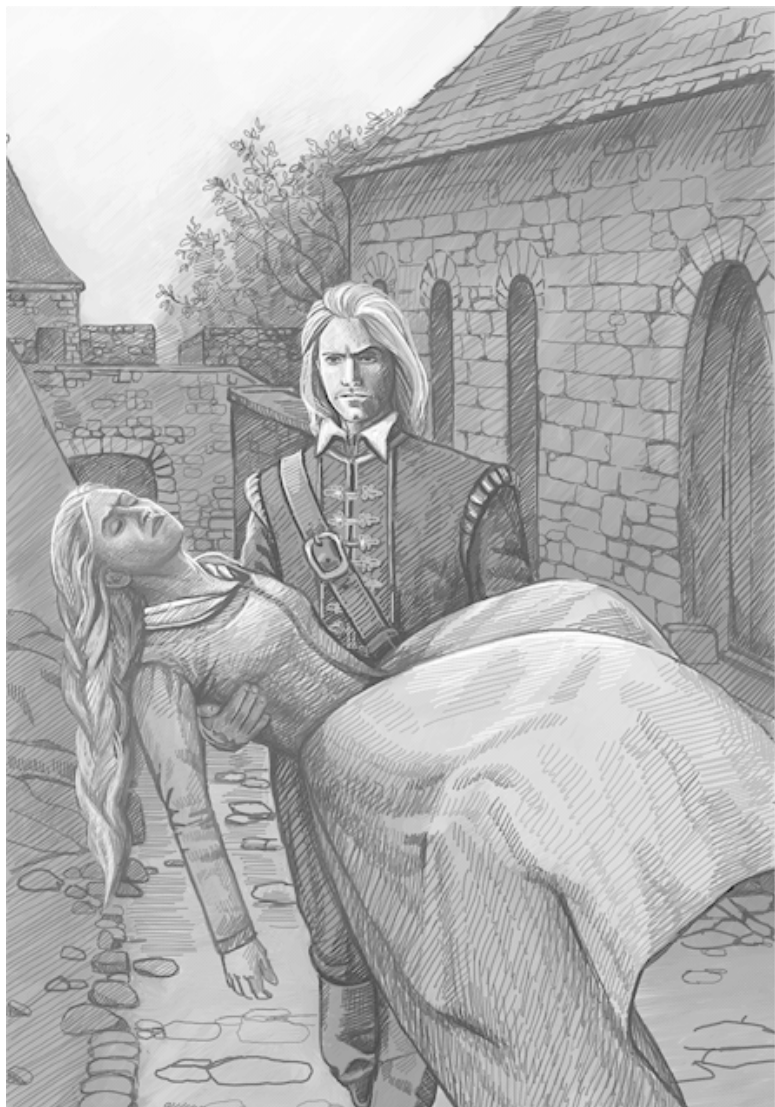
Часть вторая

«Десятка Мечей»²

Мы не можем быть уверены в том, что нам есть ради чего жить, пока мы не будем готовы отдать за это свою жизнь.

Эрнесто Гевара Линч де ла Серна

² «Десятка Мечей» – младший аркан Таро. Символизирует некое препятствие, преодолеть которое необходимо. Преодоление открывает путь на новый уровень, в новый мир. Это слезы, страдания и вместе с тем любовь, дом, мир. **П. К.** – выгода, успех, власть, авторитет и вместе с тем неумение идти дальше.

Глава 1

Талиг. Оллария

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

Смерть Халлорана оказалась лишь началом, но Робера это не удивило, его вообще ничего больше не удивляло. Вечно сомневающийся человек куда-то делся, пропал, растворился во вдруг переставшем быть фальшивым Проэмперадоре. Эпинэ действовал, как заведенные кем-то куранты, бездумно и правильно. То есть он понимал, что прав, уже решив, сделав, приказав... Так он велел стрелять у Святой Денизы по очередным черноленточникам. Так он перебрался в городские казармы на Арсенальной, и туда сразу же стали стекаться известия, которые могли не добраться до дворца. Другое дело, что известия эти были, как бурчал Дювье, «надо б гаже, да некуда».

В центре с грехом пополам разгребали, зато забурлило в северных предместьях, у Поганого канала и на Кузнечных дворах. Одновременно и сильно. У «Поганки» городская стража справилась своими силами, к Кузнечным пришлось посылать подкрепления. Два десятка кавалеристов погнали

коней грязными безлюдными улицами; поднялась и повисла в воздухе похожая на зеленоватый дым пыль. Эпинэ проводил ускакавших взглядом и впервые за несколько часов подумал о женщинах, за которых он отвечал, как любой посмевающий отказаться от одиночества мужчина.

Графиня увезла Марианну в Ноху, графиня должна уехать... Первое передал побывавший у Капуль-Гизайлей южанин, о втором они с Левием договорились еще вчера. Что ж, будем надеяться на Арлетту и на церковников, потому что Прозэмперадор не может отвлечься ни на минуту. Нет у него такого права. После лжи над телом Катари – нет.

– Монсеньор...

Снова гонцы, снова доклады о разгоне очередной толпы. В этот раз – на левом берегу, перед Узким мостом.

– Отлично, – холодно одобряет некто, засевший в душе. – Перекрыть мост намертво, потребуется – поджечь.

Хорошо, что на Узком – деревянный настил, а дождя нет вторую неделю. Плохо, что мостов через Данар много, и мостов каменных.

– Жильбер, отправь два десятка на разведку. – Лэйе Астрапэ, он в собственной столице думает военными понятиями! – В южные кварталы правого берега.

– Да, Монсеньор. – Адъютант тоже на войне, и куда больше, чем был, сжигая Сэ. – Может быть, им на обратном пути... захватить в Ноху?

– Пусть заедут. – И расскажут, что Марианна жива, здо-

рова и спокойно ждет ночи вместе с графиней. Пусть хоть так, на большее сил все равно нет.

– Монсеньор, как думаете, Рокслей скоро?..

– Будем надеяться.

И здесь он оказался кругом прав. В том, что велел Дэвиду готовить конвой для принца, и никаких «утром»! Чтоб Октавия не было в сходящей с ума столице сегодня же. Октавия, Марианны, графини Савиньяк... Жильбера б еще вышибить с Инголсом, и еще Левия, и...

– Монсеньор, от Мэйталя.

– Зови.

Лэйе Астрапэ, этот кошачий день закончится или нет?!

2

Теперь они были переодеты обе, баронесса – в платье служанки, графиня – в преподнесенный Пьетро туалет мещанки средней руки. Арлетта не выдержала, спросила, способствует ли сия одежда спасению души. Монах кротко ответил, что не исключает сего, и исчез. То ли давая гостье возможность обновить душеспасительное облачение, то ли отправившись по каким-то своим делам. Марианна молчала, даже платок не комкала, Арлетту на разговор тоже не тянуло, хотя болтовня отвлекает от страха, а графиня боялась куда сильней, чем улепетывая из Сэ. Правда, тогда не пришлось ждать, разглядывая в окно становящийся все более омерзительным

двор. Заставить себя читать, сочинять, говорить женщина не могла; все, на что хватало выдержки, это не трогать дрожащую шкатулку. Минуты тянулись, тени от зданий потихоньку вырастали и тоже тянулись – на восток, от флигеля к кардинальской резиденции. Над двором проплыла черная птица – нохский ворон видел, что творится возле аббатства, две сжавшиеся в комок гости Левия лишь гадали. Про себя.

– Хорошо... – хрипло сказала за спиной баронесса, – хорошо, что мы с собой ничего не взяли. Констанс настаивал... А мы не взяли.

– Да, – подтвердила Арлетта и прониклась к себе толикой уважения, поскольку голос прозвучал как обычно. – Удачно, что нам нечего спасать.

Драгоценности, которые она привезла, пошли в ход еще до того, как в тайнике Раймонды нашлись блюда с кувшинами, и ладно. Подарки Арно она предусмотрительно оставила в Савиньяке, но удирать, бросив фамильные ценности, в любом случае дурной тон. А в том, что удирать придется, Арлетта больше не сомневалась.

– Мы должны слушать Пьетро. – Лучше, чтоб Марианна поняла это прежде, чем все начнется по-настоящему. – Не Габетто, а Пьетро. Он знает, что делать. Поверьте, когда бежишь, главное – не мешать тому, кто тебя выводит.

– Не беспокойтесь, сударыня. – Баронесса нашла в себе силы улыбнуться, в очередной раз доказав мудрость Ро. – Я не буду обузой.

На сей раз она не напоминала ни о своем происхождении, ни о висельниках с Салиганом, и это тоже было достойно.

– Кто-то идет. – Руки красавица все же стиснула. Не забыть сказать ей, чтобы сняла кольца.

– Я слышу. – Спокойно... Спокойно, графиня Савиньяк, урожденная Рафиано, не позорь своих мужчин. – Любопытно, это Пьетро или наш милый тенъент?

Скрипнули, почти взвизгнули дверные петли. Как громко... Впрочем, у страха слух, как у кошки, вот мозгов у него куда меньше, значит, долой страх.

– Брат Пьетро, мы в вашем распоряжении. Что нам делать?

– Пока всего лишь ждать.

С четками монашек не расстался, но взор больше не опускал. Таким он еще сильнее напоминал Ли и при этом был откровенен, как Райнштайнер в Сэ. Вкратце объяснил: драка за стенами аббатства еще идет и погромщики все прибывают.

– Заблудших уже столько, – длинные пальцы невозмутимо отсчитывали плохонькие жемчужины, – что оставшиеся в Нохе гвардейцы с ними не справятся. Их просто не хватит, чтобы удерживать стены на всем протяжении. Прорыв неизбежен, после чего у гарнизона останется два выхода. Уходить или забаррикадироваться в резиденции его высокопреосвященства.

– Вы думаете, – дала понять, что она еще соображает, Ар-

летта, – что подмога придет?

– Это маловероятно.

– В таком случае загонять себя в мышеловку нелепо. Если, конечно, Ноха не окружена...

– Нет, сударыня... пока нет. Я согласен с вами, и я посоветовал офицерам, как только бунтовщики преодолеют внешнюю стену, вывести солдат через внутреннюю Ноху к Желтой площади. Непонятно, ради чего защищали аббатство городские головорезы, но у церковных гвардейцев в отсутствие его высокопреосвященства этой причины явно нет.

«Защищали»... Значит, эта защита уже в прошлом.

– Эти головорезы разбежались?

– Нет, сударыня, они погибли.

– Все?

– Насколько я мог понять, все. Если капитан решит уходить, можно будет...

Топот ног по лестнице, распахнутая дверь. Долговязый солдат из десятка Габетто. Значит, уже «не можно».

– Брат, дело плохо...

Уединяться с гонцом Пьетро нужным не счел, выслушал на месте, не стесняясь дам и не пытаясь их обмануть. Оказалось, что где-то с северной стороны больше полусотни одержимых перебрались через стену. Их перебили, но сейчас лежат в других местах, так что всё, считай, внешняя Ноха захвачена. Габетто сейчас будет здесь, он просит поторопиться со сборами. Очень просит.

Солдат выпалил свои новости и с тем же топотом унесся вниз. Правильно, сейчас не до поворотов через левое плечо. И не до слез.

– Сударыня, разумеется, мы дождемся Габетто, тем более что внутренняя Ноха какое-то время еще продержится. – Пьетро все же монах. Мужчина видел бы лишь ставшую снеговой баронессу! – Но я бы вам посоветовал охрану отпустить.

– Хорошо. – Арлетта не колебалась, как не колебалась, вверяя себя Райнштайнеру. – Габетто и его люди останутся с гарнизоном. Марианна, снимите кольца и повяжите голову. Я видела тут почти платок.

3

Дювье кромсал холодную говядину, клал на хлеб, от души мазал горчицей и передавал сидящему ближе всех Сэц-Арижу. Это было обедом и наверняка ужином, о которых Робер напрочь позабыл, но ввалившийся Карваль сказал, что надо поесть, и вот они сидели, кто на столе, кто на подоконнике – стулья из кабинета коменданта куда-то подевались, и жевали. Проземперадор, генерал, капитан и сержант. Четверо, счастливое число... А уж какое счастье творится за стенами!

– Монсеньор, – Никола ел быстро и аккуратно, – нужно решать с Багерлее.

– Что, и там?

– Нет, но мы обязаны принять меры. Арестованных по воле ее величества и графиню Рокслей лучше вывезти, остальных – расстрелять, а тюремщиков присоединить к городской страже. Я узнал, что Перт в ней и начинал. И я бы покончил с барсинцами и дезертирами. С теми, что в Доре...

Робер проглотил слишком большой кусок, а может, это горло вдруг стало уже. Хлебная корка, опускаясь к желудку, царапалась, как угодившая в мешок кошка. Никола сосредоточенно сдвинул брови, готовясь спорить.

– Мародеров и насильников мы вешали, – напомнил Эпинэ. – В Доре те, чья вина не доказана.

– Нам больше некогда доказывать. – Маленький генерал вытер тыльной стороной ладони усы и стряхнул с мундира немногочисленные крошки. – Монсеньор, если мятежники получат вожаков-военных, наше положение станет безнадежным.

А так оно не безнадежно? Хотя Дженнифер и Кракла в самом деле лучше вывезти в Ноймаринен. И свежие люди страже не помешают, но убивать людей, пока они еще не свихнулись... Не разоружить, не запереть – просто прикончить!

– Отправьте, кого считаете нужным, с послами. Проворовавшихся поставщиков разогнать к кошкам! Подстрекателей... Да, расстреляйте. Охрану – в город Франциска.

– А Дора, Монсеньор?

– Пока сидят смирно, будут жить. При попытке бунта – стрелять без предупреждения, но не раньше.

– Монсеньор, – доложил с подоконника Дювье, – из дворца. Вроде не вовсе в мыле...

Бывший гимнет и впрямь дурных вестей не привез. Приказ о вывозе принца выполнялся; как только всё подготовят, немедленно выедут.

– Надо найти Мэйталя... – Робер по примеру Никола смахнул с мундира крошки и понял, что все еще голоден. Нашел время! – Конечно, можно послать и Халлора... Гедлера.

– Мэйталь со своими, как и договаривались, сейчас на Триумфальной и вокруг Ружского, – напомнил Никола, – там пока тихо.

– Вот и прекрасно! Кортёж как раз пойдет по Триумфальной, пусть там церковники и присоединяются. – Да уж, «прекрасно»! Принца собирались отправить завтра, а сегодня рассчитывали на помощь серых в городе. – Никола, я не хочу оставлять те места без присмотра. Выдвинем к Ружскому полсотни наших из тех, что в резерве. И роту гарнизонного полка...

– Монсеньор, мои люди не в резерве. Они сопровождают вас.

– Никола!

– Дювье охраняет вас. И будет охранять, а к Ружскому можно отправить Блора.

– Лэйе Астрапэ, кого?!

– Полковника Блора, Монсеньор. Мне понятно ваше

удивление, но после исчезновения Окделла Блор не дал ни единого повода для недоверия. Он был втянут в мятеж так же, как и Халлоран.

– Он сейчас в Новом?

– Да, за Святым Квентином. Там не слишком горячо, стража справится и без северян.

– Хорошо. В случае беспорядков на Золотой и рядом туда можно направить и Блора.

Дювье никуда не уйдет, это ясно. Собственно, Никола о таком предупреждал. Южане будут сперва защищать «Монсеньора» и лишь потом – выполнять его приказы. Кэналлийцы подчинились бы, а эти – нет! Разве что Иноходец станет Вороном, который без раздумий отдаст приказ стрелять по толпе. И под ядра пойдет тоже не оглядываясь.

– Никола.

– Да, Монсеньор?

– Пошлите в арсенал за гранатами.

Глава 2

Талиг. Оллария

Бергмарк. Агмштадт

400 год К. С. 7-й день Летних Молний

1

То, что она висит на руках раненого мужчины, и не абы какого, а самого Проземператора, Луиза сообразила, едва открыв глаза. Госпожа Арамона приходила в себя, как и просыпалась, сразу, правда, объятия полуодетого окровавленного Савиньяка на пробуждение походили мало. Стараясь не шевелиться – Лионель казался половчей Эйвона, но страх быть уроненной продрал глаза вместе с хозяйкой, – госпожа Арамона обеспокоенно заметила:

– Сударь, вас надо перевязать!

Граф односложно согласился и, не выпуская ноши, куда-то отправился. Захлопало – в довершение всего ее тащили по воде. Луиза видела только Савиньяка по грудь и веселенькое синее небо, а вертеться было себе дороже.

– Поставьте меня. Вы ранены, я пойду сама.

– Вы промочите ноги.

Луиза могла бы возразить, что лучше промочить ноги,

чем плюхнуться в лужу, но спор был чреват именно плюханием, и капитанша смолчала. В конце концов, это ее несли, а не она изображала маршальскую лошадь. Путь оказался недолог, через несколько шагов Проэмперадор успешно поставил даму на травку рядом с брошенным мундиром и, достав платок, зажал рану на груди – кажется, неопасную.

– Сударыня, – отрывисто спросил он, – вы что-нибудь помните?

«Что-нибудь» Луиза помнила. Собственные корыстные намерения, торских кобылок и галантного бергера, от которого она с трудом избавилась.

– Я хотела с вами переговорить, но так, чтобы об этом...

– Госпожа Арамона, на экивоки нет времени. Вы видели Олларию?

– Какую, причеши те... Сударь, я вас не понимаю.

Надо отдать графу должное, непонятливую бабу он не придушил, и вряд ли из страха перед выходцами.

– Я полагал, что вам может привидеться Оллария. Скорее всего, Ноха или ее окрестности.

– Я забыла, – брякнула Луиза и поняла, что лучше объяснить: – Я не запоминаю сны. И бред тоже. Вас надо перевязать.

– Позже, – отмахнулся Савиньяк и твердым шагом куда-то направился. Луиза проследила за ним взглядом и в сотне шагов обнаружила двоих всадников и четырех лошадей. Следующим открытием стало, что саму ее вот-вот вывернет на-

изнанку. Прикрыв ладонью рот, госпожа Арамона бросилась в кусты, благо те зеленели у самого берега. Она успела, хоть и с трудом.

2

Вернувшийся в очередной раз Пьетро тихо сказал, что пора, и Арлетта, напоследок проверив спрятанную за корсаж бумагу, послушно подхватила узелок с обмотанной шалью маской. Ткань глушила дрожь металла, а тащить с собой футляр графиня сочла излишним. Закрытую со всем тщанием шкатулку заперли в бюро, куда прежде всего и полезут мародеры. Арлетта охотно распахала бы гайифскую радость по всему аббатству, но в их с баронессой распоряжении был всего один сувенир, правда, отменный.

– Будем надеяться, добыча достанется самому мерзкому, – шепнула притихшей спутнице графиня и вслед за Пьетро шагнула на лестницу. Монах спускался достаточно быстро, но женщины поспевали за ним без особых усилий. Ступеньки не скрипели, монастырские сандалии ступали бесшумно, лившийся сверху и сбоку свет создавал ощущение сна. Очень короткого, в тридцать шесть не слишком крутых ступенек. Нижняя прихожая была пуста, в ней еще пахло железом и кожей, но Габетто ушел и увел своих солдат, подчинившись то ли графине, то ли секретарю его высокопреосвященства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.